

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Поречная

ПОРЕЧНАЯ ВИКТОРИЯ ИГОРЕВНА

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В
ТРОПЕИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ЯЗЫКА**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:
доктор филологических наук, профессор
Зубкова Ольга Станиславовна

Курск, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	13
1.1. Основные концепции изучения пространства в гуманитарной парадигме.....	13
1.2. Картина мира. Понятие и классификация.....	22
1.3. Специфика репрезентации пространственной картины мира и языковые средства выражения пространственных значений.....	30
1.4. Семантические и грамматические особенности репрезентации пространственных отношений и объектов.....	40
1.5. Синтаксические особенности репрезентации пространственной картины мира.....	58
1.6. Концептуализация пространственного кода культуры.....	64
Выводы по Главе I.....	73
Глава II. ТРОП КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ УНИВЕРСАЛИЙ.....	76
2.1. Эволюция понятия «тропы» в лингвистике и смежных науках.....	76
2.2. Проблема классификации тропов в рамках пространственного метафорического комплекса.....	84
2.3. Образ как основа формирования и вербальной репрезентации пространственной картины мира в тропах.....	99
2.4. Концептуальная когеренция тропов в структурной организации пространства.....	114
2.5. Динамика семантического расширения пространственных концептов, репрезентированных тропами.....	119
Выводы по Главе II.....	124
ГЛАВА III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	

ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ТРОПОВ С	
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ.....	126
3.1. Вопросы организации экспериментального исследования.....	126
3.2. Первый этап исследования: методика субъективных дефиниций.....	126
3.2.1. Задачи и гипотеза эксперимента с применением методики субъективных дефиниций.....	126
3.2.2. Участники и процедура эксперимента.....	127
3.2.3. Отбор материала исследования.....	128
3.2.4. Количественная обработка полученных данных.....	129
3.2.5. Анализ и интерпретация результатов первого этапа эксперимента.....	129
3.3. Второй этап исследования: свободный ассоциативный эксперимент.....	158
3.3.1. Задачи и гипотеза свободного ассоциативного эксперимента.....	158
3.3.2. Участники и процедура эксперимента.....	159
3.3.3. Отбор материала исследования.....	161
3.3.4. Количественная обработка полученных данных.....	162
3.3.5. Анализ и интерпретация результатов второго этапа эксперимента.....	162
Выводы по Главе III.....	197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	199
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Одной из форм бытия материи выступает пространство, обладающее структурностью, протяжённостью, одновременно и континуальное, и дискретное, с разной степенью плотности наполненное объектами, являющееся полем взаимодействия этих объектов, а также связанное со временем, в рамках которого происходит данное взаимодействие. Пространство, как и время, является объектом категоризации в культуре и, соответственно, объектом объективации в языке. Проблемы объективации пространства в языке находятся в центре внимания различных направлений лингвистики в течение довольно продолжительного периода времени.

В качестве универсальной категории бытия пространство существует в культуре каждого народа, в картине мира каждого из её представителей. Формирование пространственной картины мира как особого элемента картины мира, вербализуемого языковыми средствами конкретного языка, является неотъемлемой частью пространственного вокабуляра каждой лингвокультуры.

Объективация пространства, пространственных отношений и пространственной картины мира в языке может быть осуществлена с помощью многообразных механизмов и способов. Наиболее распространёнными являются метафорические средства репрезентации указанных явлений.

Актуальность научного исследования определяется:

– необходимостью критического осмысления специфики объекта исследования: термина «пространственная картина мира», включающего в себя два самостоятельных лингвистических термина («пространство», «картина мира»), являющегося комплексным явлением, не имеющим однозначной единой трактовки в современной теоретической лингвистике;

– общелингвистической значимостью учёта особенностей предмета исследования: обусловленные деятельностью человеческого сознания тропы

(тропеические средства языка), являясь средством реализации пространственной картины мира, характеризуются наличием специфических особенностей;

– необходимостью подробного изучения характерных свойств когнитивных механизмов и лингвокультурных процессов как элементов формирования пространственной картины мира: тропы генерируются в когнитивном процессе метафоризации, реализующем функции пространственного кода культуры.

Степень научной разработанности проблемы подтверждают труды по изучению сущности пространства и пространственных отношений в области философии (Simplicius [1907], Н. Кузанский [1979], Аристотель [1981], Платон [1994], А. Бергсон [1998]), точных наук (А. Эйнштейн [1966, 1967], Г.В. Лейбниц [1984], Newton [2010]), лингвистики (В.Н. Топоров [1983, 1995], Т.В. Цивьян [1990, 2009], Е.С. Яковлева [1992], О.Н. Селиверстова [2004]), картины мира (В.И. Постовалова [1988], Л.А. Закс [1990], Н.Ю. Шведова [1999], Ю.Н. Караулов [2014], Е.А. Ефремов [2010], С.Б. Аюпова [2012]), вопросов её классификации (В.А. Пищальникова [1993], З.Д. Попова [2007], Е.Г. Белоусова [2008], С.А. Чернова [2010], А.А. Чернобров [2012]), исследования в области механизмов восприятия пространства и способов репрезентации пространственных отношений в языке и языковой картине мира (Ю.Д. Апресян [1986], R. Jackendoff [1990], Е.В. Рахилина [1998, 2000], А.Д. Великорецкий [2002], В.В. Корнева [2002, 2008], И.С. Бороздина [2014, 2016]), исследования кода культуры (А.С. Самигуллина [2007], В.В. Красных [2013], О.В. Нуждина [2018], Ж.В. Краснобаева-Чёрная [2018]). В диссертации рассматривались работы в области изучения содержания термина «троп» (Р.О. Якобсон [1990, 1996], М.Ю. Лотман [1992, 1999], P. Schofer, D. Rice [1977], Е.В. Белецкая [2007], О.С. Зубкова [2018]), понятия метафоры (Н.Ф. Крюкова [2016, 2019, 2022], Н.Ю. Бородулина [2018, 2022]), проблемы классификации тропов (С.М. Мезенин [1984], И.В. Пекарская [2001], И.Ю. Кочешкова [2004], С.В. Лопаткина [2004], В.П. Москвин [2006]), понятий «образ» и «образность» (А.А. Потебня [1999], А.А. Леонтьев [2016], Е.А. Юрина [2005], С.Е. Халитова [2010], Н.А. Гайдук [2013], Н.Н. Шоков [2017], И.А. Лиходкина [2019]). Анализ трудов Д.Н. Узнадзе [2004], С.Л. Рубинштейна [2012]

и др. позволяет утверждать значимость учёта особенностей процесса восприятия для субъективной идентификации пространственных отношений. Кроме того теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных учёных в области исследования особенностей процессов восприятия и порождения речи (А.Р. Лурия [2002, 2017], Л.С. Выготский [2021], Б.Г. Ананьев [1960], Н.И. Жинкин [2009]). Вместе с тем, нами учитывались и развивались постулаты лингвосомиотической теории тропов О.С. Зубковой (О.С. Зубкова [2011, 2013, 2018]).

По нашему мнению, вербализация пространственной картины мира предполагает обязательную актуализацию когнитивного процесса метафоризации как универсального механизма формирования тропов, в связи с чем наш научный интерес был сконцентрирован на объективации пространственной картины мира в тропеических средствах языка.

Объект исследования: пространственная картина мира как особый элемент языковой картины мира индивида.

Предмет исследования: тропы как способ репрезентации пространственной картины мира в ментальном лексиконе индивида.

Целью данной работы является исследование и описание особенностей репрезентации тропеической лексики с пространственной семантикой с позиции интегративного подхода в ментальном лексиконе индивида.

Цель работы предполагает решение следующих **задач**:

– обобщить и систематизировать опыт лингвистических, когнитивных, психолингвистических исследований тропов с пространственным значением;

– выделить средства объективации пространства в языке;

– определить границы феномена пространства в языковой картине мира и предложить собственную дополненную дефиницию термина «пространственный код культуры»;

– выделить и описать функции пространственного кода культуры с позиции его формирования и функционирования;

- исследовать тропеичность средств языка, определяемую семантическими характеристиками пространственных лексем;
- выбрать методы и методики исследования;
- выявить и описать факторы, оказывающие влияние на восприятие тропов с пространственным значением;
- отобрать материал для эмпирической (экспериментальной) части исследования;
- провести эмпирическое (экспериментальное) исследование, состоящее из двух этапов;
- осуществить анализ и описание полученных эмпирических данных с целью проверки основной гипотезы исследования.

Для решения представленных выше задач были применены **методы и методики** описания и обобщения, комплексный теоретический анализ, приёмы лингвистического, контекстного и интроспективного анализа, теоретико-индуктивный метод, методика субъективных дефиниций, метод ассоциативного эксперимента, метод интерпретации эмпирических данных, компонентный анализ семантики лексических единиц; словообразовательный анализ лексических единиц; количественно-статистический метод, сопоставительный анализ экспериментальных данных.

С целью получения достоверных сведений об особенностях содержательной и процессуальной сторон исследуемого феномена к анализу привлекался разноплановый и обширный **материал исследования**:

1) 100 библиографических/энциклопедических статей из словарей русского и английского языков («Философский энциклопедический словарь», «Словарь литературоведческих терминов», «Лингвистический энциклопедический словарь», «Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов», «Большой энциклопедический словарь», «Стилистический энциклопедический словарь русского языка», «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словарь лингвистических терминов»,

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, «Большой толковый словарь русского языка», Macmillan English Dictionary).

2) 1300 контекстов из художественной литературы XIX – начала XXI века, в том числе драматических произведений, публицистики XX – начала XXI века, церковно-богословской сферы, электронной коммуникации на русском и английском языках (общим объемом более 1 000 страниц).

3) 1700 контекстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Британского национального корпуса (BNC);

4) 150 словарных статей;

5) 3022 реакции, полученные в результате проведения экспериментального исследования с участием русскоязычных испытуемых (250 реакций при проведении экспериментального исследования с применением методики субъективных дефиниций, 2772 реакции при проведении свободного ассоциативного эксперимента).

Общая гипотеза исследования: формирование и восприятие тропов с пространственной семантикой происходит в результате действия когнитивного механизма метафоризации, позволяющего репрезентировать в конкретных языковых единицах элементы языковой и индивидуальной картин мира, в результате чего достигается определенный эмоциональный и суггестивный эффект.

Научная новизна работы заключается в реализации интегративного подхода к изучению феномена пространственной картины мира, формирующегося в результате осуществления процедур категоризации и вербализации пространственных отношений. Принятый и развиваемый в диссертации интегративный подход акцентирует внимание на рассмотрении тропов с пространственной семантикой как на результате когнитивного процесса метафоризации, реактивирующего актуальные компоненты концептуальной, языковой и пространственной картины мира, вводя новые эмпирические данные с учётом композициональности значения. Выполненное исследование существенно расширяет семантический потенциал понятия «код культуры», уточняя термин

«пространственный код культуры» через конкретизацию данного понятия как самостоятельного лингвокультурного явления с собственной семантикой. Принятый в работе методологический подход к изучению вербализации пространственной картины мира позволяет дополнить критериальные показатели для классификации тропов.

Теоретическая значимость обусловлена тем, что:

- предложен комплексный подход к исследованию роли тропа как способа выражения языковой картины мира, расширяющий представление о метафоризации как когнитивном механизме формирования средств выражения пространственной картины мира;

- раскрыты и углублены представления о таком фрагменте концептосферы как пространственная картина мира, и о тропах как способах её репрезентации;

- выделены средства объективации пространства в языке;

- предложена дополненная дефиниция термина «пространственный код культуры», представлена схема связи художественного образа со средствами его репрезентации;

- выделены функции пространственного кода культуры с позиции его формирования и функционирования;

- дополнены критерии тропеичности выразительных средств языка с учётом психолингвистического подхода;

- представлена уточнённая дефиниция тропа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что теоретические положения и выводы диссертации могут использоваться в лекционных курсах по общему языкознанию, теории языка, когнитивной лингвистике, психолингвистике, стилистике. Материалы диссертации могут найти применение при разработке спецкурсов, спецсеминаров по семантике, лингвокультурологии, прикладной лингвистике.

Достоверность результатов и обоснованность выводов диссертации обеспечивается тем, что ее теоретические постулаты основываются на использовании и переосмыслении значительного объема научных источников по

исследуемой проблеме, а также привлечением обширных эмпирических данных, подвергнутых исследованию с применением взаимодополняющих методов и приёмов анализа. Кроме того, валидность практической части обусловлена результатами обработки и анализа 25 стимульных контекстов различного объёма и модусов функционирования тропеических средств; 3022 реакций, полученных в результате проведения эмпирической части исследования; изучения 100 библиографических/энциклопедических статей из словарей русского и английского языков; 1300 контекстов из художественной литературы XIX – начала XXI века, в том числе драматических произведений, публицистики XX – начала XXI века, церковно-богословской сферы, электронной коммуникации на русском и английском языках; 1700 контекстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Британского национального корпуса (BNC); 50 словарных статей; многократной апробации результатов исследования в публикациях и на конференциях различного уровня.

В соответствии с общей целью и задачами исследования на защиту выносятся следующие основные **положения**.

1. Пространственная картина мира есть когнитивный феномен, в формировании которого реализована метафорическая форма опредмечивания когнитивного потенциала процессов категоризации.

2. Пространственная картина мира отражает национально-культурную самобытность этноса на основе пространственного кода культуры, который включает в себя комплекс метафор, в диахронии отражающий динамику этнокультурных ценностей.

3. В составе комплекса пространственных метафор троп представляет собой образное, семантически двуплановое образование с экспрессивной составляющей, выполняющей функцию номинации и реноминации пространственных объектов.

4. Изменение восприятия пространства в ментальном лексиконе обусловлено накоплением индивидом личного опыта, что оказывает влияние на процесс метафоризации, в результате которого возникают тропы с пространственным значением.

5. При всей индивидуальной вариативности картины мира структурная стабильность тропов с пространственной семантикой обеспечивается лексико-грамматическими нормами конкретного языка и существующей в нем системой тропических средств реализации пространственных отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета в период с 2018 г. по 2022 г. Теоретические и практические результаты проведенного исследования были представлены на научных и научно-практических конференциях различного уровня: Международной научной конференции «Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований» (Курск, 18–19 апреля 2019 года), Региональной научно-методической конференции «Обучение иностранному языку: современность и перспективы» (Курск, 04–05 октября 2019 года), VIII Международной научно-практической конференции «Язык для специальных целей: система, функции, среда» (Курск, 15 мая 2020 года), XIV Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием «Язык. Образование. Культура» (Курск, 18–23 мая 2020 года), XII Международной научно-методической конференции «Теория и практика языковой коммуникации» (Уфа, 19–20 июня 2020 года), Второй всероссийской конференции с международным участием «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (Нижний Новгород, 21–22 мая 2021 года), Национальной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Филология и лингводидактика в современном научном и образовательном пространстве» (Брянск, 14–15 апреля 2021 года), XV Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием «Язык. Образование. Культура» (Курск, 26–28 мая 2021 года), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия» (Брянск, 17–19 сентября 2021 года), научно-практической конференции с международным

участием «Дискурсология, терминология и экология языка в современной лингвистике» (Астрахань, 4 февраля 2022 года), IX Международной научно-практической конференции «Язык для специальных целей: система, функции, среда» (Курск, 12–13 мая 2022 года), XVI Международной научно-практической электронной конференции «Язык. Образование. Культура» (Курск, 22–26 мая 2022 года). По теме исследования опубликованы 22 научные статьи, общим объёмом 8,9 п.л., в том числе 5 публикаций в рецензируемых научных изданиях, включённых в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК для опубликования основных научных результатов исследований, 1 статья, индексируемая в международных базах данных (Scopus), 16 статей в сборниках научных трудов и материалах научных конференций.

Личный вклад соискателя заключается в том, что: обобщён и критически рассмотрен опыт изучения пространства в современной лингвистике; существенно расширено научное поле исследования пространственной картины мира; определена роль кода культуры в формировании пространственной картины мира и дополнена авторской трактовкой с учётом репрезентации процесса метафоризации; уточнена дефиниция термина «пространственный код культуры»; дополнены критерии тропеичности в рамках пространственного комплекса; дополнена классификация тропов с учётом психолингвистического подхода; самостоятельно проведено эмпирическое исследование на всех этапах работы; представлена авторская интерпретация и статистическое обобщение полученных экспериментальных данных; подготовлены публикации в научных изданиях и апробированы основные результаты исследования на научных мероприятиях разного уровня.

Цель и задачи диссертации определили её композиционное построение.

Структура работы включает в себя введение, три главы, выводы к ним, заключение и список литературы, включающий 251 источник, 14 словарей, 2 электронных ресурса. Работа содержит 3 таблицы, 37 рисунков и гистограмм.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Основные концепции изучения пространства в гуманитарной парадигме

Проблема пространства на разных временных этапах и в разных аспектах рассматривалась представителями различных областей знаний. Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», пространство – это «форма бытия материи, характеризующая её протяжённость, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах» [Философский энциклопедический словарь 2009: 372]. Рассмотренная дефиниция отражает сущность пространства как философской категории, которой оно является наряду со временем. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой представлено 3 возможных определения рассматриваемого термина. Основная дефиниция практически идентична представленной выше философской трактовке. Согласно второму определению, пространство представляет собой «протяжённость, место, не ограниченное видимыми пределами» [Ожегов 2015: 179]. Кроме того, согласно словарной статье, пространство – это «промежуток между чем-н., место, где что-н. вмещается» [там же]. С нашей точки зрения, «протяжённость» и «промежуток» являются ключевыми словами в представленных толкованиях. Для определения трактовки термина «пространство», которой мы будем пользоваться в своей работе, необходимо проследить эволюцию рассматриваемого термина. Начало изучения данной категории относится к временам Античности.

По нашему мнению, в концепциях данного периода ([Simplicius 1907: 337], Аристотель 1981: 129-130), [Платон 1994: 455]) продуктивным для нашего исследования является рассмотрение пространства как вместилища, как опорной точки между чувственным восприятием и сферой разума, что является

предпосылкой когнитивных оснований категории пространства, а также установлением связи между пространством, местом и движением.

Дальнейшее развитие представлений о пространстве связано со Средневековьем. В указанный период времени главенствующей силой, определяющей ход реальности, являлся Бог. В связи с этим исследования категории пространства продолжаются лишь на рубеже Позднего Средневековья – начала Ренессанса. В данный период времени значимой являлась концепция Николая Кузанского о рассмотрении различных явлений с геометрической перспективы (цит. по: [Клеева 2011: 83]). Данный постулат значим для реализации цели нашего исследования, так как он представляет собой альтернативный подход к изучению пространства, отличный от идей Античности. Продолжение рассмотренных идей можно найти в работах французского учёного и философа Р. Декарта (цит. по: [Карпенко 2014: 111]), разработавшего трёхмерную систему координат.

На рубеже Ренессанса и Нового Времени особое внимание привлекают труды английского учёного И. Ньютона и немецкого философа Г.В. Лейбница, противопоставляемые друг другу. С точки зрения И. Ньютона, пространство делится на абсолютное и относительное. Детерминированное, неподвижное и плоское пространство учёный считает абсолютным. Пространство, воспринимаемое человеком через ощущения, И. Ньютон называет относительным [Newton 2010: 51]. Мы считаем, что трудно представить себе систему (кроме идеальных систем в точных науках), в которой пространство не будет зависеть от восприятия, т.е. от позиции наблюдателя. Возможно, именно поэтому ньютоновская модель абсолютного пространства в настоящее время существует только в области точных наук.

По мнению Г.В. Лейбница, пространство представляет собой «общий порядок всех сосуществующих [вещей]» [Лейбниц 1984: 189]. Исследователь затрагивает вопрос протяжённости пространства. Философ отмечает, что люди говорят о протяжённости пространства, однако, на самом деле, пространство не придаёт ничему протяжённости. По мнению философа, протяжённость не

является абсолютным свойством [Лейбниц 1984: 220]. Такие рассуждения дают возможность сделать вывод о субъективности пространства. Данный вывод значим для реализации цели нашего исследования, поскольку он свидетельствует о наличии знаний об антропоцентричности восприятия пространства у мыслителей и учёных XVII века.

Рассмотрим концепцию пространства с точки зрения И. Канта. По мнению философа, пространство (как и время) представляет собой форму созерцания, а не понятие. Философ отмечал, что качество пространства зависит от способа созерцания, а не от созерцаемых объектов самих по себе [Кант 1994: 86]. Пространство предстаёт в виде некоторой модели, применяя которую, мы воспринимаем и понимаем внешний мир. С нашей точки зрения, именно концепция данного философа представляется одной из наиболее продуктивных для науки XIX–XX века. Теоретические постулаты И. Канта также продуктивны для реализации задач нашего исследования, так как на их основании мы считаем возможным предположить, что благодаря представленной модели индивид способен на чувственное восприятие, а затем и рациональное познание того, что находится как «внутри» нас, так и в окружающем мире. Несмотря на то, что И. Кант не указывает на это прямо, мы считаем, что в данной концепции между чувственным познанием, мышлением, а также категорией пространства устанавливается связь.

Как следует из представленных ранее концепций, период Ренессанса – Нового времени в области изучения пространства характеризуется значительными успехами в сфере точных наук. В связи с этим античное понимание пространства как вместилища постепенно сменяется его геометрическим рассмотрением. Пространство приобретает характеристику протяжённости, а разработка метода координат позволяет представить его в трёхмерном виде. Пространство рассматривается в качестве явления, восприятие которого зависит от человека и организуется относительно человека. Мы считаем, что данный факт подразумевает зарождение антропоцентричного принципа, а также субъективности пространства, его зависимости от человека/наблюдателя.

Указанные положения значимы для понимания и рассмотрения дальнейшей эволюции пространственных представлений в период с XX века до настоящего времени.

В конце XIX – начале XX века в области точных наук одной из наиболее известных пространственно-временных теорий стала теория относительности А. Эйнштейна. По мнению учёного, пространственные (как и временные) данные обладают физически реальным значением [Эйнштейн 1966: 24]. Указанный факт значим для реализации цели нашего исследования, так как он подразумевает возможность измеримости пространства, а также наличие у него количественных характеристик.

В сфере естествознания значимость для нашей работы имеет концепция отечественного физиолога И.М. Сеченова в области чувственного познания. Учёный указывает на то, что локализация в пространстве – это одна из особенностей ощущения, подразумевающая возможность отражения пространственных параметров окружающей реальности в ощущениях. Данная концепция эксплицируется в рамках закона пространственной локализации ощущений и восприятий [Ноздрачев, Губанов 2005: 145-146]. С точки зрения реализации цели нашего исследования наибольшей значимостью обладает теоретический постулат о связи категории пространства с чувственным познанием, а также об ощущении как об их связующем элементе.

Дальнейшее развитие связи пространства с сознанием находит своё отражение в работах французского философа А. Бергсона. В своей концепции учёный выделяет два основных понятия – интеллект и инстинкт. Значимым для нашего исследования является понятие интеллекта как когнитивного феномена, так как именно с его деятельностью мыслитель связывает категорию пространства.

С точки зрения А. Бергсона, материя для человеческой мысли как единое целое должна казаться необъятной тканью, из которой «мы можем выкраивать всё, что хотим, чтобы потом сшивать снова, как нам заблагорассудится» [Бергсон 1998: 167-168]. Мыслитель отмечает, что указанная способность находит своё

подтверждение в момент, когда мы утверждаем, что существует пустая, бесконечная и бесконечно делимая, однородная, способная к какому угодно способу разложения среда – пространство. Оно не подлежит восприятию, а постигается интеллектом. Воспринимается протяжённость. Пространство – это точка зрения разума, схема возможного действия на вещи [Бергсон 1998: 167-168]. Из сказанного следует, что процесс восприятия в целом включает в себя исключительно восприятие протяжённости объекта. «Выкраивание» из протяжённости формы объектов и объединение их в одно целое является функцией интеллекта. Отношения между формами, установленные интеллектом, представляют собой умопостигаемое пространство, не существующее в реальности [Мазарский 2011: 96-97]. Значимым для нашего исследования является вывод о том, что, несмотря на доминирующую роль интеллекта, в рассмотренной концепции пространство предстаёт в виде феномена, являющегося результатом взаимодействия чувственного и рационального познания. Кроме того, особенность идей А. Бергсона, по нашему мнению, состоит в том, что уже в начале XX века мыслитель рассуждает о пространстве как о категории мышления, что в 50-е годы найдёт своё продолжение в трудах когнитивных лингвистов.

Для реализации цели и задач нашего исследования представляется необходимым рассмотреть категорию пространства не только с точки зрения её дефиниции, но и объективации пространства в языке.

В.Н. Топоров указывает на «очеловечивание» пространства в языке как проявление принципа антропоцентризма, на который обращали внимание в своих концепциях представители точных наук, а также на его репрезентацию путём связи пространства с частями тела (глава горы, горный хребет и др.) [Топоров 1983: 244]. Указанные замечания позволяют говорить об интересе к способам выражения пространства в языке, а также об организации пространства «вокруг» себя. Для нашего исследования значимым является теоретический постулат о зависимости репрезентации пространства от конкретного человека, его восприятия. Это возвращает нас к мысли о позиции наблюдателя, которая уже существовала в философии пространства. Кроме того, продуктивным для

настоящей работы является и факт метафоризации пространства. Он позволяет сделать предположение об участии тропов в его репрезентации.

Дальнейшее исследование «очеловечивания» пространства находит отражение в языке [Яковлева 1992: 5]. В русском языковом сознании картина пространства не тождественна физико-геометрическому прообразу. Она является не вместилищем, а результатом конструирования. Пространственные отношения описываются с применением таких признаков, как «характер и условия восприятия», а также «положение наблюдателя» [там же: 6]. Мы считаем, что данная позиция, разделяющая и развивающая идеи В.Н. Топорова, значима для нашей работы, так как она отлична от позиции античных мыслителей (пространство – вместилище), а также рассмотрения пространства в качестве геометрического феномена, что было характерно для учёных Ренессанса и Нового времени. Одним из наиболее важных в данной позиции является понятие «восприятие», которое представляет собой центральный элемент частной гипотезы первого этапа эмпирического исследования в данной работе. При этом представленная позиция указывает на реализацию зависимости объективации пространства от восприятия в языке, его субъективность.

Концепция Т.В. Цивьян значима для нашего исследования, так как она относит понятие «движение» к разделу пространственных [Цивьян 1990: 74].

Как было указано в концепции Г.В. Лейбница, а также Е.С. Яковлевой, пространство характеризуется субъективностью. Данное свойство связано с позицией наблюдателя. Последняя также важна для «совершения» движения. Именно наблюдатель определяет, что некоторый объект совершил перемещение, т.е. изменил своё положение относительно позиции наблюдателя. Если бы наблюдатели не занимали пассивное положение в пространстве, то содержание понятия «движение» было бы им незнакомо. С нашей точки зрения, представленный постулат является продуктивным для реализации цели нашего исследования, поскольку он позволяет сделать вывод о том, что в языке пространство репрезентируется не только частями речи, выражающими статичное

положение субъекта относительно позиции наблюдателя, но и частями речи, обозначающими движение.

Иной точки зрения придерживается О.Н. Селиверстова. В своей работе она рассматривает пространственность совместно с явлением экзистенциальности. По мнению исследователя, лексема «пространство» в широком смысле относится не только к физическому пространству, но и к пространству множества, пространству ситуации и т.д. [Селиверстова 2004а: 7]. Исследователь указывает на геометрическое представление пространства в языке, которое, тем не менее, не противоречит рассмотрению пространства в качестве множества. О.Н. Селиверстова также отмечает необходимость принятия во внимание функции вместилища при определении пространства. В данном случае пространство в языке приобретает вид объекта или явления, в рамках которого происходит событие или действие, а также что-то находится [там же: 10]. В отличие от школы В.Н. Топорова, лингвист не отказывается от геометрического понимания пространства, а также его рассмотрения в качестве вместилища. Исследователь, вводя специальный термин, добавляет указанные понятия к основному (пространство – множество). По нашему мнению, пространство в концепции О.Н. Селиверстовой оказывается достаточно многообразным, чтобы подробно его изучать не только с точки зрения существующих видов, но и их репрезентации в языке. Данный теоретический постулат значим для нашего исследования, поскольку лингвист рассматривает объективацию пространства в языковой картине мира.

Изучением элементов, необходимых для выражения и восприятия пространства, занимался Ю.Д. Апресян. Восприятие пространства и способы его языкового выражения – это знаменательные элементы настоящего исследования, в связи с чем рассмотрение концепции Ю.Д. Апресяна представляется значимым. Лингвист не даёт определения пространству, однако достаточно подробно изучает понятие дейксиса. С его точки зрения, дейктические слова (сейчас – тогда, я – ты, здесь – там и др.) – это система понятий, представляющая собой «наивную физику пространства и времени» [Апресян 1986: 7]. Дейксис подразумевает

наличие лексических оппозиций, что особенно важно для нашей работы. По мнению учёного, несомненную значимость имеет специфический вид пространства (а также времени), в котором говорящий мыслит себя в определённый момент времени. С этой точки зрения фактическое пространство (и время), в котором находится говорящий, второстепенно по отношению к способу его восприятия [Апресян 1986: 15]. При несовпадении говорящего и наблюдателя следует также учитывать место последнего. Выбор лексических дейктических оппозиций зависит и от личной сферы говорящего [там же: 18-24]. Ю.Д. Апресян стал продолжателем идей В.Н. Топорова и его школы. В концепции исследователя антропоцентризм пространственных языковых средств приобрёл вид эгоцентризма. «Очеловечивание» пространства у Ю.Д. Апресяна отразилось в появлении новых пространственных терминов («языковое пространство говорящего», «личная сфера говорящего» и др.). Мы считаем, что одним из важнейших постулатов исследователя является мысль о первичности пространственного восприятия перед фактическим физическим положением говорящего/наблюдателя.

Современные представления о пространстве дополняют и расширяют рассмотренные выше концепции. Т.В. Николаева отмечает, что пространственная организация окружающего мира, выраженная в представлениях человека, – это когнитивная карта. Она представляет собой картину мира, характеризующуюся субъективностью, а также обладающую координатами в пространстве. В основе человеческого познания его взаимодействие с окружающей действительностью. Исследователь считает, что дальнейшее накопление знаний о мире приведёт к изменению восприятия и вербализации пространства ввиду его национальной и исторической специфики [Николаева 2018: 350]. Мы разделяем данную точку зрения, поскольку считаем данный постулат важным для проверки гипотезы нашей работы.

Определённый вектор развития пространственных отношений в языке был очерчен Е.С. Кубряковой [1994, 2004], Е.В. Рахилиной [1998, 2008], И.М. Кобозевой [2000], Н.А. Куксовой [2006], И.Ю. Колесовым [2008, 2016] и др.

Рассмотренные выше теоретические положения позволяют сделать следующие выводы.

Категория пространства впервые была рассмотрена и описана в период Античности. В указанный период пространство рассматривалось в качестве вместилища. В период Ренессанса и Нового Времени в связи с развитием точных наук пространство становится геометрическим производным. XX–XXI века становятся моментом перенесения исследования пространства в плоскость отличных от философии гуманитарных наук, в частности лингвистики и когнитивной лингвистики. По-прежнему имеет место представление о пространстве как вместилище, а также геометрическом феномене, однако появляются и новые концепции, например, пространство предстаёт в виде множества. В лингвистическом поле пространство преломляется через принцип антропоцентризма, а пространственная лексика (пространственный дейксис) – эгоцентризма. Обязательными элементами при рассмотрении пространства становятся позиция наблюдателя/говорящего, субъективность восприятия, условия восприятия и т.д. Некоторые из них в трансформированном виде уже существовали в ранних пространственных теориях. Они приобретают новые значения на рассматриваемом временном промежутке. Мы считаем, что при рассмотрении пространства следует применять интегративный подход, т.е. исследовать пространство с учётом всех указанных теорий во всём многообразии способов его объективации, в том числе тропеических средств языка.

Очевидно, что представление о пространстве в его связи со временем лежит в основе такого комплексного феномена как картина мира. Категория пространства во всём многообразии соответствующих ей понятий, представлений, знаний, объективированных разноуровневыми средствами языка, является составным элементом общей совокупности знаний о мире, которая и образует указанное понятие.

1.2. Картина мира. Понятие и классификация

Являясь одним из базовых понятий современной науки, картина мира привлекает внимание учёных, занимающихся её исследованием с точки зрения различных областей знаний (философии, социологии, психологии и др.). Сам термин «картина мира» в научный обиход вошёл сравнительно недавно, поэтому существует целый ряд его возможных трактовок (М. Планк [1966], А. Эйнштейн [1967], В.И. Постовалова [1988], Л.А. Закс [1990], Н.Ю. Шведова [1999] и др.). Мы разделяем позицию О.А. Корнилова, по мнению которого ни одна из существующих трактовок термина «картина мира» не является абсолютно истинной, так как представляет собой некое мыслительное построение, необходимое для решения какого-либо рода задач, а не объективно существующую реалию [Корнилов 2013: 4]. Каждый учёный выбирает собственные основания для дефиниции рассматриваемого термина.

Е.А. Ефремов относит картину мира к числу основных понятий, исследуемых в гуманитарной сфере, отражающих специфику взаимоотношений человека с окружающим миром, а также его бытия как такового [Ефремов 2010: 51]. В.И. Постовалова предполагает, что данный термин был предложен Г. Герцем в 1914 году, когда возникла необходимость систематизировать разрозненные представления о действительности, при этом основания для рассмотрения картины мира в качестве самостоятельного термина лежат в области науки [Постовалова 1988: 12]. М. Планк трактовал картину мира как формируемый наукой образ мира, отражающий реальные закономерности природы. Он отмечал динамичность этого образа, его видоизменение по мере получения новых знаний. [Планк 1958: 106]. А. Эйнштейн считал, что человек в ходе жизни стремится создать для себя простую и понятную картину мира, образ, которым он в известной степени мог бы заменить реальный мир, чтобы перенести на него центр тяжести проблем, с которыми ему тяжело справиться в головокружительном потоке реальной жизни [Эйнштейн 1967: 136]. Представленные толкования, с нашей точки зрения, либо функционируют в научном поле, либо

противопоставляются ему (А. Эйнштейн). Мы считаем, что данные определения не могут быть использованы в качестве базовых при проведении лингвистических исследований.

Работы учёных-неогумбольдианцев, объединяющие идеи В. фон Гумбольдта и их современников-лингвофилософов (Б. Рассела, Л. Витгенштейна и др. учёных) отличаются наличием термина «языкового промежуточного мира», представленного «картиной мира» родного языка. Промежуточный языковой мир представляется учёными в виде некоего нематериального, умственного образования, объединяющего реальный неупорядоченный мир вещей с соответствующей языковой общностью, а также дающего направление динамическому процессу освоения мира посредством родного языка, а также «ослабления» мира, понятийное развёртывание словаря. «Ослабление» мира – это не просто его членение на части с помощью слова, а его преобразование в языковую картину мира. Реальность предстаёт перед носителями языка не в объективном виде, а в форме, в которой она представлена в соответствующей картине мира. Её преобразовательный аспект заключается в том, что она изменяет окружающий мир, и люди видят и себя, и объективную реальность через её призму [Ефремов 2010: 52-53]. В данной концепции значимым для реализации задач нашего исследования представляется факт употребления и экспликации термина «языковая картина мира», производного от понятия «картина мира», а также тезис о преломлении объективной реальности, включающей в себя пространственные отношения, через призму картины мира.

С.Б. Аюпова сводит многочисленные определения и содержания рассматриваемого понятия к двум основным трактовкам. С одной стороны, картина мира представляет собой созданную человеком замену реальной действительности её моделью, упрощённой схемой, с другой – это систематизированный образ мира, на котором основано мировидение человека. Приведённые определения не только не противоречат друг к другу, но и соотносятся как общее и частное, ведь в человеческом сознании целостный образ мира преломляется через призму, упрощающую понимание мира [Аюпова 2012:

30-31]. Тем не менее, по нашему мнению, представленные трактовки не являются универсальными, поскольку в них присутствуют такие термины, как «модель реальной действительности» и «мировидение», которые, с нашей точки зрения, также требуют дополнительных пояснений. В этой связи, на наш взгляд, наиболее точным является определение, данное известным советским и российским лингвистом Н.Ю. Шведовой: картина мира – это разработанное долговременным опытом и осуществляемое с помощью языковых номинаций изображение реальности как единого мира, состоящего из многочисленных частей, который в своей структуре и осмысляемых языком связях своих частей представляет духовную и материальную деятельность человека, а также всё то, что его окружает: живую и неживую природу, социум и область мифов, время и пространство [Шведова 1999: 15]. Для нашего исследования значимым является наличие в данном определении опыта как одного из источников номинации окружающей реальности, поскольку, с нашей точки зрения, опыт также является одним из факторов, с которым связано изменение восприятия пространства, а также формирования пространственной картины мира.

В процессе изучения картины мира исследователи пытались установить её характерные особенности, формы существования, признаки и компоненты. Данные вопросы значимы и для нашего исследования.

Обобщая труды, посвящённые исследованию сущности картины мира, В.А. Ефремов приводит следующие её характеристики:

- частично субъективный характер (наивная картина мира является первичной по отношению к научной картине мира, поэтому даже несмотря на наличие научных знаний, она никогда не будет определять объективный образ мира целиком);

- деятельностный характер; антропоцентризм; интерпретативность (картина мира не является зеркальным отражением реальности, она – акт миропонимания и интерпретации); единство стабильности и изменчивости, динамики и статики, конечного и бесконечного [Ефремов 2010: 53-55].

С.Б. Аюпова в своей работе дополняет этот список следующими характеристиками: ценностный характер; образность; системность, целостность; эмоциональная окрашенность; историческая память; существование в соответствии с законами генезиса и развития; амбивалентность; интернациональность [Аюпова 2012: 33-35]. Рассмотрение образности в качестве одной из характеристик картины мира значимо для реализации цели нашего исследования.

Если по отношению к функциям и формам существования картины мира в науке достигнут некоторый компромисс, то вопрос о её типах и классификациях, как и первоначальный вопрос о её содержании, остаётся открытым и дискуссионным. Это происходит ввиду того, что, представляя собой целостный образ мира, человеком она познаётся фрагментарно, так как в ходе изучения в сознании человека отражаются гетерохромные, гетерогенные, гетеросубстратные сведения о мире, в связи с чем картина мира изучается в разных аспектах и с разных позиций [Гришаева 2003: 14]. Мы считаем, что «КМ является одновременно ментальной и чувственной структурой, и в её формировании принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятия и кончая высшими формами – мышлением и самосознанием» [Белоусова 2008: 11]. Данная особенность, с нашей точки зрения, сближает картину мира с категорией пространства, которая, как было указано в п. 1.1, также сочетает в себе чувственный и ментальный компонент. Отметим также, что в рамках когнитивного блендинга пространство концептуально взаимодействует с образом, который впоследствии формирует троп. Кроме того, по нашему мнению, бленд формируется в рамках конкретной коммуникативной ситуации, которая выступает одной из разновидностей эмоциональной реакции на тот или иной экстралингвистический параметр (политический, социальный и т.д.).

При рассмотрении классификации картин мира следует отметить, что, кроме всего указанного, мир воспринимается нами неидентично с разных «перспектив» (философии, науки, религии и т.д.), поэтому одна из них основана именно на сфере общественного знания, в рамках которой формируется та или

иная картина мира [Курукалова 2017: 213]. Картина мира также связана с периодом исторического развития общества. Для каждого из них существует своя, специфическая для данной эпохи, картина мира. В соответствии с гносеологической функцией картины мира человек накапливает, подтверждает или опровергает уже имеющиеся знания, при необходимости их обновляет, в результате чего начинает воспринимать мир по-иному, с поправкой на произошедшие изменения [там же].

Ещё одна возможная классификация подразумевает разделение картин мира на обыденную и научную. В процессе формирования научных понятий главенствующим является существенный признак, а в обыденных – характерный. Они могут совпадать, но в большинстве случаев характерный признак – наиболее яркий или тот, который оказывается наиболее важным. Значимым для реализации задач нашего исследования является тезис о том, что концептуализация понятий в значительной степени происходит под влиянием конкретной культуры, а не универсального научного знания [Чернобров 2012: 231].

Противоположностью наивной картины мира выступает научная картина мира. Она «носит общечеловеческий характер и отражает научные знания, накопленные человечеством на данный момент» [Белоусова 2008: 12]. Следует отметить, что, внося свой вклад в общенаучную картину мира, каждая конкретная наука создаёт свою собственную [Степин 1996]. Группа исследователей, среди которых можно отметить В.А. Игнатову, выделяет картины мира иного порядка (художественную, мифологическую, концептуальную и т.д.), оставляя открытым вопрос о статусе специальных картин мира [Игнатова 2002: 138]. Мы разделяем точку зрения исследователя в вопросе существования различных видов картин мира, отличных от научной и обыденной.

Научная картина мира как теоретический конструкт научного знания, прежде всего, отображает представления исследователей о закономерностях изучаемой ими действительности. Таким образом, научная картина мира подразделяется на коллективную и индивидуальную [Огдонова 2010: 143].

Коллективная научная картина мира основывается на уровне развития науки, соответствующем определённом периоду развития общества [Ракитина 2006: 37].

Ядро индивидуальной картины мира составляют открытия, знания, теории, концепции конкретного учёного. В индивидуальной картине мира находят отражение все его воззрения на мир, миропонимание, эксплицированное и имплицитное в созданных работах [там же].

Мы считаем, что деление картины мира на индивидуальную и коллективную может быть применено не только к научной картине мира, но и к другим её разновидностям, при этом их ядро будет нетождественно ядру индивидуальной и коллективной научных картин мира, однако на их содержание также будет оказывать влияние период развития общества.

В качестве одной из самых распространённых классификаций выступает подразделение картины мира на языковую и концептуальную. Она раскрывается в создании картины мира посредством триады «мысль-язык-мир». По нашему мнению, деление картины мира на языковую и концептуальную является наиболее распространённым, поскольку именно представленная триада объединяет три наиболее значимых феномена в жизни индивида.

Концептуальная картина мира – нематериальная структура. Творения человека, прежде чем объективироваться в знаках, возникают в мыслях. Соответственно, концептуальная картина мира является репрезентацией знания, языка мысли [Гуревич 1998: 16]. Важно подчеркнуть, что вербализация концептуальной картины мира осуществляется в языке, в связи с чем представляется важным рассмотреть понятие «языковой картины мира». В настоящее время она рассматривается как вторичная по отношению к концептуальной картине мира [Ефремов 2010: 56]. Это система знаний человека о мире, вербализованная в языке. Выражаемые в нём значения образуют систему взглядов, которая «навязывается» носителям языка в качестве обязательной системы [Пищальникова 1993: 16]. Нельзя не отметить теоретический постулат А.А. Залевской, согласно которому «язык выступает в качестве одного из

психических процессов и функционирует во взаимодействии с памятью, мышлением, вниманием, воображением, эмоциями и т.д., ибо только слаженный ансамбль механизмов психической деятельности человека способен обеспечить адаптацию индивида к окружающей его среде» [Залевская 2014: 2]. По нашему мнению, языковая картина оказывается не менее значимой, чем концептуальная картина мира, ведь именно благодаря последней концептуальная система носителей того или иного языка находит своё отражение.

С точки зрения Ю.Н. Караулова, языковая картина мира – это «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов 2014: 246]. Языковая картина мира также представляет собой «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова 2007: 38]. В данной работе мы будем придерживаться именно представленного определения.

Языковая картина мира оказывается нетождественной концептуальной, поскольку языковое выражение получают далеко не все концепты, а только те, которые обладают культурной и коммуникативной значимостью для данного индивида или данного сообщества в целом. Данный теоретический постулат мы считаем базовым с точки зрения соотношения концептуальной и языковой картин мира. З.Д. Попова, И.А. Стернин отмечают, что судить о концептуальной картине мира, которую данные авторы называют когнитивной, возможно с некоторыми ограничениями, не забывая о том, что наименование в языке имеет то, что для данного народа обладает или обладало коммуникативной значимостью. Коммуникативная значимость языковой единицы обусловлена ценностью для культуры народа концепта, выражаемого данным языком [там же: 39]. Как было указано выше, с нашей точки зрения, данный тезис является одним из основополагающих при рассмотрении вопросов соотношения концептуальной и языковой картин мира.

Членение мира, которое осуществляется в рамках картины мира, происходит не средствами языка, а компонентами языковой картины мира – когнитивными классификаторами [Попова 2007: 39]. Для нашей работы значим постулат о том, что ядро концептуальной картины мира – это информация, представленная понятиями, в то время как центром языковой картины мира является знание, закреплённое в лексике данного языка [Босова 1999]. В процессе получения знания человеком создаётся мир, который одновременно обладает и признаком объективности, и признаком субъективности (это собственный мир человека). Создание субъективного мира в человеческом сознании стремится к повторению объективного мира в присущих человеческому мозгу способах и формах. Язык – зеркало мышления, мышление – зеркало действительности, соответственно знание о мире – компонент мыслительной деятельности, а абстракция в виде понятий – это форма существования этой картины мира в сознании человека [Колшанский 2005: 22-23].

Язык предстаёт в виде связующего звена между миром и человеком. Важно отметить, что он сохраняет в себе существенные свойства мышления, а следовательно, и предметного мира. Функция языка состоит в отражении действительности, того, что уже создано когнитивным сознанием и концептосферой данного народа [Попова 2007: 39].

Таким образом, по нашему мнению, термин «картина мира» является одним из наиболее сложных понятий, являющимся объектом изучения различных областей знания, в том числе и лингвистики. Его содержание находится в постоянном развитии, претерпевая изменения, связанные с появлением нового научного знания, теории, концепции. Тем не менее, наиболее точной трактовкой рассматриваемого термина является определение Н.Ю. Шведовой, представленное в работе ранее.

Классификация картин мира осуществляется на основе разнообразных признаков: сфера общественного знания, период развития общества. Важным представляется и дифференциация картины мира на обыденную и научную. Последняя, аккумулируя в себе знания из различных областей, образует

общенаучную картину мира. Наконец, картина мира подразделяется на языковую и концептуальную. Они отражают взаимосвязь языка и мышления. Первая является более широким понятием, а вторая служит его отображением, при этом в языке репрезентируются только те концепты, которые представляют коммуникативную ценность для носителей языка.

1.3. Специфика репрезентации пространственной картины мира и языковые средства выражения пространственных значений

Ранее было отмечено, что термин «картина мира» является комплексным. В зависимости от той или иной концепции он может обладать различными характеристиками. В качестве одного из критериев выделения различных картин мира рассматривается тип изображения на этой картине, обладающей следующими характеристиками: сходство/различие взглядов субъектов на мир; точка пространства, с которой субъекты смотрят на мир; подвижность/неподвижность указанной точки; высота/глубина, через призму которой носитель языка воспринимает окружающую действительность. Авторы считают, что аналогичные вопросы в несколько изменённом виде могут быть применимы и к миру искусства, однако даже в этом случае они будут включать в себя такие термины, как «плоскость», «глубинность», «точка зрения», «статика», «динамика», «художественное пространство» [Серебренников и др. 1988: 34]. По нашему мнению, рассмотренные положения позволяют сделать вывод о том, что как в реальной действительности, так и в художественном мире человеческое существование пространственно ориентировано. Указанная ориентация находит своё отражение в картине мира. Выделение её в качестве критерия для классификации картин мира свидетельствует о значимости выполняемых ею функций в процессе жизнедеятельности индивида.

Для нашего исследования имеет значимость репрезентация категории пространства в языке. «Языковая репрезентация концепта “пространство”, представленного достаточно разноречиво и многопланово в лингвистических и в

философских исследованиях, опирается на особенные, характерные для конкретного человека или группы людей пространственные отношения и их влияние на сознание и языковое оформление концепта индивидом как через наивно-бытовое восприятие и толкование, так и посредством некоторых строго научных методов, понятий и единиц, свойственных различным областям познания» [Рубцова 2019: 115]. И.С. Бороздина отмечает достаточно высокую степень изученности семантики и функций пространственных слов, указывая, однако, на необходимость дальнейшего исследования выражаемых средствами естественного языка пространственных отношений, выявления их стандартной и универсальной классификации [Бороздина 2008б: 138]. Мы разделяем позицию учёного относительно актуальности данного вопроса.

С точки зрения В.В. Корневой, пространство (и время) – это системообразующий элемент картины мира [Корнева 2008б: 25]. Пространство на настоящем этапе развития научного знания представляет собой не только одну из двух форм бытия, а комплексный феномен, изучение которого происходит в рамках целого ряда наук, к числу которых относится и лингвистика. Пространство в общем виде состоит из следующих элементов: расположение, место, среда обитания,местилище и его содержимое, смещение, позиция и др. [Корнева 2008б: 26]. Формы существования пространства возможно описать, используя такие элементы, как зубчатость, гладкость, деформация, симметрия, наличие отверстий, выгнутость/вогнутость, замкнутость пространственной формы. Как было указано ранее, одним из пространственных параметров является движение. Оно состоит из различных видов перемещений в нетождественных средах с неодинаковым направлением и скоростью, с учётом самостоятельности перемещения субъекта, а также каузированного перемещения объекта. Движение также подразумевает различные способы перемещения в пространстве (прыжок, падение, вращение, подъём, спуск, раскачивание, круговое движение и др.) [Корнева 2008б: 26].

Принимая во внимание многогранность пространства (многослойность у М.Ю. Лотмана [Лотман 1999: 297]), его роль в формировании картины мира, В.В.

Корнева считает возможным рассматривать не пространство как отдельную категорию, а пространственную картину мира [Корнева 2008б: 27]. Мы разделяем позицию лингвиста по данному вопросу, поскольку она является значимой для реализации цели и задач нашего исследования. По мнению В.В. Корневой, пространственную картину мира (далее – ПКМ) формирует «совокупность пространственных представлений, отраженных сознанием конкретного этноса и зафиксированных в языке» [там же]. Мы считаем данное определение достаточно точным и в работе будем пользоваться именно данной трактовкой рассматриваемого термина. ПКМ как элемент картины мира сохраняет её основные характеристики. К таковым, в частности, можно отнести антропоцентризм, этноцентризм, субъективность [Корнева 2008б: 34]. Как было отмечено ранее, антропоцентризм и субъективность являются также характеристиками пространства как категории, в связи с чем их применение к ПКМ не вызывает сомнения. Этноцентризм ПКМ подразумевает этноспецифичность преломления универсальных параметров членения пространства в конкретной лингвокультуре [там же: 34].

Категория пространства находит своё выражение в семантике лексем, которые обозначают как естественное, так и созданное человеком пространство. Восприятие в целом антропоморфно. Пространственные составляющие концептуализируются с точки зрения их принадлежности к некоторой топологической модели (точка, линия, плоскость и др.). Языковое конструирование основано на указанных моделях. Относительно пространства предмет наблюдения может быть описан в виде включающей в себя сам предмет схемы, локализатора, их пространственного отношения, а также характеристики местонахождения [Манерко 2012: 17]. Из сказанного следует, что, описывая тот или иной фрагмент пространства при обычных условиях, говорящий опирается на обыденное понимание пространства (находящиеся в некоторых отношениях между собой конфигурации объектов) [там же].

По мнению И.С. Бороздиной, «процесс формирования представлений человека об окружающем пространстве являет собой процесс создания

“когнитивной карты”» [Бороздина 2012: 2]. Лингвист считает, что в указанной области знаний под когнитивной картой понимают создающуюся в результате активных действий индивида в окружающей среде, а также обладающую пространственными координатами (право-лево, верх-низ, близко-далеко) субъективную картину [там же]. Она определяет местонахождение отдельных воспринимаемых объектов. И.С. Бороздина также замечает, что универсальной и базовой моделью познания для человека выступает его собственное тело, вступающее во взаимодействие с окружающей средой [Бороздина 2012: 2]. С нашей точки зрения, одна из ключевых идей учёного состоит в том, что в пространственный (и во временной) домен могут переходить названия частей тела человека, что является примером продуктивной метафоры «соматизм – пространство – время» [там же].

Пространство и пространственные представления в ПКМ вербализуются в языке. В различных лингвокультурах объективация сведений о пространстве осуществляется многообразными способами и механизмами. В качестве традиционных выделяют лексико-семантический и синтаксический способы. Базовым (первичным) путём категоризации и концептуализации пространства выступает лексико-семантический способ, объединяющий лексемы различной категориальной принадлежности. Синтаксические конструкции репрезентируют синтаксический способ [Кузнецов 2010: 9].

В.В. Корнева отмечает, что в работах лингвистов, занимающихся изучением настоящей тематики, выявляется некоторая закономерность в исследовании языковых средств объективации пространства. Как правило, предметом изучения являются специализированные средства репрезентации пространства и пространственных отношений. К ним относятся наречия, предлоги, существительные и прилагательные пространственной семантики, изучаемые с точки зрения их потенциала в концептуализации пространства, а также глаголы [Корнева 2006б: 154]. Произведём краткий обзор указанных языковых средств, которые можно разделить на лексические, словообразовательные, фразеологические и синтаксические. Данный обзор является значимым для

реализации цели нашего исследования, поскольку лексические, словообразовательные, фразеологические и синтаксические средства объективации пространственных отношений могут употребляться не только в прямых значениях, но и образовывать систему, центром которой является троп с пространственной семантикой.

Среди лексических средств объективации пространства лидирующую позицию занимают предлоги. Именно указанная часть речи выступает в качестве одного из наиболее значимых средств выражения как фрагментов пространства, так и пространственных отношений [Бороздина 2014б: 13-14]. Кроме того, многочисленные исследования предлогов проводились Л. Талми, О.Н. Селиверстовой, А.В. Солоницким, Т.Н. Маляр, И.С. Бороздиной и др. Заметим, что значимыми научными ракурсами рассмотрения исследователей были вопросы формирования значения пространственных или непространственных предлогов ([Маляр 2002]; [Селиверстова 2004б]; [Бороздина 2010, 2013, 2016] и др.).

Исследования по указанной теме ведутся в рамках когнитивного подхода [Корнева 2006б: 155]. Возросший интерес к изучению предлогов связан именно с применением когнитивного подхода для их рассмотрения и анализа. Среди исследователей указанной тематики лингвист выделяет таких учёных, как Л. Талми, Р. Джекендоффа, О.Н. Селиверстову, Е.С. Яковлеву и др. [Николаенко 2013: 128]. По мнению Р. Джекендоффа, изучение семантики с позиции индивида, а также его способности к восприятию, отражению и обработке данных об окружающей действительности – это основная задача когнитивной лингвистики [Jackendoff 1990: 12]. Рассмотрение предлогов в рамках когнитивного подхода оказывает значительное влияние на выявление особенностей концептуализации пространства [Корнева 2006б: 155]. Мы разделяем позицию лингвиста по данному вопросу. Исследование предлогов происходит как на материале одного языка [Бороздина 2013, 2015], так и в сопоставительном плане [Мальцева 2004; Мерешкова 2006; Степанова 2006; Бороздина 2014б]. Материалом выступают различные языки (английский, немецкий, французский, русский и др.). Исследование репрезентируемых предлогами пространственных концептов в

различных языках позволяют сделать вывод об их национально-культурной специфике [Корнева 2006б: 155].

Другим средством объективации пространственных отношений выступают наречия. Их исследование осуществляется либо с позиции рассмотрения наречий в качестве концептуализирующих действительность лексем, либо с позиции общей предложно-наречной проблематики [там же]. Из сказанного следует, что наречия могут быть как самостоятельным предметом исследования [Кобозева 2000; Корнева 2008б], так и рассматриваться в сочетании с предлогами [Маляр 2002; Столярова 2015].

«При изучении средств объективации и концептуализации пространства в поле зрения ученых неизменно попадают существительные, среди которых особый интерес у лингвистов вызывают такие разряды имен, как абстрактные существительные пространственной семантики, в том числе имена пространственно-геометрической конфигурации, так называемая географическая лексика – наименования элементов рельефа, а также топонимы» [Корнева 2006б: 157]. Результаты изучения указанной части речи показывают, что вербализованный абстрактными существительными концепт ПРОСТРАНСТВО – это комплексное ментальное явление, в котором представлены неразрывно связанные концепты СОБЫТИЕ, МЕСТО, ОБЪЕКТ. Они объективируют знания о пространстве [там же]. Изучение существительных – наименований формы предметов (угол, точка, линия, круг) – основано на геометрическом представлении о пространстве, о наличии геометрических эталонов в категориальной деятельности сознания [Топорова 2000]. К третьей группе существительных, как было отмечено ранее, относится так называемая «ландшафтная» лексика. В поле зрения исследователей оказывается либо совокупность номинирующих части рельефа и формирующих общее «географическое» пространство лексем [Ракитина 2005; Кудрина 2006], либо по-разному обозначающая некоторый элемент географического пространства лексико-семантическая группа слов [Курьянова 2002]. Отдельно следует выделить группу топонимов. Их исследование несёт в себе яркий

лингвокультурологический отпечаток. Указанная группа лексем выражает и фиксирует этническое своеобразие пространственного мышления [Сударь 2004; Кривошапова 2009].

Изучение пространственных прилагательных свидетельствует о расширении представлений о специфике концептуализации объектов и явлений окружающей действительности, несмотря на зависимость атрибутивного признака от носителя [Корнева 2006б: 156]. Прилагательные с пространственным значением иллюстрируют тесную взаимосвязь между нефизическим и физическим типами пространства, выполняя функцию маркеров оценивания предметов и явлений нематериального и материального мира [Горожанкина 1998; Рахилина 2008].

Одним из средств объективации пространства может также выступать глагол. Указанная часть речи рассматривается как на материале одного языка [Куксова 2006а,б; Дмитренко 2013], так и нескольких [Майсак 2007]. В научных работах различных исследователей глаголы классифицируются. Одним из самых известных исследователей различного рода глаголов, их семантических и грамматических особенностей и т.д. является Е.В. Рахилина. Применительно к пространству в одной из своих работ автор выделяет глаголы «сидеть», «стоять», «лежать», а также «висеть» в качестве «позиционных» предикатов [Рахилина 1998: 69]. Исследователь также рассматривает глаголы «идти» и «приходить» в качестве отличных от указанной ранее группы [Рахилина 2008: 312-321]. А.Д. Кошелев классифицирует глаголы по трём направлениям: глаголы контакта (падать, коснуться, оттолкнуться, ударить, толкнуть, стукнуть, столкнуться и т.д.), глаголы движения (идти, бежать, ползти, прыгать и т.д.). В качестве отдельной группы автор рассматривает глагол «рисовать» [Кошелев 1996: 89-125]. С нашей точки зрения, некоторые лексеммы, принадлежащие к группе глаголов контакта, уместно отнести к пространственным (падать), другие – к глаголам контакта (действия или взаимодействия). Отметим также классификацию В.Л. Ибрагимовой, выделяющую следующие группы глаголов с пространственной семантикой: абстрактные (находиться и др.), позиционные (стоять, сидеть, висеть и т.д.), локативные (примыкать, окружать и т.д.) [Ибрагимова 1992: 79].

Последняя группа также имеет название «контрастные глаголы» в связи с тем, что они обозначают положения предметов относительно друг/друга [Ибрагимова 1992: 79]. В.В. Тихонова в своей концепции относит лексемы, которые у В.Л. Ибрагимовой принадлежат к группе локативных/контрастных, к глаголам положения в пространстве, при этом исследователь ставит их в один ряд с такими лексемами, как «висеть», «лежать», «сидеть» [Тихонова 2007: 133]. Мы считаем, что данную классификацию возможно было бы дополнить. С нашей точки зрения, группа контрастных глаголов не тождественна группе позиционных глаголов (по классификации Е.В. Рахилиной) и может составлять отдельный глагольный пласт. Т.А. Майсак выделяет две группы глаголов: глаголы движения (бежать, плыть, течь, шататься и т.д.) и глаголы позиции (сидеть, стоять, лежать и т.д.) [Майсак 2002]. Одной из фундаментальных, с нашей точки зрения, является классификация предикатов Ю.Д. Апресяна, в которой автор выделяет 17 классов глаголов [Апресян и др. 2010: 290-291]. Отметим, что глаголы положения в пространстве выделены у автора в отдельный класс. Также, с нашей точки зрения, следует обратить внимание на класс глаголов действия, процессов, а также локализации, способности, параметров. Не вызывает сомнения факт, что класс глаголов положения в пространстве (стоять, сидеть и т.д.) вербализует категорию пространства в ПКМ. Однако, по нашему мнению, лексемы «идти» (класс действия), «падать» (класс процессов), «быть» (во втором значении), «находиться» (класс локализации), «ездить верхом» (класс способностей), «вмещать» (класс параметров) также обладают пространственной семантикой. Приведённые данные показывают отсутствие единства мнений на классификацию пространственных предикатов, что, с нашей точки зрения, несколько затрудняет их исследование. Кроме того, глаголы движения и глаголы позиции (по классификации Т.А. Майсака) представляют собой классы, имеющие разные специфические особенности. С точки зрения В.В. Корневой, в настоящее время больший интерес у исследователей вызывают глаголы движения/перемещения в пространстве. В связи с тем, что, по сравнению с первой группой, они более многочисленны, создаваемые ими когнитивные структуры более разнообразны,

их анализ позволяет выделить большее количество концептуальных признаков [Корнева 2002; Панкина 2002; Галкина 2006; Шайхисламова 2012]. Кроме того, анализ глагольной лексики лежит в основе обоснования необходимости и правомерности исследования лексико-грамматической системы языка как репрезентации картины мира, которая не идентична у различных народов [Богуславская 1999; Ларионова 2003]. С нашей точки зрения, из данного положения можно сделать вывод о необходимости исследования и анализа пространственной глагольной лексики как основы пространственной лексико-грамматической системы языка, отражающей ПКМ. Ранее указывалось, что ПКМ этноспецифична, что также является доказательством приведённого тезиса.

К словообразовательным средствам объективации пространства и ПКМ можно отнести изменение семантики лексических единиц. В.В.Корнева в качестве указанных средств выделяет метафору (пространственную метафору), а также метонимию (пространственную метонимию) [Корнева 2006б: 158]. С точки зрения Дж. Лакоффа, М. Джонсона, пространственная метафора – это потенциальный способ выражения эмоционального, социального, физического состояния человека. Пространственная характеристика может при этом сочетаться с оценочной [Lacoff, Johnson 1980]. Применительно к глаголам пространства, цель метафорического переосмысления – это необходимость использования указанных частей речи относительно неодушевлённых объектов, а также абстрактных предметов. Источник метафоры в данном случае – образ физического расположения объекта в пространстве, результат – когнитивное метафорическое восприятие [Рудакова 2016: 117]. Метонимия имеет сходство с метафорой. Тем не менее, метафора утверждает приведённый в некотором высказывании признак по аналогии, в то время как метонимия извлекает его из уже имеющегося в языке предмета или явления на основе его схожести с характеристиками нового обозначаемого слова. В связи с этим метонимия не обладает эмоциональным откликом, характерным для метафоры, поскольку создаёт не законченные образы, а образцовые символы [Вагин 2019: 72-73]. Отметим, что метонимия предстаёт в виде когнитивного механизма отражения

знаний как в результате их репрезентации в системных значениях языковых единиц, так и в процессе порождения высказывания [Болдырев 2002: 11]. Вслед за В.В. Корневой мы признаём потенциал обоих явлений в объективации ПКМ. Тем не менее, с нашей точки зрения, указанный процесс не ограничивается рамками метонимии и метафоры. ПКМ вербализуется и посредством иных тропов (олицетворение, гипербола и др.). Данное предположение является значимым для реализации цели нашего исследования.

Ещё одним средством репрезентации пространства выступают фразеологизмы [Прохорова, Лихачева 2009; Титова 2010]. Как правило, в рамках работ по указанной тематике наряду с пространством исследователи рассматривают фразеологические единицы со значением времени [Филоненко 2002; Игнатьева 2004]. Образные средства номинации пространства (в том числе и фразеологизмы) исследуются в большинстве случаев на материале одного языка, что открывает значительные возможности для их исследования в сопоставлении [Корнева 2006б: 159].

Следует отметить, что сфера пространственного синтаксиса представляет собой широкое поле деятельности для исследования данной категории. Рассматриваются способы и средства отражения объективного мира на уровне синтаксиса в языке [Волохина 1999; Фурс 2004]. Существуют и исследования частного характера, предметом которых становятся синтаксическое воплощение базовых концептов пространства, объективирующие концепт «состояние» [Казарина 2002] и «каузированное перемещение объекта» [Булынина 2004].

Из рассмотренного выше можно сделать следующие выводы, значимые в контексте развития теоретического изучения объекта нашего исследования.

Пространственная картина мира представляет собой разновидность картины мира. Указанное обстоятельство подразумевает сохранение за ПКМ некоторых её характеристик (антропоцентризм, этноцентризм, субъективность). Несмотря на широкие исследования пространства в различных областях знаний, ПКМ как производный от него термин, не имеет однозначной дефиниции. В целом терминология ПКМ является схожей. Некоторые концепции обладают

специфическими особенностями, однако исследования в области концептуализации, категоризации пространства, пространственных отношений, пространственных представлений в целом дополняют друг друга. Отметим, что они берут начало в метафоре ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО – ПРОСТРАНСТВО. Метафора и метонимия также являются словообразовательными средствами объективации пространства. С нашей точки зрения, к таковым могут относиться и другие виды тропов. Кроме указанных выше словообразовательных средств объективация пространства, пространственных отношений и ПКМ в целом происходит с помощью других языковых средств (фразеологических, синтаксических, лексических). К последним относятся наречия, предлоги, существительные и прилагательные пространственной семантики, изучаемые с точки зрения их потенциала концептуализации пространства, а также глаголы. Последние, с нашей точки зрения, не только являются основой процесса категоризации, но и занимают особенное место в ПКМ. Они вербализуют в языке как концепт «положение/позиция», так и концепт «движение». Разнообразие классификаций, отсутствие единых критериев разделения пространственных глаголов на группы, соответствующих указанным концептам, недостаточная изученность пространственных глаголов (статичного положения в пространстве и движения) как элемента ПКМ обуславливает необходимость их более глубокого исследования в настоящей работе.

1.4. Семантические и грамматические особенности репрезентации пространственных отношений и объектов

Как нами было замечено ранее, семантика положения в пространстве (состояния покоя) и ориентации (движения) реализуется на всех языковых уровнях (лексическом, синтаксическом, морфологическом). С точки зрения нашего исследования вопрос о пространственной семантике и грамматике является особенно актуальным, поскольку именно они выступают средствами вербализации ПКМ. В зависимости от особенностей конкретного языка могут

иметь место различные способы передачи семантики пространства [Алигаджиева и др. 2020: 220]. Последняя подразделяется на два вида: процессуальная и номинативная. Процессуальная пространственная семантика на морфологическом и лексическом уровнях языка реализуется посредством глагольных лексем, на уровне синтаксиса – глагольных сочетаний [там же: 220-221]. В английском языке наличие у глагола грамматических показателей времени подразумевает, что ориентация в пространстве не выражается с помощью морфологических форм глагола. Однако так как общекатегориальным значением глагола выступает реализация динамичности, выражаемая как с помощью временной, так и пространственной актуализации, при этом последняя не репрезентирована, можно предположить, что существуют иные средства передачи пространственной ориентации (например, лексические и/или синтаксические).

По мнению В.Д. Гогошидзе, «временные и пространственные показатели глагольного признака могут быть противопоставлены как категориальные и некатегориальные формы и значения, обеспечивающие реализацию общекатегориального значения конкретной части речи – глагола. К некатегориальным значениям мы относим значения, передаваемые синтаксическими средствами, которые, как известно, рассматриваются как одно из средств создания грамматической формы и, соответственно, значения» [Гогошидзе 1978: 75-76]. Отметим также, что глаголы составляют большую часть лексем с пространственной семантикой. Номинативная пространственная семантика, с нашей точки зрения, на каждом из трёх уровней языка реализуется посредством имён существительных, прилагательных, а также наречий. Глаголы пространственной семантики также выполняют номинативную функцию [Саковец 2018].

В русском языке предлоги делятся на производные и непроизводные. В каждой из указанных групп имеют место пространственные предлоги (например, *в, на, среди, около* и т.д.). В английском языке к их числу можно отнести следующие: *down, up, behind, in front of, above* и т.д. [Манакова 2012: 505]. Рассмотрим составные (фразовые) глаголы, которые включают в себя предлоги.

На морфологическом уровне английского языка составные глаголы выступают одним из средств реализации пространства. Например, *to get away* – ускользнуть, удрасть, избежать чего-либо, *to get in* – проникнуть, забраться куда-либо, *to get up* – вставать, подниматься, *to get off* – удалять(ся), покидать и т.д. [Алигаджиева и др. 2020: 221].

На морфологическом уровне немецкого языка семантика пространства представлена глаголами с отделяемыми приставками. Последние произошли от наречий пространственной семантики. Присоединившаяся к глагольной лексема наречия места утрачивает статус самостоятельной части речи. Она приобретает функцию добавления различных семантических оттенков (абстрактных, темпоральных, пространственных) ко вновь образованному глаголу. При этом пространственное значение первично по отношению к абстрактному и темпоральному [там же].

В германских языках на современном этапе развития существуют исконные с исторической перспективы предлоги, а также предлоги-дериваты, образованные от других частей речи. Обе предложные группы могут включать в себя как простые, так и составные предлоги, состав которых расширяется за счёт других частей речи. Древнейшие предлоги с наиболее широкой семантикой (*seit, auf, wieder, an, zu, aus, vor, bei, unter, bis, um, hinter, sonder, gegen, ohne* и т.д.) восходят корнями к употреблявшимся в древности в качестве самостоятельных членов предложения наречиям места, уточнявшим высказывание обстоятельственно. Дальнейшее развитие языка привело к примыканию указанных самостоятельных частей речи к существительным и их дальнейшему преобразованию в предлоги, а также к примыканию к глаголу и трансформации к «отделяемым приставкам» [Алигаджиева и др. 2020: 222]. Представленные выше данные подтверждают тезис о значительной роли глагола в процессе объективации пространственных отношений, при этом в русском и немецком языках важным оказывается не только глагольная семантика, но и морфологические и грамматические особенности, обусловленные наличием предлога и отделяемой приставки. Для нашего исследования значимо, что данный тезис расширяет представление о

предлоге и глаголе как об отдельных способах объективации ПКМ, а также указывает на значимость морфологии и грамматики в указанном процессе.

Среди специфических особенностей немецкого языка в контексте пространственной семантики следует отметить значимость позиции говорящего. На движение «по направлению от говорящего во внутрь» указывает отделяемая приставка *hinein-*. Направление «во внутрь от говорящего» реализуется посредством приставки «*herein-*» (*hereinfließen* «втекать», *hereinschauen* «заглядывать во внутрь», *hereinbringen* «вносить, ввозить, вводить, помещать» и т.д.).

В английском языке на уровне морфологии семантика пространственной ориентации по направлению «снаружи вовнутрь» ориентира реализуется посредством составного глагола с послелогом *in* (*come in* – входить, *run in* – вбегать, *let in* – впускать и т.д.). Семантическим и функциональным эквивалентом английского послелога *in* в немецком языке выступает префикс *(hin)ein-*, на морфологическом уровне репрезентирующий семантику пространственной ориентации «снаружи вовнутрь» (*hineinführen* «вводить», «вести (вовнутрь)», *hineinlegen* «вкладывать», *hineinblicken* «заглядывать (в помещение)» и т.д.) [Алигаджиева и др. 2020: 222].

Рассмотренные данные в немецком и английском языках подтверждают тезис об организации пространства «вокруг себя», зависимости восприятия от позиции наблюдателя, а также о его субъективности. Данный теоретический постулат значим для реализации задач нашего исследования.

Послелоги (первичные предлоги) как в немецком, так и в английском языке, образованные от соответствующих наречий места, репрезентируют семантику пространства. Бинарные оппозиции назад ~ вперёд, внутрь ~ наружу, вверх ~ вниз и т.д. репрезентируют пространственную ориентацию [Алигаджиева и др. 2020: 224]. Представленные данные подтверждают высказанный нами ранее тезис о комплексном характере объективации пространственных отношений (п. 1.1.). В рассмотренных примерах языковое выражение пространственных отношений происходит с учётом позиции наблюдателя, а также пространства как вместилища

и его геометрического понимания. Данный теоретический постулат значим для реализации цели нашего исследования, так как в данной работе мы рассматриваем пространство с точки зрения интегративного подхода.

Процессуальная пространственная семантика представлена и во французском языке. Как было сказано ранее, наиболее широкой лексической группой со значением пространства выступают глаголы. Глаголы с пространственной семантикой делятся на динамические и статические. Последние выражают процесс или состояние, в течение которого объект или субъект в пространстве не меняют своего положения (*L'école se trouve dans ce quartier*). Динамические глаголы обозначают процесс, имеющий место в некоторый период времени, результатом которого становится перемещение объекта или субъекта в пространстве (*Elle va à la maison*). Во французском языке глаголы движения подразделяются на ряд подгрупп: глаголы движения-перемещения в пространстве (*retirer, passer, dépasser, surmonter, reculer, transmettre* и т.д.); направленные на изменение формы, объёма объекта, размера; глаголы движения-действия (*gonfler, augmenter, étirer, fendre, diminuer, trancher* и т.д.); глаголы, аффицирующие объект (*tosser, toucher, effleurer, palper, frapper* и т.д.), глаголы перемещения, изменения или каузации движения, обозначающие ситуации, в которых от субъекта зависит перемещение объекта, изменение его первоначального положения в пространстве (*pousser, renverser, tirer, lancer, jeter, changer, coucher, déplacer, écarter* и т.д.) [Никитина 2008: 84]. Указанный ряд представляет собой объектные глаголы, имеющие направленность на воздействие, но не вызывающие определённых изменений [там же: 83]. Субъектные динамические глаголы содержат в своей семантике компонент активности. Среди них выделяют следующие подгруппы: глаголы, осуществляющие движения на месте (*trembler, bouilloner, vibrer, papilloter, frissonner* и т.д.); глаголы движения-перемещения в пространстве (*flâner, grimper, marcher, atteindre, circuler, marcher, manœuvrer, sauter* и т.д.) [Никитина 2008: 84]. Пространственные признаки «вертикальность перемещения», «скорость перемещения», «регулярность перемещения», а также «движение как таковое» во французском языке, по мнению Б. Потье, выражают

глаголы *courir, marcher, remuer, sauter, danser*, при этом семантику глагола *marcher* автор характеризует как «медленное, регулярное, горизонтальное перемещение в пространстве» [Pottier 1970: 386]. Многообразие представленных глаголов подтверждает мысль о том, что они являются наиболее распространённым средством выражения пространственных отношений. Для реализации цели нашего исследования значим постулат о том, что классификации глаголов с пространственной семантикой в различных языках (русский и французский) включает в себя не только статичное положение в пространстве, объективируемое в языке глагольной лексикой, но и понятие «движение» с различной степенью детализации. Движение, как было указано ранее, также может выражаться с помощью предлогов и послелогов в сочетании с глаголами.

С.Ю. Дмитренко, В.С. Храковский, основываясь на классификации предикатов Ю.Д. Апресяна, в своей работе рассматривают глаголы положения в пространстве, отличные от глаголов движения [Дмитренко 2011]. Авторы отмечают, что для описания ситуаций, выражаемых данными глаголами, необходимо определить роли их участников, среди которых выделяются следующие: Агенс (создающий и контролирующий ситуацию субъект); Опора (поверхность какого-либо объекта, принимающая на себя тяжесть тела Агенса); рабочая часть (часть человеческого тела, которая необходима для поддержания того или иного пространственного положения при контакте с Опорой) [там же: 190]. Данная схема, по нашему мнению, подтверждает высказанные ранее тезисы о позиции наблюдателя, а также антропоцентричности пространственного восприятия. С учётом рассматриваемой теории, Агенс предстаёт в виде наблюдателя, Опора – его позиции, рабочая часть – части тела индивида, относительно которой происходит изменение местоположения в пространстве. Данная теория согласуется с комплексным пониманием пространственности. Кроме того, для реализации задач нашего исследования значимо наличие в представленной концепции наблюдателя, что свидетельствует о субъективности восприятия пространства, а также его восприятию с учётом позиции собственного тела индивида. В рамках данной концепции глагольная лексика с

пространственной семантикой рассматривалась не только в русском, но и во французском языке.

Положения в пространстве в рамках указанного класса могут быть стандартными и нестандартными. К первой группе в русском языке относятся лексемы *стоять*, *лежать*, *сидеть* (во французском – *se lever*, *se coucher*, *s'asseoir*) [Дмитренко 2011: 191; Корди 2016: 40]. В русском языке приведённая группа лексем реализуется глаголами несовершенного вида во всех нефинитных и финитных формах. Указанная группа представляет собой наиболее устроенную семантически группу предикатных лексических единиц, выражающих положение тела человека. К этой же группе, но к подклассу неестественных элементарных положений, авторы относят глагол *висеть* (*accrocher*) [Дмитренко 2011: 191-192]. Представленные данные, по нашему мнению, указывают на идентичность рассматриваемой концепции в русском и французском языке. Рассмотрим семантические и грамматические особенности класса стандартных положений в данных языках.

Глаголы *сидеть*, *лежать*, *стоять*, *висеть* обозначают пространственное положение, характеризующееся статичностью, неопределённостью, контролируемостью. Оно может начаться в некоторый момент времени и завершиться в момент, отличный от первоначального [там же: 193]. Указанные глаголы реализуются в формах несовершенного вида в настоящем, будущем и прошедшем времени. Императив лексем *лежать*, *сидеть*, *висеть* используется, как правило, в частном значении «оставаться в том же положении», а в отрицательном императиве – запрет на указанное действие. Существуют также случаи употребления повелительного наклонения указанных глаголов в значении «начинай занимать положение». Данное наклонение глагола *стоять*, наоборот, чаще выражает значение «начинай занимать положение» и, как правило, является обращением к идущему или бегущему человеку с целью сделать так, чтобы тот остановился. Значение «оставаться в том же положении» встречается, но значительно реже. Лексемы *стоять*, *сидеть*, *лежать*, *висеть* обладают сочетаемостью с обстоятельством временной точки (в шесть вечера, завтра

утром и т.д.), момента речи (сейчас), ограниченной продолжительности (целый день, минут двадцать и т.д.), неограниченной продолжительности (долго/недолго и т.д.), но не с обстоятельствами, обозначающими темп (медленно/быстро и т.д.) [Дмитренко 2011: 193-197]. Указанные данные подтверждают представленный в п. 1.1. постулат о связи пространства и времени, который также находит отражение в языковой объективации пространственных отношений.

В русском языке кроме самих глаголов положения в пространстве существуют также глаголы действия – перехода в указанное состояние (например, *сидеть* – *садиться*, *лежать* – *ложиться*). В рассматриваемом языке семантика действия и состояния выражается родственными, но неидентичными глаголами. Во французском языке аналогичная семантика передаётся различными формами одних и тех же глаголов (аналитической и местоимённой формой субъектного результата). Значения *вставать* и *стоять*, как правило, реализуются с помощью глагола *se lever*, а также глагольных конструкций с наречием *debut*. Отметим, что в обоих языках описание положения в пространстве происходит с участием Агенса, Рабочей части и Опоры [Корди 2016: 40], о которых было сказано выше. Из представленных данных следует, что в обоих языках (русском и французском) глагольная объективация положений в пространстве зависит не только от семантики глагольной лексемы, но и от её морфологических особенностей.

К глаголам стандартного положения в пространстве и глаголам, обозначающими переход в указанное положение, относятся следующие: *se lever* «вставать», *se coucher* «ложиться», *s'asseoir* «садиться», а также обороты с наречием *debut* «стоя» и непереходный глагол *coucher* [там же: 41].

Семантика перехода из одного положения в пространстве в другое (действия), а также состояния во французском языке реализуется посредством идентичных глаголов (*s'asseoir* и *se coucher*), но в различных формах. Лексема *s'asseoir* в финитных формах отражает действие «сесть», «садиться», а положение «сидеть» выражается с помощью аналитической формы субъектного результата *être assis*. Глагол *se coucher* в финитных формах служит для

реализации действия «лечь», «ложиться», в то время как положение «лежать» выражается аналитической формой субъективного результата *être couché* [Корди 2016: 41]. Как и в русском языке, базовые компоненты пространственного положения человека во французском языке выражаются как минимум тремя путями, указанными в работе С.Ю. Дмитренко, В.С. Храковского: «самостоятельными исходными лексемами во всех финитных и нефинитных формах, имперфектными формами лексем, перфектные формы которых выражают переход в элементарное стандартное положение, и результативными формами лексем, которые выражают переход в элементарное стандартное положение» [Дмитренко 2013: 157]. Третий из описанных выше способ выражения пространственных значений представлен в работе Е.Е. Корди. Пространственные значения передаются с помощью результативных форм глаголов перехода от одного к другому стандартному положению [Корди 2016: 45]. С точки зрения реализации цели нашего исследования значимым представляется постулат о том, что при объективации пространственных отношений важным является не только признак принадлежности к какой-либо части речи, а также наличие пространственной семантики, но и морфологические особенности компонента, выражающего пространственные отношения.

Выражение стандартного положения в пространстве «стоять» во французском языке осуществляется с помощью оборота *être debout*. Кроме него может использоваться выражение *rester debout* «оставаться стоять», употребление которого возможно в различных грамматических временах (как простых, так и сложных). Возможным является изолированное употребление наречия *debout* в функции обстоятельства образа действия. Кроме того, указанная лексема может являться прилагательным при существительном и выполнять функцию определения. Е.Е. Корди отмечает, что использование глагольно-наречных оборотов для выражения значения «стоять», «вставать» обусловлено аналитическим строем французского языка, при котором некоторые состояния и действия реализуются не отдельно стоящим глаголом, а его сочетанием с наречием или именем [там же: 46-47].

Наряду с подклассом стандартных положений в пространстве, выделяют класс нестандартных положений. С точки зрения С.Ю. Дмитренко, В.С. Храковского, они обозначают добавочные действия по отношению к стандартным положениям. Занимая некоторое нестандартное положение, Агенс продолжает оставаться в первоначальном стандартном положении [Дмитренко 2011: 199]. К указанному подклассу авторы относят глаголы *облокотиться*, *прислониться*, *упереться*, *опереться*. С их точки зрения, приведённые лексемы являются средством выражения динамичного, контролируемого, кратковременного перехода из определённого стандартного пространственного положения в нестандартное. Формы совершенного вида могут употребляться в прошедшем и будущем времени, несовершенного – в будущем, прошедшем и настоящем. Формы совершенного вида обладают конкретно-фактическим значением перехода в нестандартное положение, форма несовершенного вида – хабитуальным значением. Повелительное наклонение рассматриваемых глаголов в утвердительной и отрицательной форме совершенного вида, как правило, используется в значении «начни находиться в каком-либо положении». Императив в несовершенном виде возможен, однако его употребление крайне нечастотно. Отрицательная форма повелительного наклонения несовершенного вида обладает рекомендательным значением [там же: 200-201].

Во французском языке в группу глаголов нестандартного положения в пространстве входят лексемы *s'accouter* «придвигаться, прислоняться сбоку», *s'appuyer* «опираться», *s'accouder* «облокачиваться», *s'adosser* «прислоняться спиной» [Жорди 2014: 362]. Как и в русском языке, обозначаемое рассматриваемыми глаголами действие вторично по отношению к одновременно занимаемому Агенсом стандартному пространственному положению. Глаголы *s'accouder* «облокачиваться» и *s'adosser* «прислоняться спиной» обладают обозначением Рабочую часть, находящуюся в контакте с Опорой, корнем. Глаголу *s'appuyer* свойственна наиболее широкая семантика. Он может использоваться как при движении Агенса, так и при его стандартном положении для выражения Опоры, в связи с чем указанный глагол рассматривается как две

лексемы, одна из которых принадлежит подклассу нестандартных пространственных положений. Наряду с глаголом *s'appuyer*, лексема *s'accoter* также обладает двумя значениями, но к данному подклассу относится только глагол *s'accoter* в значении «прислоняться» [Корди 2014: 362-363].

Нестандартное положение Агенса, а также его переход в это положение могут быть реализованы различными видовременными глагольными формами. Формы сложного, простого, а также предпрошедшего времени выражают переход к тому или иному положению в пространстве; формы настоящего и прошедшего незавершённого времени – и нахождение в некотором положении в пространстве, и переход к нему. «Неличные формы употребляются, если позиционный глагол обозначает не главное действие/состояние, а сопутствующее главному [Корди 2014: 363]. Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что объективация пространственных отношений в языке производится на каждом из уровней языка, в том числе на уровне грамматики, при этом они образуют единую систему как конститuenty единого пространственного значения, выраженного некоторой глагольной формой.

Наряду с глаголами с пространственной семантикой следует рассмотреть номинативную пространственную лексику.

В английском языке одним из наиболее широких лексических пластов, выражающих семантику пространства, являются наречия. обстоятельственные наречия в рассматриваемом языке указывают на пространство (и время), существование состояния или совершения действия. Наречия обстоятельства места указывают не только на место совершения действия, но и на его направление. В зависимости от глагольной семантики, а также содержания предложения наречия, принадлежащие к данной группе, употребляются в каждом из двух значений. Наречия, использованные с глаголами движения, как правило, обладают семантикой направленности [Рашидова 2018: 95-96]. Данный теоретический постулат значим для реализации цели нашего исследования, так как наличие направленности неотделимо от наблюдателя и субъективности восприятия пространства.

Как в английском, так и в русском языке в качестве базовых языковых единиц с семантикой пространства выделяют следующие наречия: (*close/near* (близко), *closeup* (вблизи), *far* (далеко), *in the distance* (вдалеке, вдали), *afar* (вдалеке), *from afar/from a distance* (издалека, издали). Указанные лексемы реализуют значение протяжённости [Аржановская 2013: 69]. Языковые единицы *closeup* (вблизи), *near* (около, близко), *close* (близко) выражают минимальную протяжённость между несколькими объектами или между объектом и субъектом восприятия окружающей действительности. Протяжённость на малое расстояние в русском языке реализуется посредством языковых единиц *вблизи*, *близко*, при этом они не являются взаимозаменяемыми [там же].

В русском языке признак протяжённости на большое расстояние выражается в семантической структуре лексем *вдали*, *издали*, *вдалеке*, *издалека*. Указанные языковые единицы являются производными от прилагательного *далёкий*, одним из значений которого является следующее: «находящийся, происходящий на большом расстоянии или имеющий большое протяжение» [Ожегов 2015: 54]. В английском языке признак протяжённости на большое расстояние выражается языковыми единицами *in the distance* (вдалеке, вдали), *far* (далеко), *from a distance/from afar* (издалека, издали), *afar* (вдалеке) [Аржановская 2013: 71].

Сравнение пространственных наречий в русском и английском языках подтверждает представленную выше мысль о том, что основным способом вербализации данного типа отношений выступают наречия с семантикой *близко/далеко/вокруг* и т.д., а также о том, что пространственные представления в целом основаны на противопоставлении дальности и близости [Макарова 2009: 146]. Представленное сравнение наречий с пространственной семантикой позволяет сделать вывод о наличии понятий «далеко»/«близко» в пространственной картине мира носителей каждого из представленных языков. Данный теоретический постулат представляет значимость для нашего исследования.

Пространственные существительные в русском и английском языке составляют две группы. В первую входят существительные с обобщённой семантикой направления, места и расстояния: существительные, обозначающие место, пространство (*situation, location, spot, room* и т.д.); существительные, обозначающие расстояние как таковое (*direction, surroundings* и т.д.) [Бузарова 2006: 174]. Существительные, входящие в данную группу, обладают общей семой отношений, категориальной семой предметности, а также категориальной семой локативности [там же]. Ко второй группе относятся следующие существительные с конкретной вещественной семантикой: Земля (*Earth, meadows, oceans, seas, hills* и т.д.); космос (*space, air* и т.д.); употребляемые в бытовой речи топологические и географические понятия (*south, north* и т.д.) и топонимы (*Norway, Philadelphia, the Alps* и т.д.); лексемы, обозначающие административное деление (*country, county, territory, state* и т.д.); место жительства (*town, village* и т.д.), строение (*house, hut* и т.д.), строение для специфических видов деятельности (*barn, bar* и т.д.), часть постройки (*living-room, corner* и т.д.) [Бузарова 2006:174]. И.С. Бороздина в своей работе рассматривает существительные, обозначающие географическое пространство. В английском языке к таковым исследователь относит лексемы *place* «место», *hamlet* «село», *village* «деревня», *town* «небольшой город», *city* «большой город» [Бороздина 2008а: 2]. Приведённые существительные, являющиеся частью системы географических понятий, по мнению лингвиста, характеризуются тем, что одной и той же лексемой (например, *place*) можно обозначить сразу несколько географических объектов, что в русском языке встречается реже. В последнем, однако, указанная система является более структурированной, она строится на чётком разграничении населённых пунктов по количеству жителей и включает в себя такие элементы, как *деревня, село, посёлок, посёлок городского типа, город* [Бороздина 2008а: 2]. Важно отметить, что лексема *город* обладает универсальностью по сравнению с английскими пространственными существительными *town* и *city*: городом в русском языке называют и большой населённый пункт с населением более 5 млн. людей, и небольшой, население которого насчитывает 200 тыс. человек [там же: 3]. Данное

утверждение подтверждает тезис о лингвокультурной специфике ПКМ, высказанный во Введении данной работы, и представляет значимость для настоящего исследования.

Рассматривая существительные с пространственной семантикой с точки зрения грамматических особенностей, следует обратиться к исследованию О.А. Волчек. Лингвист изучает частотные лексемы-существительные, обозначающие объекты природного пространства в русском языке (*поле, атмосфера, небо, воздух, остров, лес, бассейн, сад, источник, вода, земля, берег, волна, гора, озеро, море, поток, океан*) [Волчек 2016: 207]. Применяя метод «грамматических профилей», исследователь установила, что для большинства из них характерен грамматический профиль, при котором преобладающими являются формы предложного, винительного и родительного падежей, в то время как формы творительного и дательного падежей оказываются менее частотными. По мнению исследователя, данное обстоятельство объясняется многозначностью пространственных существительных. Особенно значительному видоизменению грамматического профиля подвержены слова с частотным лексико-семантическим вариантом (*источник, волна, поток, атмосфера*). Иной причиной отклонения может являться высокая частота клишированных оборотов (*стоять горой, под открытым небом* и т.д.). Кроме того, грамматический профиль существительного с пространственной семантикой может проиллюстрировать наличие у лексемы более одного номинативного значения (например, *вода* – вещественное и пространственное значение) [Волчек 2016: 207]. Из сказанного, по нашему мнению, следует подверженность существительных с пространственной семантикой процессам изменения их первоначального значения, а также то, что именно изменение семантики влечёт за собой изменения грамматического профиля существительного с указанным значением. Мы считаем, что представленные данные свидетельствуют о том, что номинативный характер лексем не подразумевает преобладание семантического компонента над грамматическим в процессе объективации пространственных отношений. Данный тезис согласуется с целью и задачами нашего исследования.

Прилагательные с пространственной семантикой в английском и русском языках характеризуются наличием значительного объёма лексических значений. Например, *far* «далёкий»/*near* «близкий» выражают положение предмета относительно горизонтального ориентира, *long* «длинный», *short* «короткий» – горизонтальное измерение в целом, прилагательное *thin* «тонкий» характеризует объём объекта, прилагательные *left* «левый» и *right* «правый» – местоположение объекта по обе стороны [Рашидова 2016: 143-144]. Данную точку зрения разделяет Ю.С. Лобанова, которая выделяет две группы пространственных прилагательных, каждая из которых соответствует характеристике пространства/сопутствующим термину «пространство» понятию [Лобанова 2007]. Так, по мнению лингвиста, протяжённость пространства в языке выражается с помощью следующих лексем: *submarine/marine* (подводный/водный), *inward/outward* (внутренний/внешний), *left/right* (левый/правый) и др. [там же: 115]. Базовыми лексическими единицами, реализующими вертикальную пространственную ориентацию, выступают слова *up/down* (вверху/внизу). В английском языке, кроме упомянутых лексем, рассматриваемая пространственная координата может быть выражена с помощью прилагательных, образованных с помощью целого ряда словообразовательных средств (*under-*, *sub-*, *over-* и т.д.). Указанное положение является одним из доказательств первичности вертикального измерения с точки зрения носителя любой лингвокультуры [Лобанова 2007: 117]. Мы не разделяем точку зрения исследователя по данному вопросу, так как ранее было показано, что преимущественное положение того или иного измерения обусловлено целым рядом факторов. Существует целый ряд «горизонтальных» культур, к числу которых относится и русская. Отметим также, что представленные данные подтверждают высказанный ранее тезис о значимости позиции наблюдателя, а также субъективном характере восприятия пространства, которое находит выражение в объективирующих его языковых средствах.

Пространственные прилагательные, обозначающие размер, во французском языке рассматривает И.И. Ковалевская. Автор перечисляет 33 лексемы,

относящиеся к данной группе (*profond, spacieux, ténu, vaste, volumineux, ample, bas, colossal, court, délié, énorme, épais, étendu, étroit, exigu, fin, moyen, normal, microscopique, mince, minuscule, petit, géant, gigantesque, grand, gros, haut, immense, infime, large, long, massif, menu*) [Ковалевская 2015: 91]. Наиболее употребляемыми в составе данной лексико-семантической группы являются лексемы *haut, court, long, grand*. Исследователь выделяет два основных различия между лексическим оформлением семантики пространства через прилагательные в русском и французском языках. Сходные понятия выражаются морфологически в русском языке (*тонкий, тоненький, тонюсенький и огромный, громадный*), во французском – с помощью лексической дифференциации (*mince, fin, ténu, délié/immense, énorme, géant*). С точки зрения автономного оформления понятий следует отметить, что в русском языке присутствуют оба элемента оппозиции (*мелкий/глубокий*), во французском языке противочлен для лексемы *profond* отсутствует [там же: 92]. Следует также указать, что прилагательные размера обладают достаточно широкой лексической сочетаемостью. Единственное ограничение – «сохранение познавательной ценности высказывания, т.е. соблюдение условия, чтобы структура, форма объекта допускали то или иное его измерение, и чтобы значение имени включало соответствующий признак хотя бы в качестве дополнительного или ассоциативного и т.п.» [Ковалевская 2015: 92]. Автор также указывает, что на синтагматическом уровне имеет место «взаимное высвечивание», т.е. в содержании каждого из элементов именного словосочетания проявляются определённые семантические признаки. Происходит уточнение значения прилагательного, которое является многозначным, а также развёртывание значения определяемого имени [там же: 100]. По нашему мнению, представленные отличия между лексическим оформлением пространства в русском и французском языках могут быть связаны с различным строем языков (русский – синтаксический, французский – аналитический). Следует отметить, что, несмотря на представленные различия в оформлении семантики пространства посредством прилагательных, самые употребляемые лексемы среди выражающих размер прилагательных во французском языке (*haut, court, long, grand*)

существуют и в русском языке (*высокий, низкий, длинный, большой*), а также объективируются посредством идентичной части речи. Мы считаем, что данное обстоятельство может быть обусловлено «базовым» характером представленных пространственных понятий.

На основе анализа контекстов, содержащих пространственные прилагательные, Ю.С. Лобанова делает вывод о неограниченности функций прилагательных с пространственной семантикой сферой пространственного атрибута [Лобанова 2007: 117]. Рассмотренная выше группа прилагательных может также относиться к разряду номинативных единиц. Следует отметить, что зависимость значения прилагательного с пространственной семантикой от контекста, а также ёмкость указанной группы лексем создаёт возможности для создания целого ряда новых значений на базе пространственного, а также совмещать сразу несколько типов значений в одной лексической единице. Важную роль в данном процессе играет метафоризация [там же]. Таким образом, наряду с рассмотренными ранее частями речи с пространственной семантикой, прилагательные, принадлежащие к данной группе, также обладают высоким метафорическим потенциалом, при этом образованное в результате метафоризации слово может как потерять, так и сохранить в своей семантике пространственный компонент. Прилагательное с изменённым значением как результат процесса метафоризации, по нашему мнению, является центральным элементом контекста, лексика, грамматика и морфология которого «подстраивается» под данное значение. Данный теоретический постулат продуктивен для нашего исследования.

В немецком языке (как и в русском) с точки зрения грамматики прилагательные делятся на качественные и относительные, при этом оба класса включают в себя пространственные лексемы [Работкин 2015: 211-213]. Так, одной из групп в составе класса качественных прилагательных выступает группа лексем, обозначающих пространственные характеристики (*flach* и т.д.) [там же: 212]. В составе класса относительных прилагательных обнаруживаются лексемы, обозначающие географическую принадлежность (*kontinental, afrikanisch* и т.д.),

положение в пространстве (*linke, dortig* и т.д.), временную отнесенность (*letztjährig, heutig* и т.д.) [Работкин 2015: 213]. Приведённые данные свидетельствуют о широкой семантике пространственных прилагательных, которую, исходя из приведённой классификации, можно ограничить как минимум тремя группами. Кроме того, в зависимости от принадлежности к числу относительных или качественных, прилагательные с пространственной семантикой будут различаться по грамматическим характеристикам (например, способность/неспособность образовывать степени сравнения) [там же: 218]. Мы считаем, что широкая семантика рассматриваемых прилагательных в немецком языке также свидетельствует о наличии у них метафорического потенциала. Данный постулат значим для реализации задач нашего исследования.

Таким образом, из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Процессуальная и номинативная семантика пространства находит своё выражение в следующих частях речи: глаголах, фразовых глаголах, предлогах, существительных, наречиях, прилагательных. Частью речи, обладающей наиболее обширной группой лексем с пространственной семантикой, выступает глагол. С нашей точки зрения, данное обстоятельство объясняется многообразием фразовых глаголов в ряде языков (например, английском и немецком), разветвлённой системой временных форм (например, в английском и французском), широким применением словообразовательных средств (например, в русском и немецком), значительным разнообразием лексем с семантикой движения (русский, английский, французский), а также лексем, выражающих положение в пространстве (в частности, нестандартное положение в пространстве по классификации С.Ю. Дмитренко, В.С. Храковского). Нередко предлоги исследуются совместно с глаголами.

В составе фразовых глаголов предлоги являются послелогоми. Ряд пространственных предлогов (*at/on/in*) в зависимости от контекста может обладать как пространственным, так и темпоральным значением. Пространственные существительные наряду с глаголами также представляют собой довольно широкую группу лексем. Изменение их грамматического профиля

свидетельствует о наличии некоторого значения (одного или нескольких), отличных от первичного номинативного. Существительные данной группы имеют высокий метафорический потенциал. Наречия с семантикой пространства, а также наречия времени относятся к группе обстоятельственных и выражают значение протяжённости. Пространственный дейксис в данном случае будет основан на противопоставлении близости/дальности нахождения от говорящего. Пространственные прилагательные в составе нескольких групп с уточнённой семантикой включают в себя как качественные, так и относительные прилагательные, грамматические признаки которых не идентичны. Особенное место в рамках лексем данной части речи занимают прилагательные размера. Как и пространственные существительные, они характеризуются наличием высокого метафорического потенциала, при этом получившееся в результате метафоризации прилагательное может как сохранять, так и терять пространственный компонент в своей семантике.

1.5. Синтаксические особенности репрезентации пространственной картины мира

Как было рассмотрено ранее, пространственная картина мира является частью языковой картины мира. ПКМ реализуется с помощью различных механизмов, в число которых входят фразеологические, лексические, а также синтаксические средства вербализации пространства [Корнева 2006а: 5]. Изучение фразеологических и лексических единиц как способов объективации пространственных концептов является одним из актуальных вопросов как отечественной, так и зарубежной когнитивной лингвистики и психолингвистики. Исследование отражения объективного мира на уровне синтаксиса, с точки зрения В.В. Корневой, в настоящее время «делает первые шаги» [Корнева 2006а: 5]. Так, одними из наиболее значимых исследователей в данной области являются Г.А. Волохина и З.Д. Попова [Волохина 1999]. Изучение синтаксических средств и способов репрезентации пространственных отношений сочетает в себе как уже

накопленные лингвистические знания, так и современные методики исследования языкового материала. Данные исследований в области теории функциональной грамматики свидетельствуют о разнообразии средств реализации пространства на уровне синтаксиса в русском языке [Бондарко 1996]. Падежная грамматика регистрирует ещё большее разнообразие языковых способов выражения пространственных смыслов в естественных языках мира. Данные факты указывают на значимость концепта «пространство» для познания окружающего мира представителями различных культур, а также о наличии в языке готовых структур для репрезентации пространственных отношений [Корнева 2006а: 5]. Представленные тезисы значимы для реализации эмпирической части настоящего исследования.

З.Д. Попова ввела в научный обиход термин «синтаксический концепт», который в настоящее время рассматривается как типовая пропозиция, зафиксированная конкретной структурной схемой простого предложения (цит. по: [Арбузова 2019: 130]).

Синтаксический концепт РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРЕДМЕТА В ПРОСТРАНСТВЕ организуется с помощью элементарных смыслов «нечто/некто», «место», «быть». Слово обладает лексическим значением, реализация которого происходит в составе тех или иных синтаксических единиц [Арбузова 2019: 130]. Л.Н. Федосеева разделяет данную точку зрения. По мнению исследователя, семантическое пространство языка объективируется словами, словоформами, а также их сочетаниями, которые составляют синтаксические построения. Лексика, таким образом, представляет собой интегральную часть синтаксиса. За пределами лексики его не существует. Лексика также не может существовать вне синтаксиса, так как именно внутри него она «оживает». При этом синтаксический потенциал локативов употребляется для реализации разнообразных установок автора того или иного текста [Федосеева 2012: 18-19]. Мы разделяем данную точку зрения. Объективация пространственных отношений возможна при взаимодействии лексики и синтаксиса, их интеграции. Рассмотренная точка зрения также поддерживается исследователями,

занимающимися изучением пространственного синтаксиса в иностранных языках. По нашему мнению, синтаксический компонент дополняет лексический, морфологический, грамматический элементы системы языка, необходимые для выражения определённого пространственного отношения. Данный тезис значим для реализации цели и задач нашего исследования.

Следует отметить, что синтаксис – это преимущественно структурная схема предложения (словосочетания). Однако в современной филологической парадигме присутствуют дискуссии о его значимости, о связи синтаксиса с лексикализацией и статусности их корреляции. Очевидно, что в рамках русского языка синтаксис представляется, преимущественно, в рамках структурной схемы.

Л.Н. Федосеева обращается к исследованию конкретных средств выражения пространственного синтаксиса в русском языке. По мнению исследователя, к ним относятся: словосочетания; обстоятельства; словоформы в предикативной позиции; обращения, обобщающие слова и детерминанты с локальным значением; простые и сложные предложения с пространственной семантикой [Федосеева 2012: 15-16]. Словосочетания со значением пространства делятся на несколько видов: объектно-пространственные (*положить в ящик, выйти через дверь* и т.д.), атрибутивно-пространственные («*вид из окна, тропинка вниз*» и т.д.), обстоятельственно-пространственные (*отдыхать в Крыму, повернуть направо* и т.д.) [там же:15]. К числу обстоятельств, объективирующих категорию пространства, Л.Н. Федосеева в том числе относит и те, которые обособляются в письменной речи (*выбегают на улицу; иди сюда; там, у дома, зажглись фонари* и т.д.) [Федосеева 2012: 15-16]. Как было сказано выше, в качестве средства выражения пространства исследователь рассматривает словоформы в предикативной позиции (*цветы езде в их доме; Ольга – на улице* и т.д.). Квалификация указного средства является дискуссионной. Одна группа исследователей относит словоформы в предикативной позиции к сфере обстоятельств (А.М. Пешковский, А.А. Шахматов), другая указывает на наличие у них самостоятельных предикативных значений (Ю.С. Степанов, Г.А. Золотова, Р. Мразек) или объясняет подобные случаи объединением характеристик

второстепенных членов предложения и сказуемого (В.В. Бабайцева) (цит по: [Федосеева 2004: 15-16]). Л.Н. Федосеева считает более убедительной позицию, настаивающую на самостоятельном предикативном характере словоформ в предикативной позиции, поскольку в совокупности с первым компонентом они формируют предикативный минимум, без которого не образовалось бы предложение [там же]. Мы разделяем данную точку зрения.

А.М. Абашилова рассматривает средства выражения пространственной семантики в аварском языке в его сопоставлении с английским. К пространственному синтаксису автор относит, прежде всего, послеложные конструкции аварского языка и предложные конструкции английского языка [Абашилова 2002: 11]. Кроме указанных к синтаксическим средствам выражения пространственных отношений исследователь также относит придаточные предложения места в составе сложноподчинённых предложений, а также словосочетания с пространственным значением [там же]. Отметим, что, как и в русском языке, сложноподчинённые предложения обладают более высоким пространственным потенциалом по сравнению со сложносочинёнными предложениями.

Вместе с тем существуют естественные языки, в которых пространственные отношения реализуются иначе. В аварском языке предлоги отсутствуют. Данное обстоятельство компенсируется выражающими пространственные отношения местными падежами. Более дифференцированно указанные отношения реализуются посредством конструкций с послелогами. Последние характеризуются способностью к выражению всех пространственных значений местных падежей, а также таких пространственных отношений, которые с помощью данных падежей передать невозможно [Абашилова 2002: 12].

В аварском языке пространственная семантика на уровне синтаксиса может быть реализована не только посредством послеложных конструкций, но и причастных и деепричастных оборотов. Напротив, английский язык характеризуется использованием сложноподчинённых предложений с придаточным места для объективации указанной семантики. В рассматриваемом

языке имеет место трёхчленные причастные конструкции с пространственным значением от глаголов движения. В качестве примеров исследователь приводит следующие фрагменты: «*the boy, walking home*» (мальчик, идущий домой), «*the girl, walking to the river*» (девочка, идущая к реке), «*the boy, returning home*» (мальчик, возвращающийся домой) [Абашилова 2002: 12]. Исследователь также указывает на частотность употребления в английском языке именных словосочетаний с пространственным значением, а также на довольно редкое употребление причастных словосочетаний [там же: 15]. Одной из отличительных особенностей пространственного синтаксиса аварского языка является наличие деепричастных словосочетаний с центром в пространственном деепричастии. В английском языке указанные конструкции отсутствуют, соответствующая семантика передаётся с помощью придаточных предложений места [Абашилова 2002: 16].

Отметим также, что в языках аналитического типа корреляция синтаксиса и семантики манифестируется иначе, чем в языках синтетического типа, что репрезентируется на уровне использования различных синтаксических конструкций. Например, глагол *stop* (останавливаться, прекращать что-то делать) допускает как использование конструкции с инфинитивом, так и *-ing* формы. В первом случае глагол будет обладать значением «остановиться, чтобы что-то сделать» (*I stopped to look at the sky* – я остановился, чтобы посмотреть на небо), во втором – «прекратить что-либо делать» (*I stopped looking at the sky* – я перестал смотреть на небо). Кроме того, в качестве примера семантической функции синтаксиса следует привести так называемую каузативную форму глагола (Causative form). Несмотря на то, что общепринятая грамматическая позиция предписывает её рассмотрение при изучении страдательного залога (Passive Voice), синтаксис рассматриваемых конструкций, как и семантика, не являются идентичными. Например, *my pizza has been delivered* (подлежащее + сказуемое) – моя пицца доставлена; *I have had my pizza delivered* (подлежащее + часть составного сказуемого + дополнение + вторая часть сказуемого) – мне доставили

пищцу. Отметим также, что во втором случае поменялась не только синтаксическая конструкция, но и подлежащее.

В казахском языке отдельно выделяют статические и динамические пространственные отношения. Первые на синтаксическом уровне представлены простыми распространёнными предложениями с причастными конструкциями («*Бас мешіттің сыртында, Сармолла уйінен терт пушпак айналған жерде буган таныс шаштараз барды*» - это было за главной мечетью, где в дом Сармоллы зашёл главный парикмахер) [Аухадиева 1996: 14]. Отметим, что в русском языке причастная конструкция имеет вид сложноподчинённого предложения. Синтаксический способ выражения динамичных пространственных отношений идентичен синтаксическому способу выражения статических пространственных отношений в казахском языке: простые предложения с причастными конструкциями («*Далыч аскер боскындар турган тубекке беттеді*» - Далыч направился в лагерь беженцев) [там же]. Как и в предыдущем случае, в русском переводе причастие не сохраняется.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы. На основании анализа считаем возможным акцентировать внимание на том, что пространственные отношения и синтаксические способы их выражения имеют особую значимость для носителей того или иного языка. В самом языке они могут быть выражены на разных уровнях. Вне зависимости от того, какой способ выбран в конкретном случае (лексический, морфологический, синтаксический и т.д.), все они представляют собой единую систему, функционирование которой подчинено общей цели объективации пространства в языке. Несмотря на то, что исследование синтаксических способов реализации пространства в языке является относительно новым направлением в лингвистике, с нашей точки зрения, в русском языке накоплен достаточный материал по данной тематике, что может являться базой для дальнейших исследований в области других языков.

Рассмотренные в настоящей работе языки (русский, английский, аварский, казахский) принадлежат к различным языковым группам (восточнославянская группа, германская группа, аваро-андинская группа, тюркская группа), чем

объясняются различия в синтаксических способах выражения пространственных отношений, отсутствие в одном языке конструкций, характерных для другого языка. Несмотря на это, проведённый анализ показал, что придаточное предложение обстоятельства (места) является довольно распространённым синтаксическим способом объективации пространства в большинстве рассмотренных языков. С нашей точки зрения, данный факт объясняется универсальностью указанной синтаксической конструкции для многих языков, а также тем обстоятельством, что именно придаточное предложение может служить средством выражения мысли/перевода на родной язык той или иной конструкции, которой в данном языке не существует. Указанный факт, в том числе, применим и к конструкциям, выражающим пространственные отношения. Синтаксический и аналитический строй языка оказывают влияние на функцию синтаксиса в выражении различного рода отношений, в том числе и пространственных. Несмотря на распространённую позицию, заключающуюся в утверждении относительной автономии синтаксиса в семантизации пространственных отношений, мы считаем, что в языках аналитического строя (например, английском) синтаксис не может быть чётко отделён от лексики.

1.6. Концептуализация пространственного кода культуры

Одним из вопросов современного языкознания является проблема интерференции языка и культуры. Т.Ю. Сазонова, И.С. Бороздина выделяют три подхода к изучению связи культуры и языка: знаковый (семиотический), социальный, когнитивный [Сазонова 2010: 27]. В рамках семиотического подхода культуры предстают в виде репрезентирующих мир с его значениями знаковых систем. Географические презентации, лингвистические единицы, переживаемые события и т.д., представляющие собой семиотические культурные элементы – это воплощение в той или иной степени культурной практики. Указанная степень зависит от того, устанавливают ли они или предполагают наличие некоторых контекстуально-значимых культурных элементов, не выражаемых формальной

стороной знака, но понимаемых всеми представителями данной культуры [Елизарова 2005: 8-9]. Социальный подход подразумевает отсутствие врождённой культуры, а также её приобретение в процессах социальной деятельности и социализации, одним из инструментов которых выступает речевая деятельность [Елизарова 2005: 8-9]. В рамках когнитивного подхода культура рассматривается в терминах мыслительных образований, знания мира и о мире. Он представляется наиболее перспективным в исследовании представленного в языке культурного знания [Кубрякова 1994, 2004]. В рамках настоящей работы мы также будем придерживаться когнитивного подхода к изучению связи языка и культуры.

Основываясь на представленном выше анализе, заметим, что значительное место в исследованиях, посвящённых связи культуры и языка в рамках когнитивного подхода, занимают вопросы, связанные с изучением «культурного знания, репрезентированного в пространственных концептах» [Сазонова 2010: 28]. Важность указанной тематики, с точки зрения лингвистов, обусловлена реализацией лингвистическим пространством не только физического пространства как такового, но и представления о нём, средства его восприятия носителем данного языка [там же]. Каждый язык характеризуется собственной спецификой структуры концептов пространства, которая обусловлена культурными факторами [Сазонова 2010: 28]. Мы разделяем данную точку зрения. В качестве иллюстрации предложенных авторами тезисов нами будет рассмотрен пространственный концепт, который в русском языке вербализуется лексемой «комната», а в английском – *room*.

Обозначаемое в русском языке лексемой «комната» понятие в культуре различных народов имеет важное значение, прежде всего по причине того, что «комната» является частью «дома» – одного из самых значимых мест в каждой из культур. Несмотря на указанный факт, отношение к концепту, который в русском языке вербализуется с помощью лексемы «комната», не является тождественным. Е.М. Михайлова отмечает, что пространство дома (в том числе и комната) относится к числу базовых структур повседневности [Михайлова 2015: 152].

В русском языке термин «комната» в словарях, как правило, в первую очередь обладает значением, связанным с проживанием, жизнедеятельностью человека: «покой, горница, часть дома, отделенная стенами или перегородками» [Даль 1881: 149], «отдельное помещение для жилья в квартире, в гостинице, в общежитии, а также отдельное служебное помещение» [Ожегов 2015: 211]. Таким образом, для носителя русского языка комната – это место жизни и деятельности человека, которое является частью дома, квартиры и других видов жилища. Кроме того, комната представляет собой пространство в пространстве, т.е. отдельную, отделённую от других частей жизненного пространства территорию. Именно рассматриваемая характеристика, с нашей точки зрения, связывает первое значение понятия «комната» с третьим: «отдельное помещение специального назначения в общественном месте, на предприятии» [там же]. В данном случае комната является не символом личного пространства в жилом помещении, а указывает на его функциональность в общественном месте, однако, как и в предыдущем случае, отличается ограниченностью, изолированностью. Ещё одно значение рассматриваемой лексемы указывает на специфику целей, выполняемых комнатой: «мемориальное помещение в каком-н. здании» [Ожегов 2015: 211]. Определением к лексеме «комната» в данном случае является прилагательное «мемориальная». С нашей точки зрения, приведённое толкование культурно специфично: именно в нашей стране память о наследии войны, её героях настолько значима, что для её воплощения необходимо использование отдельного, обособленного пространства.

В отличие от русской лексемы «комната», для определения английского слова «*room*» важным оказывается наличие в пространстве пола, стен и потолка, а не человека: «*a part of a building with a floor, walls, and a ceiling*» [Macmillan English Dictionary 2002: 745]. Такая дефиниция даёт основание предположить нетождественность отношения русскоговорящих и англоговорящих к понятию «дом» (*house/home*), частью которого является комната (*room*). Другое значение лексемы оказывается связано с человеком, однако комната рассматривается в качестве места для сна. На это указывает то, что кроме спальни в доме в том же

самом толковании *room* определяется ещё и как место в отеле [Macmillan English Dictionary 2002: 745]. Рассматриваемая лексема в одном из значений обладает метонимичной семантикой. *Room* употребляется не для указания на помещение, а на находящихся в нём людей («*The whole room stood up and cheered*») [там же]. В русском языке словари не выделяют приведённую семантику в отдельное значение, так как, с нашей точки зрения, подобный случай метонимии возможен не только с лексемой «комната», но и другими словами, обладающими пространственной семантикой. Пример словарной статьи толкового словаря английского языка, наоборот, свидетельствует о низком метонимическом потенциале лексем со значением пространства. Кроме рассмотренных ранее, слово «*room*» также обладает следующим значением: «*the amount of space that is needed for a particular purpose*» [Macmillan English Dictionary 2002: 745]. Отметим, что в отличие от русской лексемы, *room* ограничивается не помещением, его размерами, а целями использования. Ещё одно значение слова *room* оказывается метафоричным. Оно обозначает возможность осуществления чего-либо.

С нашей точки зрения, приведенные примеры являются иллюстрацией разницы употребления вербализаторов одного и того же концепта в двух культурах. Для англичан комната – это, прежде всего, помещение, место в котором можно спать, а также пространство для осуществления тех или иных задач в прямом и переносном смысле. «Очеловечивание» комнаты для них происходит только в случае, когда все находящиеся в пространстве люди делают что-то одновременно, однако, судя по тому, что рассматриваемое метонимичное значение в словаре является не первым, можно сделать вывод о его относительной ограниченности. В русской культуре комната также представляет собой образ пространства, однако его основными характеристиками является ограниченность, а также построение для и вокруг человека. Именно потребности последнего (комната матери и ребёнка, мемориальная комната, изолированная комната и т.д.) являются основой рассматриваемого концепта. Данный вывод иллюстрирует одно из средств объективации пространства, что является одной из задач нашего исследования.

Таким образом, для носителя английского языка *room* – это пространство, а для носителя русского языка комната – это «очеловеченное» пространство. Н.Ю. Бородулина на основе результатов исследования концепта «дом» приходит к выводу о наличии у него метафорического статуса, при этом, по мнению лингвиста, метафоры являются основанием для номинации объектов архитектуры, и описание характеристик современного архитектурного сооружения происходит в терминах предметной области [Бородулина 2022: 487].

Мы считаем, в данном случае целесообразно рассматривать и учитывать не только разницу в восприятии и вербализации пространства в зависимости от культурных особенностей того или иного этноса, но и понятие «пространственный код культуры».

С точки зрения А.С. Самигуллиной, код культуры – конкретная абстракция, запечатлённая в языке в некотором виде, благодаря которой становится возможным понимание динамики преобразования значения в смысл [Самигуллина 2007: 82]. О.В. Нуждина отмечает, что культурный код представляет собой неповторимые особенности культуры, перешедшие тому или иному народу от предков; представленную в закодированном виде информацию в некоторой форме, с помощью которой возможна культурная идентификация [Нуждина 2018: 349]. По мнению В.В. Красных, каждое из предлагаемых определений восходит к понятию кода культуры, предложенному В.Н. Телия, согласно которому код культуры – это «формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия» (цит. по: [Красных 2013: 61]). В.В. Красных формулирует собственное определение термина «код культуры», которое, по нашему мнению, является одним из наиболее точных из существующих: «“сетка”, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003: 232]. С нашей точки зрения, данное определение является наиболее универсальным, поскольку оно отражает

сущность рассматриваемого понятия, а также основные функции представленного феномена. В нашей работе мы будем основываться на данной дефиниции.

К базовым кодам культуры относят предметный, временной, соматический (телесный), пространственный и т.д. [Краснобаева-Чёрная 2018: 170]. А.С. Самигуллина отмечает, что последний связан с оппозицией «свой-чужой», соотносимой с архетипами сознания [Самигуллина 2007: 82]. Пространственный код культуры берёт своё начало в сфере рефлексии над внутренним миром человека, в котором преобладает «голос» внутреннего человека, формирующий «представления о физическом пространстве посредством конструирования пространства мысли, пространства эмоций, пространства языкового функционирования, а также пространства вторичной картины мира, последнее из которых может характеризоваться, с одной стороны, высокой сигнификативной насыщенностью, а с другой стороны, пустотой объемного “метафорического контейнера”» [там же]. Указанная мысль подтверждает мнение Ж. Женетта о том, что многие виды искусства наравне с языком «пространства» иллюстрируют значительную ценность данной категории [Женетт 1998: 126]. Мы также разделяем данную позицию. Проанализированный материал позволяет констатировать выделение основных направлений сочетаемости пространственного кода.

Выделяют 4 основных направления сочетаемости пространственного кода.

1) «Код пространства довольно трудно отделить от соматического кода, когда имеется в виду мировое устройство, так как многие первоначально принадлежащие соматическому коду антропоморфные метафоры также употребляются для описания пространственного кода, иллюстрируя определённое деление пространства (в двух шагах, не достать рукой и т.д.) [Топоров 1995: 299-300]. Мы считаем, что одна из причин указанного явления состоит в том, что мерой пространства для человека в первую очередь становится его собственное тело. А.В. Подосинов [Подосинов 1999: 467] отмечает, что устройство тела человека предполагает присутствие в его сознании таких категорий, как «левое» – «правое», «переднее» – «заднее», а наличие гравитации вводит параметры «верх»

– «низ». Данное обстоятельство обуславливает деление пространства вокруг человека на 4 части. При этом «передняя» сторона оказывается более обжитой, так как человек имеет возможность её постоянного обозрения. Не попадающая в поле зрения «задняя» сторона считается более небезопасной. Левая и правая сторона приобретают большую/меньшую значимость в зависимости от степени использования человеком той или иной руки [Подосинов 1999: 467].

2) Культурный код пространства реализуется совместно с кодом времени и образует явление хронотопа, который может содержать в себе информацию о различных временных реальностях [Самигуллина 2007: 82]. Единство указанных категорий отражено в самом определении термина «пространство», которое в словарях указывается одной из форм существования бытия наряду со временем. А.С. Самигуллина отмечает, что их единство достигается движением, которое является одним из элементов хронотопа. Оно может объединять в себе статичность и динамичность [там же]. Движение, как было рассмотрено нами ранее, также является одним их составных элементов категории пространства как самостоятельного явления.

3) Как правило, «пространство воспринимается как вместилище, заполненный контейнер. При этом каждый из предметов человеческого быта связан с теми или иными структурными элементами, но при этом обязательно ускользает от технологической структурности в сферу вторичных значений, от технологической системы в систему культуры» [Самигуллина 2007: 85]. Отметим, что данный теоретический постулат основан на античном понимании пространства, которое было рассмотрено нами ранее (см. п. 1.1). «Составляющие человеческого быта – это, как правило, “абстрактная” система: в ней находит своё место ряд многофункциональных вещей, которые, основываясь на своих потребностях, объединяет человек. Именно данное обстоятельство является причиной, по которой пространственный код используется в том числе и в качестве метрически-эталонной системы окультуренного человеком мира» [Красных 2003: 305]. Например, в языковом сознании носителя русского языка «капля» представляет собой один из эталонов метрической сферы, обозначающей

самое незначительное количество чего-либо (*капля в море* и т.д.). Многие подобные эталоны употребляются метафорически (росинка, зернышко, глоток и т.д.) [Самигуллина 2007: 87].

4) Распознавание пространственного кода происходит в структуре духовного кода – абстрактной категории, формирующейся в процессе повторяющегося наложения одного культурного кода на другой [там же]. Пространственный код приобретает свою значимость именно как элемент духовного кода. Человек переносит разнообразные пространства, в которых он чувствует, мыслит, живёт и т.д. на разнообразные знаковые системы, к числу которых, в частности, относятся язык и метаязык [Самигуллина 2007: 87]. Постигая абстрактную, строго регламентированную систему пространственно-временных показателей, человек приобретает способность к ориентированию в окружающей действительности, сначала конкретной, в физическом пространстве, а затем, с переходом на вышестоящий уровень (пространственная метафора) – в духовном пространстве, определяющем его нахождение в мире [Цивьян 2009: 11].

Рассмотренная выше информация согласуется с мнением А.А. Потебни о «наличии у человека врождённой склонности к нахождению общего между впечатлениями, полученными от разных органов чувств, которые приводят к метафоризации процесса мышления, поскольку человек склонен к распространению опыта восприятия конкретных ситуаций на абстрактные явления ментального мира. При этом имеет место серьёзная работа по многократной интерпретации того, что уже было в тот или иной момент времени интерпретировано» [Потебня 1999: 95]. Данный тезис является значимым для эмпирической части нашего исследования: распространение, изменение опыта индивида – это один из факторов, который оказывает влияние на восприятие различных ситуаций окружающей реальности и их дальнейшей метафоризации. С точки зрения Н.Ф. Крюковой, метафора стимулирует процессы рефлексии, в связи с чем является эффективным способом понимания содержательности текста, поскольку она сама представляет собой опредмеченную рефлексия [Крюкова 2019: 206-207].

Из сказанного ранее можно сделать вывод о том, что пространственный код культуры – комплексное явление. Его высшей ступенью являются пространственные метафоры, при этом та или иная культура обеспечивает их специфичность. Отметим также, что, по нашему мнению, пространственная метафора имеет в своей основе когнитивно-перцептивно-аффективный опыт индивида, включающий культурный код пространства.

Культурный код пространства можно проследить в различных видах дискурса. Определённое понимание пространства в совокупности с другими указанными выше кодами создают универсалии, понятные для читателя/слушателя, являющегося представителем той же культуры. Для распознавания указанного кода представителю другой культуры потребуется его «расшифровка».

Несмотря на безусловное наличие культурного кода у носителей английского, французского, немецкого и других европейских языков, расположение соответствующих стран, а также социально-экономические и политические условия современного мира обуславливают значительную степень изученности их культурного и пространственного кода представителями других народов, изучающих указанные языки. В мире существуют народы и этносы, культура которых значительно отличается от культуры развитых стран. К таковым, например, относится племя Пираха, проживающее на территории амазонских джунглей. Одной из особенностей данного народа является отсутствие понятия «время», а также необходимых для его обозначения слов в языке. Категория времени взаимосвязана с категорией пространства, семантические оппозиции которого были представлены выше. В племени Пираха такого разделения нет, жители племени не понимают, что обозначают указанные лексемы, а также с какой целью они употребляются. С нашей точки зрения, данный факт является иллюстрацией специфики кода культуры, в том числе и пространственного.

На основе вышеизложенного, с учётом рассмотренных аспектов пространственного кода культуры мы считаем возможным уточнить дефиницию

данного понятия с акцентом значимости его элементного статуса в пространственной картине мира. *Пространственный код культуры – это «понятийная пространственная сеть значений, формирующихся в индивидуальном лексиконе, основанная на процессах категоризации и метафоризации, структурирования и оценки окружающего мира, результатом которых становится порождение тропов и иных образных элементов языковой системы, характеризующихся высокой степенью когезии, а также грамматических, семантических, морфологических и лингвистических паттернов, ингерентных для представителя данной культуры»* [Поречная 2021: 310].

Таким образом, считаем возможным подчеркнуть, что взаимосвязь языка и культуры продолжает оставаться актуальным вопросом современной лингвистики. В связи с этим особенную важность приобретает термин «культурный код». Культурный код пространства, являющийся одним из элементов культурного кода, тесно связан с кодом времени, в совокупности с которым он образует хронотоп, а также с соматическим (телесным) кодом. Последнее проявляется в различных фразеологических единицах с пространственной семантикой, в том числе и метафорического характера, в состав которых входят соматизмы. В пространственных оппозициях различного вида (верх/низ, право/лево и т.д.) пространство также предстаёт в виде метафоры, поэтому мы можем говорить о пространственной метафоре как о наиболее репрезентативной языковой единице, основывающейся на пространственном коде.

Выводы по Главе I

Историческая эволюция понятия «пространства характеризуется изменением понимания его сущности от античного пространства-вместилища до геометрического пространства, возникшего в период Ренессанса и Нового времени.

1. Можно констатировать, что в лингвистической плоскости пространство, сохраняя признаки вместилища и геометрические характеристики, приобретает антропоцентричный характер, а объективирующая пространство лексика преломляется через принцип антропоцентризма.

2. Картина мира – это не имеющее единой трактовки комплексное явление, содержание которого находится в постоянной эволюции. Нами установлено, что триада «мысль – язык – мир» обуславливает наибольшую степень распространённости разделения картины мира на языковую и концептуальную среди других классификаций. Обладающие коммуникативной значимостью концепты объективируются в языковой картине мира.

3. Доказано, что ПКМ – это особый вид картины мира, аккумулирующий в себе все её свойства. ПКМ возникает на пересечении концептуальной и языковой картин мира и функционирует в мышлении и языке. Средства объективации пространства, среди которых фразеологические, лексические (предлоги, наречия, прилагательные, существительные, глаголы) и синтаксические языковые средства, а также метонимия, метафора и другие виды тропов характеризуются культурной обусловленностью.

4. Наиболее многочисленными группами лексем с пространственной семантикой выступают глаголы и существительные, при этом последние характеризуются высоким метафорическим потенциалом. Нами установлено, что наряду с существительными данный потенциал характерен и для прилагательных с пространственным значением, при этом в процессе метафоризации лексема может потерять пространственный компонент.

5. В главе доказано, что синтаксический способ выражения пространства не является изолированным. При объективации пространства он интегрируется с лексическим, морфологическим и иными способами репрезентации пространственных отношений в языке. Нами констатировано, что наиболее распространённой формой синтаксического выражения пространства в языках различных групп является придаточное предложение.

6. Доказано, что пространственный код культуры представляет собой динамичное по своей природе комплексное явление, репрезентирующее культурные стереотипы и нравственные векторы развития конкретного этноса. Пространственный код культуры существует во взаимосвязи со временем, его динамичность репрезентируется непрерывным взаимодействием с предметным миром. Вербальным результатом объективации пространственного кода культуры в языке выступает троп.

7. Концептуализация пространственного кода культуры осуществляется на уровне предикации функционально-семантических конститuentов при неизменном учёте культурных экспонентов. На позиционном уровне пространственный код культуры основывается на процессах категоризации и метафоризации, структурирования и оценки окружающего мира, результатом которых становится порождение тропов и иных образных элементов языковой системы, характеризующихся высокой степенью когезии, а также грамматических, семантических, морфологических и лингвистических паттернов, ингерентных для представителя данной культуры.

Глава II. ТРОП КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

2.1. Эволюция понятия «тропы» в лингвистике и смежных науках

Поскольку целью нашей работы является исследование и описание особенностей тропеической лексики с пространственной семантикой с позиции интегративного подхода, то значимым является рассмотрение термина «троп».

Использование тропов в речи берёт своё начало во времена Древней Греции. Тропы рассматривались как неотъемлемая часть раздела риторики, «словесное выражение» [Лотман 1992: 172], «словесное украшение», общей особенностью которых являлся «отказ от обычного значения слов и сопровождаемый некоторой приятностью перехода речи к иносказанию» (цит. по: [Фрейденберг 2014: 215]). Троп представлял собой «изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором получается обогащение значения» [там же]. В настоящее время данный вектор рассмотрения тропов в гуманитарной парадигме сохраняется, но не является определяющим при исследовании данного феномена в современных научных школах. Однако, исходя из целей нашего исследования, представляется значимым описать эволюционное развитие научных подходов к тропу.

По мнению Ю.М. Лотмана, термин «тропы» оказывается синонимичным термину «риторические фигуры» [Лотман 1992: 169]. Учёный отмечает, что разветвлённая система подобных «фигур» была разработана именно в классической (античной) риторике. Сам же термин «фигура» был введён Анаксименом из Лампасака в IV веке до н.э. В классической риторике в качестве общепринятого рассматривается определение тропов, которое, в частности, уже в наше время формулирует Б.В. Томашевский. Согласно этому определению тропы представляют собой «приёмы изменения основного значения слова» (цит. по: [Лотман 1992: 169]).

Классические определения тропов и фигур во времена существования Римской империи позволяют выделить несколько отличий. Троп – это «такое изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором получается обогащение значения», фигура может быть определена «как и всякая форма, в которой выражена мысль», «сознательное отклонение в мысли или в выражении от обыденной или простой формы» (цит. по: [Клюев 2001: 179]). Мы разделяем данную точку зрения о нетождественности тропов и фигур и в настоящей работе будем рассматривать тропы как отдельное самостоятельное понятие.

В 50-е годы XX века тропы становятся устойчивой частью стилистики и поэтики и рассматриваются только при анализе художественных произведений [Аннушкин 2011: 12; Бурак 2017: 64].

Противоположную точку зрения можно обнаружить в одной из работ М.Ю. Лотмана. По мнению автора, функцией тропов является не внешнее украшение речи, они представляют собой «своего рода апплике, накладываемое на мысль извне» [Лотман 1992: 125]. Тропы лежат в основе творческого мышления, а их сфера выходит далеко за пределы искусства. Они являются неотъемлемой частью практически любого вида дискурса [там же]. Мы разделяем данную позицию о пагубности ограничения поля функционирования тропов областью стилистики, анализом художественных произведений, ведь после преодоления кризисного периода в своём развитии тропы вышли далеко за её пределы. По данным «Лингвистического энциклопедического словаря» данное обстоятельство было связано с развитием идей и методов семиотики, лингвистики текста, структурной лингвистики, а также нейролингвистики, позволившей связать два тропа (метонимию и метафору) с основными типами афазии [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 216]. Р.О. Jakobson рассматривает данную проблему с позиции детализации языковых аспектов в рамках нарушения металингвистических операций [Jakobson 1990: 126].

По мнению учёного, речевое событие развивается по одному из двух возможных сценариев: одна тема переходит в другую либо по свойству подобия,

либо по свойству смежности. Р.О. Якобсон обозначает первый случай осью метафоры, а второй – осью метонимии [Якобсон 1990: 126]. При возникновении одного из двух типов афазии, с точки зрения учёного, происходит не только расстройство полюса смежности или подобия, но и одной из двух полярных осей (метафоры и метонимии) [там же], что, по нашему мнению, является одним из доказательств необходимости рассмотрения тропов не только в пределах стилистики, но и психолингвистики и филологии.

В тот же период времени происходят изменения в понимании сущности тропов. Оно становится более глубоким, выходит из изоляции, статичности, а также приобретает новые, «неоперационные» определения. Немецкие лингвисты П. Шофер, Д. Райс трактовали тропы как «семантическую транспозицию от наличного знака к знаку сопутствующему, которая 1) основана на восприятии связи между одной и более семантическими чертами каждого из означаемых, 2) маркирована семантической несовместимостью микроконтекста и макроконтекста, 3) мотивирована референтной связью подобия ... или означающего, который занимает троп» [Schofer, Rice 1977: 27]. Микроконтекст представляет собой минимальное окружение языковой единицы, в котором она, будучи частью общего смысла фрагмента, реализует своё основное значение, а также кодирование в виде ассоциаций и т.д. Макроконтекст, в свою очередь, – это языковое окружение анализируемой единицы, с помощью которого становится возможным установить её функции в целом [Егорова 2015: 26]. По нашему мнению, наиболее значимыми для нашего исследования являются тезисы о референтной связи подобия, которые согласуются с представленными выше данными концепции Р.О. Якобсона (развитие речевого события, при котором тема переходит в другую по свойству подобия – это ось метафоры) [Якобсон 1990: 126], а также о семантической несовместимости микроконтекста и макроконтекста, результат взаимодействия которых выражается в тропе.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» тропы рассматриваются как иерархически организованная система (благодаря подобному подходу становится возможным установление и анализ связи между частными тропами, а

также определение первотропа), указывается их лингвистическая маркировка (тропы представляют собой языковое явление, которое наиболее глубоко зависимо от языковых факторов, таким образом, превращаясь в один из новых разделов языкознания), а также расширение теории тропов – включение в неё «несловесных» искусств наряду с языком в качестве характерных особенностей новой теории тропов, продолжающей формирование в языкознании [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 216]. В рассматриваемом лексикографическом источнике также сформулирован постулат о «предрасположенности» языка к созданию тропов, а также об их «укоренённости» в структуре языка [там же]. Кроме того, акцентируется внимание на необходимости поиска корней тропеичности в асимметрии языкового знака. Дуализмом языкового знака, его асимметричностью занималась целая группа известных лингвистов (Ф. де Соссюр, Ш. Балли, В.Г. Гак, С.О. Карцевский и др.) [Косимова 2016: 23]. Отдельные тропы имеют связь не только друг с другом, но и с другими уровнями языка, в частности, с уровнем синтаксическим. На уровне семантики параллели основаны на сходстве и смежности, то есть они либо метафоричны, либо метонимичны. То же самое имеет место и в синтаксическом аспекте параллелизма, в котором пары также могут быть двух типов [Якобсон 1996: 126]. Таким образом, принципы метафоры и метонимии проецируются на синтаксис, что свидетельствует о связи указанных тропов с соответствующим уровнем языка, а также подтверждает мысль об их полярности. Рассмотренные данные значимы для нашего исследования, так как они подтверждают мысль об интегративности различных уровней языка для объективации того или иного вида отношений (например, пространственных), в том числе и в виде тропа.

Другой аспект в изучении тропов основан на синхронической связи отдельных тропов, который предполагает их связь и в диахронии, а также предоставляет возможность реконструкции исходного тропа (первотропа) [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 217].

У. Эко в качестве исходной риторической фигуры принимает метонимию. Лингвист также упоминает группу учёных, среди которых он приводит имена Ж.

Dubois, F. Edeline, J.M. Klinkenberg, Ph. Minguet, разработавших таксономическую классификацию тропов, в основе которой лежит анализ «сем» и семантико-лексических компонентов. В качестве исходной фигуры, в отличие от У. Эко, они выделяют синекдоху. Метафора и метонимия, с их точки зрения, являются лишь производными от последней, результатом различного рода усложнений её типов (цит. по: [Лотман 1992: 170]).

Наиболее продуктивной теорией метафоризации, как нам представляется, на современном этапе является теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. По мнению авторов, появление у человека способности к концептуальной интеграции явилось важным скачком в развитии человеческого мозга и стало решающим условием для появления языка. Под концептуальной интеграцией учёные понимают «базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определённой схеме на различных уровнях абстракции и имеет чёткую структуру, которая включает в себя исходные пространства (input spaces), общие пространства (generic spaces) и смешанное пространство (blended spaces) или бленд (blend)» [Fauconnier, Turner 2006: 371]. В каждом бленде существуют, по меньшей мере, два исходных ментальных пространства. Данное умозаключение тесно перекликается с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые трактуют метафору как когнитивное структурированное отображение (в математическом смысле) из сферы-источника (source domain) в сферу-цели (target domain) [Лакофф 2004: 42]. Соответственно, два исходных ментальных пространства у Ж. Фоконье и М. Тернера соотносятся со сферой-источником и сферой-цели в теории Дж. Лакоффа, М. Джонсона. В отличие от теории концептуальной метафоры, существенный вклад Ж. Фоконье и М. Тернера заключается в том, что они вводят общее пространство, которое является координатором между содержанием исходных пространств. Кроме того, исследователи конструируют новое ментальное пространство – бленд. Бленды не выводятся напрямую из всех составляющих исходных пространств: они не тождественны ни одному из исходных пространств и не сводимы к сумме их элементов. Бленд заимствует из исходного пространства только часть структуры и

образуется для понимания конкретной ситуации или контекста. Например, метафора с пространственным значением «*the Earth's Roof*», по нашему мнению, возникла за счёт отображения элементов одного исходного пространства в другом. Кроме прямого переноса некоторых элементов сферы-источника в сферу-цель, о которых говорится в теории Дж. Лакоффа, М. Джонсона, теория блендинга подразумевает наличие еще одного общего пространства, избирающего отдельные свойства из базовых пространств. Первоначально существует Земля (*Earth*) как планета, пространство, населённое людьми. В то же время существует крыша (*roof*) как «верхняя, покрывающая часть строения» [Ожегов 2015: 311]. В результате переноса одного явления на другое получился бленд, объединяющий элементы двух сфер (крайняя граница Земли).

Однако элементы данного бленда не сводятся только к элементам исходных пространств. Чтобы яснее понять этот феномен, приведем схему, которая показывает, как происходит метафорическая проекция. Данная схема иллюстрирует важную особенность теории блендинга (или теории концептуальной интеграции) – появление интегрального пространства, которое является «сплавом» свойств двух исходных пространств. Происходит проекция прототипов из исходных ментальных пространств 1 и 2 (*input spaces*) в общее ментальное пространство (*generic spaces*). Для ментального пространства 1 это следующие элементы:

- субъект – крыша;
- объект – помещение;
- инструмент – черепица, шифер и т.д.

В ментальном пространстве 2 специфичными являются следующие элементы:

- субъект – крыша;
- объект – Земля;
- инструмент – атмосфера.

Затем общее пространство дополняется общими знаниями, логическими умозаключениями и образует качественно-новую концептуальную структуру,

которая не зависит от исходных ментальных пространств, не сводится к сумме каждого из них, но имеет потенциал к собственному развитию. Таким образом, возникает бленд, который, независимо функционируя как единое целое, сохраняет связи с исходными ментальными пространствами – крайняя граница Земли.

Так как содержание и объём термина «троп» определяется посредством термина «метафора» в широком смысле, который включает в себя метонимию, гиперболу, синекдоху, сравнение и другие средства выразительности, то именно метафоре отводится роль первотропа, в том смысле, что именно она является основным источником метафоризации [Крюкова 2000], [Белецкая 2007: 5]. Мы частично разделяем позицию исследователей по данному вопросу. С нашей точки зрения, указанные критерии позволяют рассматривать метафору не в качестве первотропа, а в качестве начальной точки тропеического пространства, относительно которой выстраиваются другие виды тропов. Нам представляется, что категория пространства – это сложное комплексное явление, которое, подобно тропу, также может быть рассмотрено с различных перспектив (пространство – вместилище, пространство как геометрическое явление, пространство множества и т.д.), при этом языковая объективация пространства указывает на необходимость учёта позиции наблюдателя, которая, как и метафора, является определённой константой в рассматриваемом вопросе. Данный постулат значим для реализации цели нашего исследования. По мнению Н.Ф. Крюковой, «основы метафоризации заложены во всеобщих когнитивно-логических связях, присущих ментальным структурам человека как биологического вида; в личном жизненном опыте как индивидуальном внутреннем мире человека, представляющем собой открытую систему, постоянно изменяющуюся на протяжении всей жизни индивида в определённом социуме» [Крюкова 2022: 185]. Кроме того, лингвист рассматривает метафоризацию как основной элемент индивидуального стиля автора [Крюкова 2016: 107]. С точки зрения Н.Ю. Бородулиной, стиль и способ мышления об объекте определяется метафорой [Бородулина, Макеева 2018: 76].

Ж. Фоконье, М. Тернер в теории концептуальной интеграции указывают на то, что функционирование концептуальных сетей сознания индивида может быть

объяснено, в том числе сложной системой метафорических изображений, вносящих вклад в конструирование значения (цит. по: [Ковальчук 2016: 251]). Таким образом, исследователи подчёркивают знаменательную функцию метафоры.

По мнению Ф. де Соссюра, любая лексическая единица обладает возможность вызова в памяти всего того, что с ней ассоциируется (цит. по: [Бородулина 2009: 9]). В несвойственном контексте индивид воспринимает многие лексемы и целые словосочетания не в первоначальных значениях, а в новых [там же], образуемых на пересечении четырёх ментальных пространств. Результатом становится метафора. Последняя может вступать во взаимодействие с другими видами тропов, например, метонимией. При наложении *input-space 1* (метафоры) на *input-space 2* (метонимии) образуется интегрирующее пространство – «природа логических операций сравнения и смежности, иерархия парадигматических и синтагматических отношений в семантике языковых знаков» [Хахалова, Третьякова 2021: 124]. Лингвисты приводят следующий пример для иллюстрации данного тезиса: «Die Häuser des Deutschen Jugendherbergswerkes bieten (1) nicht nur ein Bett, sondern auch Programme zu Kultur, Sport oder Natur / Дома немецкого объединения молодежных туристских баз предлагают (1) не только ночлег, но и культурные, спортивные программы или программы на природе» [там же: 124]. Отметим также другие виды тропов, например, гиперболу («не виделись сто лет», «напугать до смерти», «пир на весь мир» и т.д.), олицетворение («Белеет парус одинокий»; «поёт зима, аукает» и т.д.). По мнению М.Р. Желтухиной, в свойствах, функциях и механизме формирования тропов заложены основания для оказания воздействия на реципиента, в том числе суггестивного эффекта [Желтухина 2004: 5]. Сущность суггестивности как одного из видов воздействия состоит в вербальном и невербальном эффекте, оказываемом на адресата. В его основе – внушение [там же: 8], что особенно значимо для нашего исследования.

О.С. Зубкова предлагает иной взгляд на сущность тропов. По мнению исследователя, «тропы – это специфические знаки семиотического континуума.

Они представляют собой средство определённого опосредования поведения человека, совмещая в себе акциональный, суггестивный, прогностический элементы, обеспечивающие экстерьерную идентификацию исследуемого феномена внутри континуума, семиотизируя тем самым конкретную социальную ситуацию» [Зубкова 2018: 106]. Исследователь также отмечает, что «понятийная редукция в семантическом пространстве <...> осуществляется на основе когнитивного потенциала метафоризации...» [там же]. Приведённые концепции подтверждают наше предположение о комплексном характере тропов, а также указывают на их когнитивную природу, что станет объектом нашего дальнейшего научного поиска. Отметим, что метафоричность того или иного текста детерминирует либо отличающиеся, либо сходные тенденции у субъектов понимания при метафорическом действовании, которое является сложным процессом усмотрения и построения смыслов [Крюкова 2022: 185].

Таким образом, троп представляет собой комплексное явление. Высокий метафорический потенциал номинативной и глагольной пространственной лексики создаёт предпосылки для тропеизации объективируемых в языке пространственных отношений, происходящих в процессе метафоризации. По нашему мнению, наиболее репрезентативно данный постулат иллюстрируется на примере теории блендинга. На когнитивном уровне исходные пространства «создают» бленд, что формирует корреляцию образа с пространством в будущем тропе.

2.2. Проблема классификации тропов в рамках пространственного метафорического комплекса

Как было указано выше, несмотря на многовековую историю тропов, в настоящее время исследователи не представили научному сообществу однозначную последовательную, логически выстроенную, непротиворечивую классификацию. Ж. Женетт указывает на наличие общей тенденции в теории развития тропов: сокращение количества, упорядочивание терминологии. Кроме

того, тропы всё больше начинают рассматриваться с точки зрения связи с многозначностью слова, а также художественного образа [Женетт 1998: 22]. Исследование образной основы тропа является предпосылкой к развитию когнитивного направления в изучении рассматриваемого явления.

В античных риториках авторы отдавали предпочтение описанию тропов [Лопаткина 2004: 23]. В учебных пособиях XIX века выделяли аллегорию, метафору, иронию, олицетворение, метонимию, антономасию, синекдоху [Ливанов 1899: 47-51]. Тропы также представлены в современных лексикографических источниках. Так, в «Словаре литературоведческих терминов» авторы называют десять видов тропов [Словарь литературоведческих терминов 1974], в «Экспериментальном системном толковом словаре стилистических терминов» – четырнадцать [Экспериментальн. системн. толков. словарь стилистическ. терминов 1996]. Анализ приведённых источников иллюстрирует отсутствие единого взгляда на вопрос классификации тропов.

И.Ю. Кочешкова отмечает, что свести все многообразие существующих фигур переосмысления к определённым критериям представляется сложным. Лингвист высказывает мысль о том, что одновременное наличие нескольких видов иносказания в одном предложении, контаминация тропов и гипертропов, довольно часто встречающаяся в художественной речи, свидетельствуют о наличии значительного количества различных оснований, которые необходимо учитывать при классификации тропов [Кочешкова 2004: 31]. Разработкой различных классификаций тропов, а также критериев их выделения занимался целый ряд учёных, среди которых В.П. Москвин, Т.Г. Хазагеров, С.М. Мезенин, С.К. Константинова и др.

В.П. Москвин отмечает, что проблема упорядоченности тропов (фигур) чаще всего решается двумя способами: минимизацией списка фигур, а также их систематизацией по какому-либо формальному признаку: фигуры добавления (разновидности повтора) – фигуры «убавления» (эллипсис, зевгма), «асемантические» (повтор) – «семантические» фигуры (гипербола, метафора, мейозис, метонимия и др.), «семантические» (градация, зевгма, сравнение,

оксюморон и т.д.) – «синтаксические» (анафора, эпифора, параллелизм и др.). Автор также говорит о том, что иные противопоставления подобного рода распространены намного меньше [Москвин 2007: 3-5]. Учёный выделяет следующие критерии для классификации: 1) номинативный, 2) функциональный, 3) семантический [там же]. В соответствии с этим к числу тропов лингвист не относит литоту, гиперболу, мейозис, отмечая, что они не соответствуют функциональному критерию; принимая во внимание семантическую двуплановость, он также не относит к числу тропов перифразы и эпитеты, при условии, что названные тропы также не соответствуют указанному критерию [Москвин 2007: 75-85]. С нашей точки зрения, предложенная В.П. Москвиным концепция является одной из наиболее полных, поскольку учёный не только предлагает критерии классификации тропов, но и рассматривает решения проблемы классификации, а также их возможную реализацию.

По нашему мнению, это значимый аспект в контексте рассмотрения когерентной валентности тропа в рамках реализации пространственных отношений.

С.М. Мезенин выделяет четыре критерия классификации тропов: грамматический, оценочно-стилистический, структурно-лингвистический, лексико-семантический [Мезенин 1984: 15], акцентируя внимание на сравнении как на структуре, состоящей из трёх элементов: агент, референт и основание (цит. по: [Гергель 2014: 25]). План выражения и план содержания сложны. Применительно к настоящей работе образный компонент агента эксплицируется в референте в пространственном коде культуры.

Группа авторов считает возможным классифицировать тропы по одному-двум (например, Г.Г. Хазагеров, Ю.М. Скребнев), трём (В.И. Корольков), четырём формальным признакам (Цв. Тодоров). Среди таких признаков следует отметить количественный состав, способ образования, принадлежность к определённому языковому уровню, наличие/отсутствие плана содержания и др. В.П. Москвин отмечает, что подобные классификации не обладают достаточной объяснительной силой, а также не охватывают всего количества фигур (тропов) [Москвин 2007: 3].

Мы разделяем позицию исследователя и считаем, что они являются односторонними, не учитывающими всех имеющихся у тропа характеристик в их совокупности, что особенно значимо при вербализации пространства. Б.В. Томашевский говорит о том, что «схоластическая номенклатура фигур, разъяснённая таким образом, не является сколько-нибудь ценным орудием для анализа» [Томашевский 2003: 78-79]. Возникает необходимость в комплексном рассмотрении принципов классификации.

Ю.В. Рождественский считает, что детализация классификаций тропов может осуществляться по разным признакам, однако данное обстоятельство не влияет на их количество. По мнению автора, существует 6 основных видов тропов: метонимия, метафора, аллегория, синекдоха, перифразис, антономасия [Рождественский 1997: 21]. По нашему мнению, отсутствие критериев для классификации может быть доработано, так как данный тропеический ряд может включать в себя иные элементы, отличные от представленных учёным (например, метонимия, гипербола, эпитет и т.д.) при дальнейшем исследовании и экспликации данной концепции в последующих исследованиях.

Е.В. Пекарская в рамках высказанной выше мысли о системности делит выразительные средства языка на синтагматические, образующие «фигуры слова», и парадигматические, образующие «фигуры мысли» [Пекарская 2001: 182]. В качестве общего принципа среди парадигматических лингвист выделяет сравнение, а среди частных – контраст, аналогию, семантическую коннотацию, алогизм [там же]. С точки зрения автора, общий принцип сравнения является основой построения тропов с реализацией в кругу частного принципа аналогии, способами проявления которой являются: связь (метонимия, синекдоха и др.), сходство (сравнение, метафора, гипербола и др.), тождество (перифраз и др.) [Пекарская 2001: 186-187].

Концепция Е.В. Пекарской находит продолжение в работе М.Н. Крыловой. Исследователь не даёт собственного определения тропам, рассматривая варианты, представленные в лексикографических источниках [Крылова 2016]. В качестве критерия для классификации лингвист рассматривает типы отношений между

означающим и означаемым: смежность, сходство, контраст [Крылова 2016: 41]. По мнению автора, противопоставление метафоры и метонимии представляет собой стержневую часть всей тропеической системы. Иные тропы занимают промежуточное пространство [там же]. Данная точка зрения продуктивна для реализации задач нашего исследования, однако, как нам представляется, противопоставление двух тропов весьма условно и может констатироваться только на уровне научного конструкта. По нашему мнению, тропы представляют собой результат действия механизма метафоризации. О.С. Зубкова указывает, что метафоризация – это «динамично развивающийся конструктивный когнитивный процесс, являющийся частью языкового/речевого механизма человека» [Зубкова 2011а: 306]. Метонимия является «когнитивным механизмом репрезентации знаний и в результате их отражения в системных значениях языковых единиц, и в ходе построения высказывания» [Болдырев 2002: 11]. Оба рассматриваемых явления имеют когнитивную основу. Кроме того, метонимия находит отражение в высказывании, формирующемся в процессе работы языкового/речевого механизма индивида. На основе сказанного можно сделать вывод о том, что метонимия – это один из возможных результатов работы механизма метафоризации. Наибольшая степень изученности метонимии и метафоры может являться формальным основанием для их выделения в качестве стержневой части тропеической системы. С нашей точки зрения, данное основание не является достаточным для отнесения иных тропов к «промежуточному пространству».

С.В. Лопаткина под тропами понимает речевые обороты, основанные на переносных значениях [Лопаткина 2004: 7]. Исследователь выделяет ряд критериев, на основе которых выявляются, а затем описываются медио-, микро- и макросистемы тропов. Среди них: освоенность тропа языком и частотность его употребления в речи, образность, структурный критерий, семантический критерий, стилистический критерий, степень устойчивости связей между компонентами тропов, морфологический критерий, поуровневый критерий, стилистический критерий, критерий взаимодействия тропов друг с другом, функциональный критерий [там же: 8-9]. Мы считаем данные критерии

достаточно объёмными. По нашему мнению, представленные основания для классификации могут быть ограничены тремя критериальными показателями, представленными В.П. Москвиным (1) номинативным, 2) функциональным, 3) семантическим), так как обе классификации обладают концептуальным сходством.

Н.А. Сырма отмечает, что, рассматривая тропы, необходимо разделять три основных понятия: тропы, фигуры речи, схемы [Сырма 2007: 8-9]. Тропы – это способы формирования ткани текста, находящие выражение на уровне словосочетания или слова. Фигуры речи – это способы формирования ткани текста, находящие выражение в некотором смысловом отрезке, тождественном предложению, а также большему, чем предложение. Классификация основана на мысли о том, что некоторые приёмы являются только тропами, некоторые – только фигурами, но ряд приёмов, в зависимости от авторского замысла и особенностей стилистического и грамматического оформления текста, может относиться к каждой из групп. Данная группа приёмов, по мнению автора, относится к категории схем [там же: 8-9]. В своей работе Н.А. Сырма приводит частичную классификацию, основанную на рассмотренном критерии. Тропы: метонимия, метафора, антономазия, оксюморон. Фигуры: полисиндетон, асиндетон, эллипсис, анаколонт, анаколупф, анадиплоусис. Схемы: гипербола, аллюзия, ирония, каламбур, олицетворение, сравнение [Сырма 2007: 9]. По нашему мнению, рассмотренная классификация нуждается в дополнении, она включает в себя дополнительные элементы (схемы и фигуры), которые не являются предметом настоящего исследования.

Таким образом, анализ представленных концепций подтверждает вывод об отсутствии единого мнения по вопросу классификации тропеических средств языка. Основными средствами выразительности, которые в большинстве концепций, основанных на отличных друг от друга критериях, относятся к числу тропов, являются метафора, метонимия, синекдоха. С нашей точки зрения, исходя из задач данного исследования, наиболее репрезентативной является позиция

В.П. Москвина, предложившего возможные способы решения проблемы классификации тропов. Рассмотрим теорию лингвиста более подробно.

В.П. Москвин выделяет 4 критерия принадлежности феноменов речи к тропам. Первый из них – семиотический. Он предполагает рассмотрение тропа в качестве сформированной в результате переосмысления (переноса) номинативной единицы [Москвин 2013: 22]. Под переосмыслением понимается употребление метонимического, метафорического и других переносов, представляющих собой «фигуры переосмысления» [там же]. В данном случае приемлемым является утверждение о том, что троп – это результат приема [Тошович 1998: 223]. Отметим, что основной характеристикой в рамках указанного критерия является номинативность тропа, его рассмотрение в качестве номинативной единицы.

Второй критерий – функциональность. В.П. Москвин отмечает, что одна из функций тропов, являвшейся его отличительной чертой с самого начала своего развития, – это функция украшения речи [Москвин 2013: 22]. Функция украшения указывает на то, что употребляемые тропы относятся к сфере художественной речи, а их употребление «по необходимости» делает их доступными для других сфер языка, в том числе разговорной речи [Lausberg 1998: 248]. Рассуждения В.П. Москвина о возможных «неприятных» результатах такого подхода (выделение разницы между тропикой и металогией, а также отнесение к числу тропов несовместимых с точки зрения функциональности речевых типов: аллегорических выражений, иронических выражений, метонимических свёртков, мёртвых метафор, образно-декоративных выражений) указывают на то, что лингвист не является сторонником указанного подхода [Москвин 2013: 23]. Из сказанного можно сделать вывод о том, что употребление тропов с точки зрения функционального критерия в концепции В.П. Москвина ограничивается сферой художественной речи.

По мнению Е.С. Чигиревой, к качествам, характеризующим художественную речь, относятся выразительность и образность [Чигирева 2016: 373]. Нехудожественная речь предполагает точность и лаконичность. Её основная функция – сообщение. Нехудожественная речь не имеет предрасположенности к

образности [Чигирева 2016: 373]. Таким образом, тропы не только ограничиваются сферой художественной речи, но и возможны только в ней, поскольку лаконичная и точная нехудожественная речь не предоставляет условий для «украшения» речи. Мы рассматриваем данный аспект несколько иначе. По нашему мнению, «украшение», представленное тропами, выходит за пределы художественной речи. Например, в сюжете программы «Время» с целью создания красочных образов явлений природы, с которыми пришлось столкнуться путешественнику Федору Конюхову, корреспондент сравнивал высоту волны с десятиэтажным домом, а также применял чрезмерное преувеличение, утверждая, что в море ему часто приходилось встречаться с айсбергами по 200 км (цит. по: [Бородянская 2019: 233]). Приведённый фрагмент является примером создания образности в публицистической речи. Данное обстоятельство указывает на то, что «украшение» возможно не только в «высоком» стиле поэтов и писателей, но и других стилях речи. С целью преодоления противоречий, на которые указывал В.П. Москвин, и избегания трудностей с разграничением тропеической терминологии мы предлагаем рассматривать функциональный критерий нетождественно его виду, представленному В.П. Москвиным. Данное утверждение предполагает, что, если возможный троп удовлетворяет другим критериям, а с точки зрения функциональности он также обладает выразительностью, хотя и не относится к художественной речи, то мы будем считать его тропом, добавляя к нему определение, характеризующее сферу его употребления (например, художественная метафора, публицистическое сравнение и т.д.).

Заключительным критерием, который предполагает тропеичность, с точки зрения В.П. Москвина, является семантический критерий. Автор приводит различные цитаты для объяснения сущности указанного критерия, которые сводятся к наличию двуплановости, т.е. прямого и переносного значения [Москвин 2013: 24]. Рассматривая теории тропов, исследователь приходит к выводу о необходимости выделения тропообразующих переносов (семантический критерий). Их В.П. Москвин считает целесообразным подразделить на

следующие категории: дескриптивные, т.е. апеллирующие к фантазии и воображению (метонимия, в частности синекдоха; метафора), т.е., для которых дескриптивная характеристика факультативна (грамматические, «в частности, количественные переносы *ab uno plura*»); таксономические (с вида на вид, с рода на вид, с вида на род и т.д.), переносы по близкозвучию (метанализ, фонетическая аллюзия) [Москвин 2013: 24]. Вторым семантическим подкритерием выступает непосредственно семантическая двуплановость. Отметим также позицию С.В. Лопаткиной, согласно которой тропы предполагают преобразование значения [Лопаткина 2004: 7]. Представленные постулаты являются продуктивными для нашего исследования, поскольку они учитывают когнитивный потенциал тропа, неограничение его функцией украшения речи, наличие тропеической лексики в различных стилях речи, а также возможный учёт семантических характеристик пространственных лексем.

Исходя из сказанного, а также уточняя различные трактовки тропов, В.П. Москвин предлагает следующую дефиницию термина троп: «семантически двуплановое дескриптивное наименование, используемое в декоративных целях» [Москвин 2013: 24]. Данное определение соотносится с представленными автором критериями. Для нашего исследования значимо, что категория пространства сложна в вербализации, и сложность образного компонента может быть репрезентирована тропом.

Поскольку для нас существенен психолингвистический подход к рассмотрению тропов, то представляется необходимым рассмотреть процессы порождения и восприятия тропа. В основе данного процесса лежит образ, метафоризация, индивидуальность восприятия. Отметим, что лингвистические элементы отличаются друг от друга с точки зрения их восприятия, при этом исследования в области освоения языка и психолингвистики, основанные на относительной сложности или простоте восприятия языковых единиц, выявляют субъектно-маркированные структуры.

Схему механизма создания высказывания можно представить в следующем виде: «мотив – мысль и её опосредование во внутренней речи – внешняя речь»

[Олешков 2006: 52]. Переход из внутренней речи во внешнюю состоит в развертывании подготовительной схемы, в трансформации её во внешнюю распространённую структуру предложения [Лурия 1947, 2002, 2017]. Процесс организации внутренней речи можно описать схематично: установка на наречение, «наречение», указание места, внутренне еговорение – завершающая фаза [Ананьев 1960: 367]. Л.С. Выготский выделяет два плана движения мысли к слову: физический (внешний), семантический (внутренний). Во внешней речи происходит взаимодействие психологической (семантической) и грамматической структуры. Данное обстоятельство дает возможность выделения в каждом предложении психологических и формально-грамматических подлежащего и сказуемого [Выготский 1956, 2021]. С точки зрения исследователя, внутренняя речь представляет собой самостоятельный элемент речевого мышления, в котором сосредоточены все динамические отношения слова и мысли. В отличие от внешней речи, внутренняя речь характеризуется максимальной степенью сокращённости [там же]. Переход от внутренней речи к внешней – это не простое озвучивание внутренней речи, а её переструктурирование, т.е. трансформирование абсолютно самобытного синтаксиса, звукового и смыслового строя внутренней речи в иные, характерные для внешней речи, структурные формы [Выготский 1956: 376]. Таким образом, оформление внешней речи происходит на этапе её перехода из внутренней речи. В структуру лексического значения слова входит образный компонент, так как образ – результат процесса восприятия. Благодаря образу значение слова приобретает нелимитируемость. Троп как результат когнитивного процесса метафоризации, основанного именно на образном компоненте, с нашей точки зрения, также объективируется на этапе перехода из внутренней речи. Отметим, что до начала материализации тропа продуценту необходимо произвести его «выбор». Конечное высказывание, воспринимаемое реципиентом, должно наиболее точно выражать авторский замысел.

В ходе рецепции факта речи сознание (концептуальная система) реципиента/адресата, структурные качества мировосприятия которого не

тождественны концепту сознания адресанта/производителя речи, выходит из состояния равновесия. Указанное обстоятельство обуславливается несоответствием вкладываемого в известные единицы речи реципиентом содержания тому смыслу, который «вложен» в данное сочетание лексем в сознание адресата [Олешков 2006: 55]. Отметим, что нетождественность может быть обусловлена целым рядом факторов, среди которых уточнение высказывания, эмоциональное состояние реципиента и производителя и т.д. [там же]. С нашей точки зрения, к этим факторам можно отнести и тропичность высказывания. При употреблении стёртой метафоры, языкового стереотипа смещение равновесия произойдёт с малой долей вероятности, однако употребление производителем индивидуально-авторских тропов внесёт изменения в концептуальную систему реципиента. Значимую роль при этом будет играть культурный фон высказывания. С точки зрения В.Н. Телия, он представляет собой «не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе» [Телия 1994: 14]. При порождении тропа производитель выбирает лексем, обладающие культурной маркированностью. Культурный фон, по нашему мнению, является одной из составляющих кода культуры: набрасываемая на окружающую действительность сеть обуславливает появление ассоциаций, о которых говорит В.Н. Телия. Применительно к тропам, включающим в себя пространственный компонент, а также к тем, которые представляют собой переосмысление окружающего мира в терминах пространства, активируется культурный код пространства во всём многообразии его проявлений.

При смене ролей адресата и адресанта речи имеет место ответное речепорождение, которое объективирует предыдущий речевой факт в новом смысловом качестве. Последнее помещает в неустойчивую позицию концептуальную систему первого производителя, который в данном случае становится реципиентом. Повторяется описанная выше ситуация. Результатом коммуникативного взаимодействия становятся тексты, обладающие общей «формой», но пребывающие в двух и более концептуальных действительностях

[Олешков 2006: 55]. Текст как результат речепорождения, представляющий собой самостоятельную комплексную систему [Герман 2000: 69], обладает подвижностью [Москальчук 2018]. «Движение» состоит в изменениях, вносимых концептуальными системами адресата в первоначальные содержательные характеристики текста. Продолжение описанного выше диалога будет вносить изменения в содержание, которое и представляет собой «движение».

Концептуальные системы участников коммуникации характеризуются общностью структуры, однако по-разному «распределяют» данные в «индивидуальном» составе. В ходе порождения речи концептуальная система индивида «относит» строго определённое содержание к тому или иному речевому этапу. При восприятии это содержание транслируется реципиенту поэтапно, вариативно, оказывая случайное влияние на его концептуальную систему, занимая определённую нишу в его сознании [Олешков 2006: 56]. Подобно порождению, восприятие речи характеризуется динамичностью. Данный процесс включает в себя следующие составляющие: аудиовизуальные рецепторы воспринимают элементы тропа; видоизменённые на основе внутреннего кода, последние передаются в кратковременную память адресата. В то же время из долговременной памяти туда же поступает информация об уже имеющемся языковом опыте индивида.

Сопоставление двух каналов данных создаёт возможность для опознания адресатом слов, т.е. идентификации последовательности текстовых элементов как слов, а затем отнесения к ним определённой дефиниции (т.е. осмысления). В то же время адресат, вызывая из долговременной памяти в кратковременную грамматические данные, формирует внутри предложения связи и на этой основе осмысливает его содержание [Олешков 2006: 57]. При рассмотрении процесса восприятия в качестве обратного процессу речепорождения задача носителя языка со структурной точки зрения будет состоять в трансформации линейного содержания текста в модель, названной О.Л. Каменской С – моделью [Каменская 1990: 126]. Речемыслительная деятельность адресата характеризуется основными этапами процесса восприятия («мотивация», интенция, «понимание») [Олешков

2006: 57]. Пространственно-временная и информационно-содержательная составляющие тропа обеспечивают содержательный компонент воспринимаемых данных в экстралингвистическом «контексте», что позволяет адресату программировать «предъявление» содержащейся в тексте информации, предугадывая её [там же].

Восприятие речи включает в себя два процесса: поэлементное восприятие и семантическое восприятие [Жинкин 1982, 2009]. Первый представляет собой распознавание адресатом предъявляемых ему элементов текста, второй – выявление значений лексем, связей между ними в составе предложения и т.д. [Олешков 2006: 57-58].

Тропеическая пространственно-временная составляющая, материализованная при участии пространственного кода культуры, также выполняет рассмотренную выше функцию. Поскольку пространственный троп может состоять более чем из одной лексемы, а его индивидуально-авторский характер несёт в себе не только «отпечаток» пространственного кода культуры, но и авторский замысел, то вторая фаза восприятия может требовать больших временных затрат не только на работу мнемических процессов, но и выявление новых значений слов/словосочетаний, употреблённых индивидом. При этом также активизируется творческое мышление, воображение, компоненты интеллекта, коллективного знания и т.д.

Исходя из сказанного выше, мы считаем, что троп в составе пространственного комплекса, образованного в результате механизма метафоризации, – это употреблённый в переносном смысле, формирующийся в процессе метафоризации при участии (пространственного) кода культуры, элемент направленной коммуникации – взаимодействия продуцента/реципиента.

Развивая критерии В.П. Москвина для классификации тропов, который, как было указано ранее, рассматривает троп как «семантически двуплановое дескриптивное наименование» [Москвин 2013: 21], мы считаем возможным представить собственную точку зрения, предлагающую учитывать при понимании данного понятия психолингвистический параметр: троп представляет

собой семантически двуплановое дескриптивное наименование, используемое в декоративных целях, формирующееся на этапе перехода из внутренней во внешнюю речь посредством механизма метафоризации при участии пространственного кода культуры, обладающее экспрессивной составляющей, а также являющийся элементом направленной коммуникации. С нашей точки зрения, тропеичность речи не только обеспечивает непрерывность «движения», рассмотренного выше, но и является одним из источников обогащения концептуальной системы как реципиента, так и продуцента, занимающего впоследствии место продуцента в процессе коммуникации. В связи со сказанным мы считаем возможным расширить ряд критериев классификации тропов, предложенных В.П. Москвиным. С точки зрения продуцента, значимым представляется критерий целесообразности. Как было сказано ранее, на этапе оформления продуцентом выбирается троп, который в наибольшей степени реализует авторский замысел, выражает образ. При отсутствии образности, с нашей точки зрения, приём несёт исключительно информативную функцию, его употребление не соответствует заявленному критерию. Поскольку троп, по нашему мнению, является элементом направленной коммуникации, то представляется значимым добавить к представленным выше критериям параметр успешности коммуникации. Указанное условие обеспечивается непрерывным «движением», постоянным изменением равновесия в концептуальной системе реципиента, который затем становится продуцентом, а также первоначального реципиента при продолжении коммуникации. На конечном этапе процесса восприятия, который также был рассмотрен выше, должно произойти понимание тропа. Иными словами, выбранный продуцентом с точки зрения целесообразности троп, внося изменения в концептуальную систему реципиента, должен быть им дешифрован. В противоположном случае употреблённая в переносном значении одна или несколько лексических единиц не могут быть отнесены к числу тропов.

Резюмируя вышеизложенное, выделим критерии классификации тропов, которые мы будем использовать в настоящей работе.

1. Функциональный критерий (с указанием сферы употребления тропа при наличии функции «украшения» речи).
2. Семиотический критерий (амбивалентность значения, основанная на референтной области пространственного концепта, объективируемого тропом).
3. Критерий рациональности/прагматики употребления (для продуцента).
4. Критерий успешности коммуникации (для реципиента).

Таким образом, мы можем констатировать, что существующие классификации тропов отличаются разнообразностью и неоднородностью, отсутствием единых оснований для классификации. Кроме того, ни в одной из рассмотренных типологий не был учтён психолингвистический фактор формирования тропа, соответственно обусловлена необходимость их дополнения. Считаем важным акцентировать внимание на рациональности, целесообразности в речи как одном из источников обогащения концептуальной системы индивида. Кроме того, наличие образного компонента в значении, формирование и объективация тропа как результата процесса метафоризации свидетельствуют о соответствии тропа рассматриваемому критерию. Успешное декодирование образной составляющей значения, понимание тропа реципиентом также свидетельствует о его соответствии критерию успешности коммуникации.

Как было указано ранее, тропы оказывают на реципиента суггестивное воздействие. М.Р. Желтухина отмечает, что к маркерам указанного воздействия относятся экспрессивность, эмоциональность/эмотивность, функционально-стилистичность, оценочность, стереотипность, комичность, фоносемантическая, образность, культурная специфичность [Желтухина 2004: 8]. Последние из указанных маркеров обладают наибольшей значимостью для нашего исследования, поскольку, как нам представляется, пространственный метафорический комплекс, центром которого выступает троп, является результатом репрезентации пространственного кода культуры в языке, а образ – это основа для формирования тропа.

2.3. Образ как основа формирования и вербальной репрезентации пространственной картины мира в тропах

Ранее было указано, что образ является одной из составляющих тропа. В толковании терминов «образ», а также «образность» каждой отдельной наукой наблюдается взаимосвязь в содержательном наполнении указанных терминов, обусловленная единой природой образа в качестве способа постижения действительности. Различие состоит в источнике образа, а также его материальном носителе. Ими может быть весь материальный мир (философия), отдельное произведение искусства (искусствоведение), слово (лексикология), язык художественного произведения (лингвостилистика и литературоведение) [Юрина 2005: 27].

В самом широком философском смысле образ – это «форма отражения объекта в сознании человека. На чувственной ступени познания образами являются ощущения, восприятия и представления, на уровне мышления – понятия, суждения, концепции, теории. Образ объективен по своему источнику – отражаемому объекту и идеален по способу своего существования. Формой воплощения образа являются практические действия, язык, различные знаковые модели» [Философский энциклопедический словарь 2009: 398].

С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова при толковании термина «образ» обозначают сферы его употребления. Определение с точки зрения философии схоже с представленным выше определением. В сфере искусства образ представляет собой «обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления» [Ожегов 2015: 435]. В художественном произведении образ тождественен терминам «тип» и «характер» [там же]. Следует отметить, что, несмотря на широкое разнообразие областей знания, объектом изучения которых является образ, авторы ограничивают сферу его употребления тремя основными областями: философией, искусством, художественной литературой.

Ряд лингвистов, несмотря на специфику термина «образ» в различных областях знания, отмечают неизменность его сущности. С их точки зрения, образ представляет собой отражение действительности или результат воссоздания объекта в мышлении человека [Арутюнова 1999: 318]; Новая философская энциклопедия 2010: 128; Попова 2007: 28].

А.А. Залевская указывает на перцептивные истоки образа. По мнению лингвиста, чувственный образ предмета детерминируется совмещением всех признаков и свойств, доступных чувствам. Закон регистрации впечатлений обуславливает слияние единичных впечатлений и событий в «средние итоги» – единичные чувственные образы или знаки, заменяющие многочисленные однородные предметы. Дальнейшее увеличение числа встреч с неоднородными объектами при отвлечении от первообразов чувственного характера приводит к формированию средних итогов всё большей общности. При этом удалённость от первоначальных корней настолько велика, что чувственное происхождение в них почти незаметно [Залевская 1987: 38].

Понятие образности, в свою очередь, также не имеет единой трактовки. В широком смысле слова она представляет собой яркость, художественность, наглядность, красочность изображения как главную черту любого вида искусства [Лиходкина 2019: 28]. Дальнейшая конкретизация рассматриваемого термина зависит от дисциплины, с точки зрения которой будет происходить его анализ. Так, в стилистике образность предстаёт в виде особой стилевой черты, наилучшее понимание которой происходит в художественном произведении [Виноградов 1963; Москвин 2007]. В литературоведении термин «образность» связан с понятиями «фигуры речи», «тропы», «выразительные и изобразительные средства языка» [Винокур 1991]. М.Н. Крылова раскрывает связь образности с тропами. Она отмечает, что понятие образности связано с полисемией. Многозначные слова наряду со своим прямым значением также обладают и переносными. Применение в процессе создания выразительного средства переносного значения и ведёт к появлению тропа [Крылова 2016]. Данная идея автора значима для реализации эмпирической части нашего исследования. Можем

проиллюстрировать представленный М.Н. Крыловой тезис следующим примером: «Вьюзова потрянула водопадом волос, отвечая встречной цитатой: — *На том стояла и стоять будет земля русская. Не мигая, он обожаяюще смотрел ей в глаза. ... Конкина воспринимали как дивную зверушку*» [НКРЯ].

Одним из средств создания образности выступает глагол стандартного положения в пространстве *стоять* (*стояла / стоять будет*). Значение, близкое к тому, которое подразумевалось автором в рассматриваемом случае, зафиксировано словарём С.И. Ожегова: «быть, находиться, иметь место где-н. или в какое-н. время; вообще существовать» [Ожегов 2015: 218]. Об этом свидетельствует и пример, приведённый в словарной статье: «Русским Богом русская земля стоит (стар. посл.)» [там же]. Тем не менее, в представленном фрагменте имеет место предлог «на», а также некоторая поверхность («на том»), поэтому, с нашей точки зрения, автором подразумевается не только факт существования земли русской. Прямое значение пространственного глагола «стоять» предполагает нахождение в вертикальном положении, а также наличие твёрдой опоры [Ожегов 2015: 218]. По нашему мнению, эти признаки являются основой метафорического переосмысления в рассматриваемом фрагменте: вертикальное положение предполагает, что русскую землю не просто заставить кому-то «поклониться»; твёрдая опора, – что русскую землю трудно сокрушить.

Подчеркнем, что в данном примере образ создаётся с помощью метафоризации глагола стандартного положения в пространстве (*стоять*), то есть с помощью тропа.

«*The hydrofoil left Narvik in the early evening bound for Svolvær, on what turned out to be one of the loveliest journeys I have ever taken. The day was idyllic, with clear blue skies and temperatures up in the shirt-sleeves ... The mountains **hang** everywhere, big vertical peaks just waiting to be climbed*» [British National Corpus].

В рассматриваемом фрагменте автор создаёт образ водного путешествия героев, используя для этого различные детали. Одной из них являются горы, положение которых относительно наблюдателей описывает глагол стандартного положения в пространстве *hang*. Герои произведения путешествовали на судне,

которое имеет подводные крылья (*hydrofoil*). Наблюдатели занимали положение выше поверхности земли, и им могло казаться, что горы висели над ними. В данном случае имеет место метафора. Переносное значение зафиксировано словарём: «зависнуть над чем-н.» [Ожегов 2015: 84].

«Все кругом потеряло реальность, и черная базальтовая скала с голубой полосой ледника словно отделилась от своего подножия, поднялась в воздух и осталась висеть над морем. Мы на ногах уже шестнадцать часов. Пора становиться на ночлег, но нас неудержимо тянет вперед» [НКРЯ].

Как и в предыдущем примере, образ создаётся с помощью описания деталей пейзажа, в том числе и скалы, которая осталась «висеть над морем». Глагол стандартного положения в пространстве метафоричен. Так же, как и глагол *hang*, он, имеет значение «зависнуть над чем-н.» [Ожегов 2015: 84].

В обоих примерах водная гладь предстаёт в виде поверхности, над которой что-то может «зависнуть». И в английском, и в русском языке она приобретает вид особенного пространства, внутри которого предметы, твёрдо стоящие на земле, могут от неё отрываться.

Рассмотрение образности также может происходить в контексте «внутренней образности слова» [Кожина и др. 2016]. В стилистике, как и в литературоведении, главную роль играет раскрытие природы образных средств языка [Алексеев 2012]. Целью изучения образности в литературоведении является анализ особенностей использования образных средств конкретным автором, а также выявление возможностей образности для воплощения замысла автора [Лиходкина 2019: 29].

Лингвистическая трактовка терминов «образ» и «образность» связана преимущественно с лексикологией и лингвостилистикой [Шенделева 2000: 75]. «Лексикология изучает языковую образность: лексическая единица рассматривается вне контекста в единстве своего значения и звучания» [Шенделева 2000: 74]. Словесный образ представляет собой «неадекватное отражение явлений и предметов, в котором сознательно отобраны и переданы те их признаки, через которые возможно передать понятие в конкретно-

изобразительной форме» [Азнаурова 1973: 123]. «Образность является лексико-семантической категорией, обобщающей свойство слова, характеризующегося семантической двуплановостью и ассоциативно-метафорическим характером внутренней формы слова» [Шенделева 2000: 76]. При этом внутренняя форма слова представляет собой «способ передачи содержания в образной форме» [Потебня 1976: 147]. Двуплановость слова находит своё отражение в том, что слово обладает двумя содержаниями – объективным и субъективным. Первое – ближайшее этимологическое значение слова. Оно является формой, в которой содержание мысли предстаёт в нашем сознании. Указанная форма и представляет собой внутреннюю форму слова [там же: 147]. При этом слово создаётся в процессе художественного творчества человека, в котором оно приобретает внешнюю форму – звучание и содержание, в основе которых лежит лексическое значение. Из сказанного следует, что внутренняя форма слова, которая и предстаёт в виде образа, находит своё отражение во внешней форме слова, выступающей её материальным облачением. В основе образа лежит ассоциативная метафора [Потебня 1976: 179].

Образность является одним из критериев разграничения безобразных переносных значений от метафоры и метонимии. Л.Г. Юсупова отмечает, что некоторые исследователи рассматривают метонимию в качестве основы формирования образности. Метонимический перенос акцентирует внимание реципиента, обеспечивает сжатость высказывания, активизирует сенсорное мышление, обеспечивая в целом некоторый уровень образности [Юсупова 2015: 153]. Приведём примеры, доказывающие правоту данного вывода.

«Важно, что она не одна и жизнь продолжается. Это ведь лучше, чем висеть на крючке или в двухтысячный раз варить в себе обиды, напоминающие вкусом едкое мыло» [НКРЯ].

В представленном фрагменте речь идёт о балерине, которую в тридцать шесть лет уволили из театра, а ранее бросил муж. Пытаясь создать как можно более яркий образ дамы, автор употребляет глагол стандартного положения в пространстве *висеть*, который входит в состав метонимии. *Висеть на крючке* в

данном случае означает *повеситься*. С нашей точки зрения, автор использует именно выражение *висеть на крючке*, а не слово *повеситься*, чтобы читатели лучше поняли душевное состояние героини, её положение и переживания.

«Если откусит, тебе на канатах висеть. – Не греться тебе у костров Вальхаллы, конунг Рюрик, – вдруг страшно прохрипела женщина. – Вечно бродить тебе в холоде и мраке» [НКРЯ].

Как и в предыдущем примере, речь идёт о казни через повешение, и вместо конструкции *тебя повесят* автор употребляет выражение с глаголом стандартного положения в пространстве *на канатах висеть*. Имеет место метонимия. Автор употребляет именно рассматриваемое выражение для создания более колоритного образа казнённого человека, чтобы не просто упомянуть факт лишения жизни, но и создать у читателя картинку происходящего, вызвать эмоции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что языковой образ может быть выражен с помощью метафоры или метонимии как наиболее релевантных тропов с пространственной семантикой. Вместе с тем заметим, что, с точки зрения А.А. Леонтьева, образ мира - это «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 2016: 297]. По мнению учёного, непрекращающееся движение сознания в актуально воспринимаемом образе мира является непосредственной встречей человека с миром. При этом в процессе восприятия мира через его образ фокус внимания непрерывно переносится с одного предмета на другой. Таким образом, в «ситуативном фрагменте» мира, с которым человек взаимодействует в данный момент, находится отдельный предмет, а затем фокус сознания и внимания переключаются на другой, и указанный процесс повторяется бесконечно. Указанное «переключение» сознания представляет собой переход предмета с одного уровня осознанности на другой: в сознании одновременно находятся предметы, существующие на уровне осознания, а также на уровне сознательного контроля [Леонтьев 2016: 297]. Из сказанного можно сделать вывод о

стереометрическом характере движения сознания в образе мира. При этом сознание обладает глубиной, а образ мира многомерностью [Олешков 2006: 57]. Восприятие конкретного предмета в данный момент времени означает, что фокус внимания и сознания сосредоточен именно на данном предмете, а иные предметы находятся на другом уровне сознания. Таким образом, восприятие носит целостный характер. Кроме того, следует отметить, что между образом мира и поступком человека стоит личность [Леонтьев 2005: 280]. Это особенно значимо для нашей работы, поскольку образ мира конструируется предметными значениями в семантическом пространстве тропа, а также является элементом вербальной креативности языковой личности. Язык «есть важнейший ориентир человека при его деятельности в мире. И если эту деятельность понимать как глубокий, осмысленный диалог человека с миром, как многоголосное, иногда унисонное, иногда полемическое общение различных компонентов той колоссальной системы, которую мы называем миром, то язык есть прежде всего язык личности» [там же: 282]. С нашей точки зрения, он является многоаспектным индивидуальным явлением, в котором находит отражение образ мира. При этом выражение последнего не может быть ограничено возможностями метафоры и метонимии. Мы придерживаемся мнения о том, что в индивидуальном лексиконе отражение образа мира происходит посредством самых разнообразных средств его выразительности (гиперболы, олицетворения, литоты, иронии и т.д.).

Рассмотрение образа как когнитивного явления позволяет считать его универсальным способом познания мира, который является первой ступенью этого процесса, а также вербализацией результатов мышления [Халитова 2010: 131]. Именно благодаря образу становится возможным формирование как наивной, так и научной картины мира. В сознании человека они предстают в виде абстрактных понятий, которые вербализуются в языке [Ломоносова 2019: 95]. Основная задача образа состоит в сохранении событий окружающей действительности в памяти в виде «картинки в голове» [Гайдук 2013: 70]. Такое представление об образе восходит к идеям структурализма, в которых образ

представал в сознании в виде памяти о психической репрезентации сенсорного опыта. Тем не менее, в когнитивной психологии образ не является точной копией реальности, а объединение отдельных её элементов, интеграция которых в реальном мире не всегда бывает возможной [Гайдук 2013: 70].

В рамках когнитивной науки о языке понятие образа раскрывается посредством терминов «распознавание образов» и «мысленные образы». Ключевая особенность последнего состоит в способности индивида к формированию «когнитивной карты». В когнитивной лингвистике образы рассматриваются в качестве мысленных репрезентаций реальности, функционально тождественным явлениям внешнего мира. Основной задачей образа в данном случае становится связь между реальным миром и пространством внутренней реальности, реализация которой происходит с помощью кодирования информации для её дальнейшего хранения в памяти. Когнитивный образ, в свою очередь, приобретает вид субъективного отражения объекта с набором характеристик, избыточных для построения конкретного действия [там же: 70-71]. Данный теоретический постулат значим для эмпирической части нашего исследования.

Образ как когнитивное явление неразрывно связан с термином «картина мира». Так как в человеческом сознании все предметы и явления реальности существуют в виде внутренних образов («смысловое поле»), то картина мира представляет собой их совокупность. Образы, получающие вербальное оформление, становятся частью языковой картины мира [Гайдук 2013: 69].

По мере развития когнитивной науки о языке понятие «образ» приобретает новые грани. Кроме того, новые образы, а также средства их выражения, к которым в том числе относятся и тропы, появляются в художественном творчестве. В связи с этим нам видится необходимым рассмотреть основные виды образности, а также средства её выражения.

Создавая образ, носитель языка не только иллюстрирует индивидуально-личностное видение мира, опосредованное личностными смыслами, о которых было сказано ранее, но и инвариантную, культурную составляющую, характерную для носителей данного языка. С нашей точки зрения, это позволяет

изучить образ не только как психолингвистическое явление, которое находит своё отражение в языке, но и как культурный феномен, в котором индивидуальное видение автора сочетается с культурными универсалиями.

Некоторые представители гуманитарных наук (В.Г. Белинский, В.В. Виноградов) отмечают невозможность создания образа вне контекста. Так как образ извлекается из контекста, то наилучшим способом его создания является художественное произведение [Халитова 2010: 132]. Ряд известных лингвистов (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, В.В. Колесов) отмечали, что именно талант автора способен выразить адекватное первоначальному концепту представление, то есть именно образное представление является отправной точкой экспликации концепта в вербальной форме. В дальнейшем образ усложнится, обретёт наибольшее воплощение и будет подкреплён словом [там же]. По нашему мнению, данный пример иллюстрирует связь литературоведения и лингвистики, основанную на образе. Художественное произведение представляет собой замкнутую самостоятельную систему, ядром которой является образ автора. Однако реальная действительность и ирреальная модальность замысла автора относятся к референтности разных планов, но, в то же время, они образуют единую художественную систему [Халитова 2010: 133]. Отметим, что троп также представляет собой единую систему. Авторский замысел продуцента, основанный на имеющихся у него образах, в результате процесса метафоризации приобретает вид тропа, переходящего из внутренней во внешнюю речь. Данный троп ситуативен, поэтому, как и художественное произведение, представляет собой замкнутую систему, в которой все уровни языка подчинены его функционированию.

В лингвистике художественный образ рассматривается как результат творческой деятельности в сфере словесного искусства, а также творческого отражения реальности. Его формирование происходит в художественном тексте как в единстве различных стилей литературного языка, а также нелитературных форм, основывающихся на выразительно-изобразительных средствах (стилистических фигурах, сарказме, перифразах, тропах и т.д.), на различных

ярусах языка (морфологический, семантический, фонетический и т.д.). Целью использования указанных ресурсов является реализация и усиление речевоздействующей функции образа [Чернова 2014: 114]. Рассмотрим пример.

«*Esna... is still asleep... The temple sits some fifty feet down in its own huge sandpit, buried for centuries until someone tripped over what turned out to be the top of a pillar. High above, in abrupt contrast, sit the comparatively recent buildings of the town, their roofs and turrets catching the early morning sun*» [British National Corpus].

В данном случае автор создаёт образ города Эсна. Для оказания воздействия на читателя он прибегает к использованию сразу нескольких выразительных средств. Во-первых, автор создаёт образ, применяя контраст. Храм оказывается довольно старой постройкой (*buried for centuries*), которая располагается на строении, находящемся на уровне земли (*in its own huge sandpit*). Новые постройки, в свою очередь, находятся так высоко, что их крыши способны «поймать» солнце (*catching the early morning sun*). Из сказанного следует, что город предстаёт в виде пространства. Кроме того, при описании автор несколько раз употребляет глагол стандартного положения в пространстве *sit (sits)*. «Сидящими» оказываются храм и современные здания. В данном случае, автор использует олицетворение. С нашей точки зрения, оно помогает «оживить» город, показать, что внутри него живут не только люди, но и неодушевлённые объекты – здания. Таким образом, благодаря использованию стилистического приёма контраста, а также тропа (олицетворения), автор не только создаёт образ города, но придаёт ему пространственность, «оживляет» его, реализуя речевоздействующую функцию образа в контексте своего произведения.

Ю.Л. Дмитриева говорит о том, что в рамках литературоведения художественный образ, подобно образу языковому, рассматривается в качестве сознательной структуры. Он имеет две основные трактовки. «В узком смысле слова “образ” в литературоведении представляет собой один из способов воссоздания реальности, т.е. среды, в которой происходит жизнедеятельность этноса, а также образ – это средство выражения авторского замысла» [Дмитриева 2017: 21]. По нашему мнению, данное определение соотносится с

представленным выше примером. «В широком смысле слова образ является моделью существования произведения, взятого со стороны его выразительности, впечатляющей энергии и значимости» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 670]. Ю.Л. Дмитриева отмечает, что «наряду с языковым образом художественный образ является познавательной категорией, через которую преломляются культурный опыт автора, а также его общие знания об окружающем мире» [Дмитриева 2017: 21]. «Он формирует в художественном произведении “застывшее” пространство, которое может быть по-разному интерпретировано слушателем/читателем, однако не подлежит никаким дополнениям или изменениям. В состав языкового сознания индивида оно входит в качестве автономной, целостной закрытой структуры. В целом, образ в художественном произведении в узком смысле слова предстаёт в виде категории художественного слова, а в широком – пространства» [там же: 21-22]. Согласно определению пространства, представленному в «Большом энциклопедическом словаре», оно представляет собой «множество объектов, между которыми установлены отношения, сходные по своей структуре с обычными пространственными отношениями типа окрестности, расстояния и т.д.» [Большой энциклопедический словарь 2004: 983]. Данное определение иллюстрирует значимость категории отношений для объективно существующего пространства и его языкового описания. Из сказанного следует, что образ в художественном произведении предстаёт в виде комплексного явления, между элементами которого установлены пространственные отношения, которое имеет языковую репрезентацию. При этом, несмотря на «застывшее состояние» образа-пространства, он обладает собственным содержанием и живёт своей жизнью. «Различные языковые единицы, используемые для создания образа, выступают в преобразованном виде, реализуя свои переносные значения, являясь способом репрезентации основного содержания, а также художественного образа как такового» [Борисова 2009: 26]. С нашей точки зрения, схему связи художественного образа со средствами его репрезентации можно представить в следующем виде: художественный образ→категория пространства (установление

пространственных отношений между объектами)→языковые единицы. Мы считаем, что при рассмотрении образа в художественном произведении с позиции, представленной Ю.Л. Дмитриевой [Дмитриева 2017: 21-22], художественный образ формируется в некотором «застывшем» пространстве, а в широком смысле слова сам является пространством. Его объективация происходит посредством языковых единиц в переносном значении, обладающих тропеичностью. Принимая во внимание дефиницию пространства, представленную в «Большом энциклопедическом словаре», можно предположить, что художественный образ – это «комплексное явление, включающее в себя множество объектов, между которыми установлены отношения, сходные по своей структуре с обычными пространственными отношениями типа окрестности, расстояния и т.д.» [Большой энциклопедический словарь 2004: 983], реализующимися в тропеических языковых единицах.

Очевидно, что способы выражения образности основаны на использовании языковых единиц, однако не ограничиваются их лексической составляющей. Образ передаётся не только с помощью лексем, для его выражения значимую роль также играет синтаксический компонент. В связи с этим представляется значимым обратиться к работе Е.А. Шенделева, которая подразделяет образные средства на лексические (образные слова) и синтаксические (образные выражения). К первой категории, с её точки зрения, относятся собственно образные слова, а также языковые метафоры. Ко второй – образные сравнительные обороты, сравнения с ослаблением компаративного компонента и усилением обстоятельственного компонента, компаративные фразеологизмы, словосочетания с творительным сравнением [Шенделева 2000: 77]. Е.А. Шенделева рассматривает указанные средства в качестве способов выражения лексической образности.

Образность может быть создана как с помощью образных средств, так и средств, не содержащих в себе образного компонента. В связи с этим нам представляется необходимым рассматривать образность с точки зрения наличия/отсутствия тропеических средств языка в процессе её порождения.

В зависимости от художественных элементов, выражающих образность, выделяют две её основные разновидности: тропеическая и нетропеическая [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006: 256-257]. Сущность нетропеической образности состоит в создании образов без применения тропов, слова употребляются в необразном значении. В качестве примера можно привести отдельные главы романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, многие части романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и др. [Лиходкина 2019: 33].

Тропеическая образность представляет собой использование выразительных средств языка (тропов) с целью формирования художественных образов. Рассматриваемый тип образности достаточно яркий, однако ввиду наличия в тексте различных метафор, гипербол, литот, аллегорий и т.д., понимание первоначального авторского замысла становится значительно труднее [там же].

Н.Н. Шоков отмечает, что порождение образности не всегда оказывается связано с наличием художественных тропов, однако природа нетропеической образности не объясняется одним лишь соответствием речевой единицы авторскому замыслу. Речевые единицы художественных и нехудожественных текстов всегда ему соответствуют, однако при этом образность возникает не в каждом случае [Шоков 2017: 188]. В нашей работе мы будем рассматривать образность как комплексное явление. При анализе способов её выражения мы будем обращать внимание как на языковые, так и художественные аспекты её репрезентации. Следует также отметить, что на основе анализа представленной информации, можно сделать вывод о том, что пространство, внутри которого возникает и существует художественный образ, репрезентируется как лексическими, так и синтаксическими средствами языка. Оно может выражаться образными (тропеическими) средствами, а также лексикой и синтаксисом, не обладающими образной составляющей. Совместное творчество автора и слушателя/читателя основано на языке личности, имеющем инвариантную часть, которая, как было указано ранее, представляет собой культурную составляющую. Из этого следует, что, во-первых, средства репрезентации образа, используемые

автором, культурно обусловлены; во-вторых, результат совместного творчества автора и слушателя/читателя также будет зависеть не только от индивидуальной картины мира, но и культурной принадлежности личности каждого из них. Полагаем, что возможно предложить некоторые дополнения к существующей дефиниции с учетом изложенных выше теоретических постулатов. В связи с приведённой информацией, с нашей точки зрения, является целесообразным дополнение пониманию термина «троп», представленного в п.1.3. На основании изложенного выше считаем возможным представить собственную дополненную дефиницию термина «троп», который в составе пространственного комплекса, по нашему мнению, представляет собой *образное семантически двуплановое дескриптивное наименование, формирующееся в индивидуальном лексиконе посредством механизма метафоризации при участии пространственного кода культуры, обладающее экспрессивной составляющей и являющееся элементом направленной коммуникации посредством воздействия на концептуальную систему реципиента.*

Одним из наиболее репрезентативных тропов является метафора – «перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства» [Словарь лингвистических терминов 2010: 192]. В словарной статье присутствуют несколько видов метафоры: когнитивная, номинативная, образная, стёртая, художественная, эмоциональная, языковая [там же]. Наиболее близкими по значению, согласно данным «Словаря лингвистических терминов», являются номинативная, стёртая и языковая метафоры. Номинативная метафора характеризуется потерей образности (*ножка кровати*), стёртая – утратой мотивированных семантически связей значений (*правоохранительные органы*), языковая – системным характером употребления, анонимностью и воспроизводимостью (*солнце встаёт*) [Словарь лингвистических терминов 2010: 192-193]. Приведённые примеры позволяют сделать вывод о том, что каждая из метафор утратила образность, они воспроизводимы в языке. Данное обстоятельство позволяет говорить о синонимичном характере рассматриваемых видов метафоры. Отметим, что с точки зрения рассмотренной нами ранее

классификации, образность – это один из основных аспектов, позволяющих судить о тропеичности языковых единиц, в связи с чем мы можем говорить о нетропеичном характере данного вида метафоры.

Образная метафора, по данным рассматриваемого лексикографического источника, основана на ассоциации чувств индивида (обоняния, слуха, зрения) с различными объектами окружающей действительности [Словарь лингвистических терминов 2010: 192]. Художественная метафора выполняет «образные эстетические функции олицетворения» [там же]. Когнитивная метафора объективирует мыслительное отражение общности приписываемых или реальных свойств [Словарь лингвистических терминов 2010: 192]. Формирование образа является одним из результатов процесса восприятия, т.е. чувственного познания. Одной из значимых характеристик тропа, с нашей точки зрения, является механизм метафоризации, имеющий когнитивные основы и являющийся частью познавательного процесса. Метафора как результат метафоризации – это одно из средств его активации. Данная способность состоит в соотношении переносного и прямого планов содержания метафоры: репрезентирующего новый познавательный образ плана содержания в текстовом материале и представленного перцептивно-когнитивно-аффективным опытом индивида, планом содержания, источником которого является индивидуальное знание взаимодействующего с текстом [Зубкова 2011б: 72]. Именно полученный в результате чувственного познания образ является одним из активирующих рассматриваемый процесс факторов. Из сказанного следует, что метафоризация и образ обладают когнитивно-перцептивными свойствами, репрезентирующимися в архетипах.

Пространственный код культуры – это один из архетипов, т.е. один из базовых кодов. Указанный факт свидетельствует о высокой степени образности пространственного познания. Использование собственного тела в качестве модели измерения пространства (см. Главу I), высокая степень метафоричности антропоцентричных, репрезентирующих данные модели лексических единиц, (сформированных в процессе метафоризации), также свидетельствует о

неразрывной связи когнитивного и перцептивного компонентов в рамках тропеической объективации пространственных отношений. Метафора служит для выражения значимых элементов действительности, основываясь на инвариативных отношениях между чувственным и рациональным [Зубкова 2011б: 67].

Таким образом, на основании изложенного выше мы считаем возможным сделать следующие выводы.

Образ представляет собой форму отражения объекта в сознании человека. В образе мира индивида движение сознания имеет стереометрический характер.

Как и способы объективации пространства, способы выражения образности не ограничиваются лексической составляющей. Наряду с лексемами, для выражения образа значимую роль играет синтаксический компонент.

Пространственное познание обладает высокой степенью образности. Тропеическая объективация пространственных отношений также основана на образности.

2.4. Концептуальная когеренция тропов в структурной организации пространства

Как было рассмотрено ранее, категория пространства обладает собственными особенностями восприятия. Находящийся в пространстве предмет – это носитель пространственных характеристик. Он занимает некоторое место, обладает протяженностью. Иными словами, предмет имеет некоторую форму и величину. Каждое из указанных свойств также обладает одним или сразу несколькими измерениями: шириной, длиной, высотой [Узнадзе 2004: 211]. Восприятие включает в себя различного рода ощущения (кинестетические, осязательные), однако восприятие пространства (предмета в нём, его контура, величины и т.д.) чаще всего осуществляется зрительным каналом [Рубинштейн 2012: 291]. Зрительное восприятие обладает наибольшей значимостью в процессе ориентации субъекта, его взаимодействия с окружающей действительностью, а

также в познавательных процессах, что отражается в той важности, которой чувственное познание наделяется в сознании индивида [Колесов 2008: 323]. Преобладание одного из каналов восприятия не противоречит комплексности рассматриваемого процесса. Адекватное пространственное восприятие, подлинно выражающее его объективные отношения и качества, – это комплексное образование, в котором в сложном единстве и взаимопроникновении сочетаются мыслительные и чувственные компоненты [Рубинштейн 2012: 295]. Образы пространства, как и иные виды образов, являются элементами чувственной и мыслительной сферы.

Воспринятый предмет находится в сознании индивида в форме образа. Однако, как было указано выше, работа чувственной сферы неотделима от мыслительных операций. Их проявление (операций сравнения, синтеза, анализа, обобщения и абстракции) может быть рассмотрено как основа процесса метафоризации [Ревина 2007: 56]. Результат метафоризации – метафора формируется на основе авторского замысла, с помощью которого автор хочет выразить в речи тот или иной образ [там же], в том числе и образ пространства. Человек не сможет вернуться к начальному представлению о реальности, так как в момент получения её фрагмента последний приобретает новую сложность, и представляющий часть данной реальности объект является элементом двух сознаний человека (настоящего и прошлого).

О.С. Зубкова рассматривает механизм метафоризации и метафору с точки зрения лингвосемиотического подхода. Метафора выступает результатом процесса метафоризации [Зубкова 2011а: 306]. По мнению автора, метафоризация – конструктивный когнитивный процесс, характеризующийся динамичностью развития, а также представляющий собой результат языкового/речевого механизма человека [там же]. Как когнитивная операция процесс метафоризации основывается на перцепции. «Концептуализировать перцептивный опыт – значит придавать ему определенный смысл. Смысл опыта, как, впрочем, и смысл метафоры, определяется конфигурацией когнитивной сети, активизируемой, с одной стороны, самим опытом, а с другой – говорящим (на уровне событийных

структур)» [Зубкова 2011а: 306]. Отметим, что, как и восприятие, метафоризация имеет когнитивно-перцептивные основы и включает в себя образную составляющую. Результатом метафоризации могут стать различного рода тропы, включая метафору как самый репрезентативный, в том числе и пространственную. Процесс образования ранее не существовавших когнитивных структур знания, для которых сферой-источником являются наименования естественных природных пространств, иллюстрируют взаимодействие пространственного опыта с познанием окружающей действительности, а также восприятия, объективируя различные формы выражения указанных структур знания в области значения языкового знака [Ивашкевич 2017: 92].

Человеческое сознание организует непредметную действительность по аналогии со временем и пространством данного в непосредственных ощущениях мира по достаточно общим принципам. Так, осмысление пространственных координат происходит по принципу «низкое» или «высокое» в человеке. Как будущее осознаётся то, что впереди, как прошлое – оставшееся позади. Благородное начало обозначается прилагательным «высокий», нечто недоброе обозначается как «низменное»/«низкое». Ориентация вправо осмысляется как что-то истинное, правильное, правдивое. Верх мыслится как наивысшая точка определённого состояния, низ – как неудача [Телия 1988: 173]. Обозначающие параметры предметов, положение в пространстве и иные пространственные характеристики слова также принимают участие в моделировании родовых и социальных отношений, этических качеств человека, его внутреннего мира, личной сферы и т.д. [Ивашкевич 2017: 92].

Как было отмечено ранее, согласно лингвосемиотическому подходу, метафоризация – когнитивный процесс. Результат её операций (сходство, аналогизация, подобие) – это концептуализированное на уровне мышления между объектом и перцептивно-когнитивно-аффективным опытом (или его составляющей) индивида воспринимаемое сходство [Зубкова 2011а: 306]. Метафоризация активизирует имеющиеся у человека знания об окружающей действительности, сформированные на основе его опыта (индивидуального и

коллективного), поэтому «можно говорить о сопоставлении “готовых” значений при расшифровывании культурного кода и вызываемыми ими ассоциаций на базе аналогии, а также кажущимися несовместимыми на первый взгляд внеязыковых сущностей» [Зубкова 2013: 216]. Индивидуальный и коллективный опыт образуют единство, сущность которого состоит в развитии личности. Происходит их взаимопроникновение, согласование, взаимообращение, взаимовлияние [Захараш 2004: 11]. Взаимосвязь коллективного и индивидуального опыта находит отражение в различных сферах жизни человека, в том числе и в процессе познавательной деятельности [там же], одним из элементов которого выступает метафора. Отметим также, что указанная взаимосвязь также объективируется в образовании, обогащающем индивида культурными ценностями [Захараш 2004: 11]. Сказанное выше подтверждает мысль о сложности процесса метафоризации, а также о многокомпонентности коллективного и индивидуального опыта, места образования и познания в их структуре.

Таким образом, изменение опыта индивида ведёт к изменению в восприятии пространства, а также содержанию пространственных концептов. Данные явления оказывают влияние на процесс метафоризации, также включающий в себя опыт индивида. Появляются новые метафоры пространства. Дж. Лакофф, М. Джонсон отмечают системность в организации метафорического концепта, а также системность используемых для его выражения языковых средств [Lacoff, Johnson 1980: 8]. Системная связь метафорических выражений с метафорическими концептами даёт основание полагать, что при изменении сущности концепта модифицируются выражающие его метафорические выражения. Однако структурированность концепта метафорой частична, а его расширение может быть произведено только в определённом направлении [там же:14]. Поскольку пространство и его концепты являются не только достоянием индивидуального, но и общественного сознания, то следует говорить не об отдельных метафорах, а об их системах при рассмотрении метафоры в качестве наиболее репрезентативного тропа. В широком смысле слова речь идёт о тропеических системах. Данное утверждение согласуется с позицией С.В. Лопаткиной, по

мнению которой «существуют примеры функционирования тропов, при которых они образуют единую систему. Их значение составляет единое целое, они не представляют собой сумму отдельных компонентов» [Лопаткина 2004: 21]. С нашей точки зрения, подобные примеры тропеического взаимодействия, когеренции происходят в том числе и у тропов с пространственной семантикой. Рассмотрим пример, иллюстрирующий данное утверждение.

«Достаточно вспомнить желудочки с их рогами, прозрачную перегородку, холм и “подхолмие” гипоталамуса, железу, которая “растёт под” (гипофиз) и “над” – эпифиз, ольфакторную “бульбу” и хиазму зрительных нервов» [НКРЯ].

Источником данного фрагмента текста является научно-популярный журнал медицинской тематики, в котором значительная часть описываемых авторов образований представлена посредством уточняющих метафор с пространственной семантикой, которые в комплексе представляют собой описание отделов головного мозга. Отметим разнообразие употребляемой автором тропеической лексики, включающей в себя глаголы, существительные и предлоги. Использование лексем различных частей речи, по нашему мнению, подчинено двум основным целям: во-первых, репрезентации формы отдельных отделов головного мозга, во-вторых, пространственной ориентации читателя в его структуре. Таким образом, тропы в представленном фрагменте образуют единый семантический комплекс, лексико-морфологические особенности которого, взаимодействуя между собой, подстраиваются под указанные выше цели создания определённого образа пространства.

Следует отметить, что в семантике пространственной лексики в целом имеет место комплексная корреляция между непространственным и пространственным значением. В процессе функционирования в некоторых случаях лексические единицы способны к изменению основного значения от пространственного к непространственному и наоборот [Бороздина 2014а: 19]. Мы разделяем позицию учёного по данному вопросу. С помощью пространственных метафор в различных видах дискурса могут быть положительные и отрицательные тенденции, реализующие процесс преломления восприятия

непространственных сфер жизни индивида через призму пространственных [Бороздина 2014а: 19].

В семантике каждого слова выделяется устойчивая характеристика, позволяющая идентифицировать лексему во всём многообразии её употреблений, сохранить определённый семантический инвариант при колебаниях в степени его определённости [Солганик 1987: 9]. Как было указано ранее, семантика лексики предполагает знание как её образного компонента, так и рационального содержания [Стернин 2008: 11].

Принимая во внимание рассмотренные выше данные, считаем возможным сделать следующие выводы.

Тропы обладают способностью к когеренции, формированию единого семантического комплекса, одной из основных целей которого является пространственная ориентация реципиента в его структуре. Лексические, морфологические, грамматические, синтаксические характеристики данного комплекса при взаимодействии создают единый пространственный образ, при этом семантика входящих в состав тропеического комплекса единиц может не обладать пространственным значением, а приобрести его в результате изменения основного значения лексики.

2.5. Динамика семантического расширения пространственных концептов, репрезентированных тропами

Понятие концепт, рассмотренное в п. 1.2., обладает свойством изменчивости, репрезентируемом в потере актуальности, смене положительного знака на отрицательный и наоборот, смене образной и понятийной составляющей [Семина 2009: 9]. Данное утверждение применимо и к концептам с пространственной семантикой. Так, например, понятие «Америка» в лексикографическом источнике 2008 года обладает следующими значениями: «1. Часть света, образованная двумя материками – Северной Америкой и Южной Америкой. 2. Разг. Соединённые Штаты Америки (государство в Северной

Америке)» [Большой толковый словарь русского языка 2008: 37]. Как правило, в российской прессе данный концепт объективируется официальным названием государства (Соединённые Штаты Америки), разговорным вариантом (Америка), сокращённой формой официального названия (Соединённые Штаты), обозначением страны по её столице (Вашингтон) [Антология концептов 2005: 5]. В настоящее время в публицистике страны Америки и Западной Европы, противопоставляемые Востоку и Восточной Европе, объединяют лексемой «Запад». «...“*Запад*” в качестве глобальной угрозы и НАТО с ее предполагаемыми агрессивными и гегемонистскими устремлениями отождествляется прежде всего с *Америкой*, а Западная Европа в целом, и тем более отдельные западноевропейские страны, рассматриваются в качестве “носителей угрозы” только в связке с США и НАТО и теряют такое качество, если эта связка выводится за рамки обсуждаемой проблемы» (цит. по: [Антология концептов 2005: 5]). Из сказанного следует, что для представителя современной русской лингвокультуры знак пространственного существительного «Америка» сменился с нейтрального на отрицательный. То же утверждение применимо к концепту «Запад». Несмотря на наличие в лексикографическом источнике значения «страны Западной Европы» [Большой толковый словарь русского языка 2008: 335], представленный ранее контекст даёт основание говорить о смене нейтрального знака на отрицательный, поскольку страны Западной Европы противопоставляются странам Восточной Европы. Таким образом, неанализируемыми образованиями концепты являются только в начале своего появления, а затем, попадая под влияние других концептов, также видоизменяются [Павиленис 1983: 91].

Изменения в окружающем мире, необходимость концепта как основной единицы хранения и передачи знаний приспособляться под изменяющиеся реалии современного мира, проявляя при этом подвижность и гибкость, неизбежно приводят к изменению объёма содержания и численности концептов. Изменчивость концепта – это его динамичность [Семина 2009: 9-10], которая может быть связана с эволюцией, а также изменением во времени и пространстве.

Согласно Ю.С. Степанову, последнее представляет собой «пространственное расширение концептов» [Степанов 2001: 103]. Так, учёный указывает на пространственное расширение первичного концепта «мир», обладавшего семантикой «место, где живут свои», который в дальнейшем эволюционировал в концепт со значением «обжитый мир, вселенная». Причины пространственного расширения данного концепта состоят в путешествиях, выходе за пределы своего «мира» у всех народов Европы, начиная со Средневековья [там же: 103-104].

Для нашего исследования значимость представляет пространственное расширение концептов, выраженных тропами. По нашему мнению, для исследования данного вопроса необходимо обратиться к знаковой сущности концепта.

В.И. Карасик рассматривает концепт как трёхмерное ментальное образование, в составе которого выделяются образное, понятийное и ценностное измерения [Карасик 2012: 6]. При рассмотрении концепта в качестве знака указанные измерения уточняются. Могут быть выделены первичные и вторичные знаки. Последние подразделяются на простые, осложнённые и сложные. Первичные знаки характеризуются естественным сопряжением означающего и означаемого, у вторичных знаков указанное сопряжение является условным [там же]. Осложнённый знак как один из видов вторичных знаков представляет собой образ с перекомбинацией объектов. Происходит смысловое уплотнение, способом осуществления которого выступает неожиданность сопоставления объектов, креативность [Карасик 2012: 7]. «Образное осложнение есть троп» [Карасик 2012: 6]. В связи с вышесказанным учёный выделяет тропеические знаки в качестве одного из видов осложнённого знака. Тропеический знак переносит образ на новую сферу обозначения. В качестве примера автор упоминает заголовок на сайте lenta.ru «По оранжевым следам» с подзаголовком «Команде Виктора Януковича предрекают раскол» (цит. по: [Карасик 2012: 7]). В данном случае основной заголовок – это игровая аллюзия к так называемой «оранжевой революции», т.е. смене режима на Украине. С нашей точки зрения, он тропеичен. В.И. Карасик, рассматривая основной заголовок и подзаголовок, указывает на

столкновение двух образов: зрительно воспринимаемого знака, вызывающего ассоциации с охотником, а также знака, актуализирующего знания о политической ситуации на Украине [Карасик 2012: 7]. В журнале «Коммерсантъ Власть» от 15.06.1992 была опубликована статья «В Чечне больше нет российского гарнизона», подзаголовок – «Россия начинает выходить из себя» [Безменов 1992]. Основные представления о России применительно к изучению национально-государственной идентичности сводятся у представителей русской культуры к следующим составляющим: 1) пространственно-географические представления; 2) представления о политической системе, социальной структуре; 3) темпоральные представления; 4) представления о «своих» и «чужих» [Регнацкий 2015: 41]. Отметим, что пространственно-географические представления являются центральным элементом образа. В русской языковой картине мира пространство – это ширь, простор, раздолье [Ястребова 2011: 219]. Из сказанного следует, что для русского человека Россия – это, прежде всего, территория, бескрайнее пространство. «Выходящая из себя» страна в подзаголовке создаёт образ расширяющихся границ. Подзаголовок рассматриваемой статьи оказывается метафоричным. С другой стороны, выражение «выходить/выйти из себя» – это фразеологизм, обладающий значением потери контроля над собой. В данном случае подзаголовок статьи также тропеичен, однако, созданный образ будет отличаться от того, о котором было сказано ранее. Как и в случае с «оранжевой революцией», по нашему мнению, происходит столкновение образов, которых в данном случае оказывается три.

Возможное расширение границ, большой простор, вызывающие положительные эмоции, противопоставляются потере самоконтроля, вызывающего негативные эмоции. Образуется некая антитеза – зрительно воспринимаемый знак, вызывающий ассоциации с пространственно-географическим положением, сталкивается со знаком, актуализирующим современную на тот момент ситуацию в Чеченской республике и в стране в целом. При этом антитеза «Россия начинает выходить из себя» – это не просто

знак, при котором образ переносится на новую сферу обозначения. В данном случае – это троп, тропеический знак, основанный на контрасте. Динамика семантического расширения концепта, по нашему мнению, вызвана меняющейся на тот момент социально-политической ситуацией в стране. С целью более детального анализа рассматриваемого примера представляется значимым указать свойства тропов, которые лежат в основе их суггестивности, воздействия на реципиента: 1) семантический параметр: семантическая заменяемость, полисеманτικότητα, семантическая парадоксальность; 2) когнитивно-психологический параметр: оценочность, эмоциональность, выразительность, образность; 3) структурно-семантический параметр: асимметрия, несовместимость, алогичность; 4) структурный параметр: краткость, упорядоченность; 5) культурно-исторический параметр: культурная мифологичность, культурная стереотипность; 6) риторический параметр: гедонистичность, вербальная/невербальная образность, лексическая/синтаксическая образность [Желтухина 2004: 12]. Мы считаем, что суггестивное воздействие тропа в данном случае реализуется целым рядом свойств, рассмотренных выше: полисеманτικότητα, образность, краткость, культурная стереотипность, лексическая образность. Последняя основывается на пространственном компоненте тропа.

Принимая во внимание рассмотренные выше данные о концептах, считаем возможным сделать следующие выводы.

Изменчивость/динамичность – одна из базовых характеристик концепта. Динамичность концептов с пространственным значением – это их пространственное расширение. Динамика семантического расширения концептов с пространственной семантикой, которая представляет значимость для нашего исследования, может быть исследована при рассмотрении знаковой природы концепта. Расширение значения происходит в рамках тропеического знака, при котором происходит столкновение разных образов, перенос образа на другую референтную область, в результате которого и образуется троп.

Выводы по Главе II

Пространство – одна из наиболее сложных категорий для вербализации. Пространственный образ, полученный при восприятии в результате действия процесса метафоризации, становится тропом, который объективируется в языке в результате интеграции единиц всех уровней языка.

1. Установлено, что проблема дефинирования и классификации тропов в современных лингвистических исследованиях обуславливает необходимость разработки критериев классификации, выходящих за пределы античного риторико-стилистического подхода, учитывающих возможности вербализации наиболее значимых концептов, одним из которых является пространство.

2. Нами доказано, что троп является центральным элементом пространственного метафорического комплекса.

3. Можем констатировать, что образ представляет собой способ отражения объекта в сознании человека, обладающего признаками объекта, каждый из которых может выходить на первый план при условии изменения конфигурации других. Вербализация образа в языке индивида происходит посредством различных средств выразительности, в том числе тропов с помощью механизма метафоризации.

4. На когнитивном уровне несколько предметных значений взаимодействуют друг с другом, формируя образ в новом общем пространстве – бленде, который, коррелируя с пространственным компонентом, объективируется посредством тропа. В рамках бленда происходит не только референция ментальных пространств, но и формируется эмотивный потенциал тропа с пространственной семантикой.

5. Нами доказано, что накопление индивидом личного опыта находит отражение в изменении его восприятия пространства, результатом которого становится модификация процесса метафоризации и её результатов – тропов.

6. С учётом психолингвистического параметра нами предложена собственная дополненная трактовка термина «троп», функционирующего в

рамках пространственного комплекса. Представленное определение учитывает ранее существующие критерии тропеичности, а также критерии, выделенные нами. Последние включают в себя критерий рациональности употребления (для продуцента), а также объективирующих троп языковых единиц, способных к смещению равновесия коммуникативной системы. Критерий успешности коммуникации (для реципиента) находит выражение в успешном декодировании информации, в понимании первоначального образа, лежащего в основе тропа, обеспечении успешности коммуникации.

7. Тропеические средства языка обладают способностью к взаимодействию, при котором образуется единая система тропов, представляющая собой не сумму отдельных компонентов-тропов, входящих в её состав, а единое целое. Указанное взаимодействие происходит и у тропов с пространственной семантикой. Целями данного процесса может являться репрезентация формы/размера и других пространственных составляющих отдельных элементов тропеической системы, а также общая пространственная ориентация.

8. Нами установлено, что динамика/изменчивость – базовая характеристика концепта тропа, проявляющаяся в смене положительного знака на отрицательный и наоборот, смене понятийной и образной составляющей. «Столкновение» нескольких образов в одном знаке, перенос образа на новую референтную область обозначения обуславливают расширение пространственных концептов, объективируемых тропами. Активизация полисемантической, образности, асимметрии, а также других свойств тропа, значимых в конкретной ситуации, формирует его суггестивный потенциал.

ГЛАВА III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ТРОПОВ С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ

3.1. Вопросы организации экспериментального исследования

Эмпирическая часть состоит из экспериментов с применением методики субъективных дефиниций и свободного ассоциативного эксперимента. Основными направлениями данной части исследования послужили частные гипотезы, дополняющие основную (см. Введение). Общими задачами эмпирической части работы являются выявление и описание факторов, оказывающих влияние на восприятие тропа с пространственным компонентом, а также описание вербальной репрезентации пространственного кода культуры в рамках тропа.

Общая цель эмпирической части работы: выявить когнитивные особенности восприятия и формирования образа, исследовать концептуальную когеренцию тропов в структурной организации пространства, изучить динамику семантического расширения пространственных концептов, репрезентированных тропами.

3.2. Первый этап исследования: методика субъективных дефиниций

3.2.1. Задачи и гипотеза эксперимента с применением методики субъективных дефиниций

Частной гипотезой первого этапа эмпирического исследования, проводимого с применением методики субъективных дефиниций, стало предположение о том, что специфика восприятия тропов с пространственной семантикой формируется под влиянием индивидуального и коллективного знания, при этом значимыми факторами являются когнитивно-перцептивно-

аффективный опыт индивида, гендерный фактор, возрастной фактор, фактор профессиональной подготовки индивида, а также предположение о том, что в процессе метафоризации формируется суггестивный потенциал тропа.

Задачи эксперимента

Для первого этапа эмпирического исследования нами были сформулированы следующие задачи:

- установить факторы, оказывающие влияние на восприятие стимульных объектов, элементом которых является троп с пространственной семантикой;
- проанализировать полученные реакции, установить их связь с факторами, влияющими на восприятие;
- выявить варианты экспликации механизма метафоризации через тропы с пространственной семантикой в языковом поле;
- проанализировать проявление эмотивного эффекта тропа;
- выявить свойства тропа с пространственной семантикой, формирующие его суггестию.

3.2.2. Участники и процедура эксперимента

Участниками данного этапа эксперимента стали 25 человек. Из них:

- группа 1 – обучающиеся 9 класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №58 имени генерал-майора М.В. Овсянникова» в возрасте 14-15 лет в количестве 12 человек;
- группа 2 – студенты ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», обучающиеся по направлению подготовки «Международные отношения» в возрасте 20-21 год в количестве 13 человек.

Испытуемым (далее – ии.) предъявлялась карточка со стимулом. В верхнем правовом углу на условиях анонимности указывался возраст, пол, уровень образования. При проведении эксперимента ии. была предъявлена следующая инструкция: «Прочитайте предложения. Напишите, как вы их понимаете».

Количество реакций, их форма и время на ответы не ограничивалось. Карточка предъявлялась однократно.

3.2.3. Отбор материала исследования

Материалом исследования послужили 10 тропеических словосочетаний/предложений/фрагментов текста, содержащих в себе следующие лексемы с пространственной семантикой: 6 глаголов передвижения в пространстве (*лететь, плыть, идти, ходить, спускаться, бежать*), 3 глагола стандартного положения в пространстве (*лежать, сидеть, стоять*), 1 глагол нестандартного положения в пространстве (*прислоняться*) (классификация глагольных предикатов представлена в работе С.Ю. Дмитренко, В.С. Храковского) [Дмитренко 2011].

Стимул №1: «*Наутро Кате нужно было **лететь** на работу, это без вариантов*» [НКРЯ].

Стимул №2: «*В этом смысле нам до Европы еще «**плыть и плыть**»: там таких демократичных семейных кафе — пруд пруди*» [НКРЯ].

Стимул №3: «*Другое дело, решится ли Володин “идти на Саратов”?*» [НКРЯ].

Стимул №4: «*Он решил больше **не ходить** в прошлое. Будь что будет!*» [НКРЯ].

Стимул №5: «*Это упущение особенно должно **лежать на душе** Новгородского летописца*» [НКРЯ].

Стимул №6: «*... простуда стала **спускаться** в трахеи и бронхи*» [НКРЯ].

Стимул №7: «*Не секрет, что госчиновники за определенную плату имеют обыкновение «**прислоняться**» к той или иной группе акционеров*» [НКРЯ].

Стимул №8: «*А Полинка склонна к полноте, как и я, придётся, как маме в её возрасте **сидеть на варёной капусте**:-)» [НКРЯ].*

Стимул №9: «***Стоять на цене так стоять***» [НКРЯ].

Стимул №10: «*Rfe 821. f 6 B: f 622. e 5 или 20... Rfd 821. f 6 B: f 622. e 5, но пора бежать ферзём*» [НКРЯ].

3.2.4. Количественная обработка полученных данных

Количественные данные об ии. представлены ниже (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Количественные данные об испытуемых (ии.)

Группа	Кол-во ии. мужского пола	Кол-во ии. женского пола	Общее количество реакций
1 группа	4	8	120
2 группа	7	6	130
Итого	11	14	250

В ходе вертикальной обработки результатов эксперимента все бланки признаны пригодными к анализу, отказов от выполнения задания зафиксировано не было. Отметим, что в данной таблице в качестве реакций учтены ответы, состоящие из вопросительного знака, прочерка, а также лексем «не понял/не поняла/не понятно». Всего 250 реакций.

3.2.5. Анализ и интерпретация результатов первого этапа эксперимента

Результаты данного этапа эмпирического исследования подтвердили факт неполного соответствия словарных и субъективных дефиниций и формирования значения в индивидуальном сознании ии.

Наибольшее число субъективных дефиниций, не соответствующих словарному значению лексемы, было зафиксировано:

– в группе 1 на стимул №3 («*Другое дело, решится ли Володин “идти на Саратов”?*») (42% реакций), на стимул №9 («*Стоять на цене так стоять*») (58% реакций), на стимул №10 («*Rfe 821. f 6 B: f 622. e 5 или 20... Rfd 821. f 6 B: f 622. e 5, но пора бежать ферзём*») (50% реакций) (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Стимул	Кол-во реакций, не соотносящихся	% соотношение
--------	----------------------------------	---------------

	со словарной дефиницией	
«Наутро Кате нужно было лететь на работу, это без вариантов»	4	33%
«В этом смысле нам до Европы еще «плыть и плыть»: там таких демократичных семейных кафе – пруд пруди»	2	17%
«Другое дело, решится ли Володин “идти на Саратов”?»	5	42%
«Он решил больше не ходить в прошлое. Будь что будет!»	0	0%
«Это упущение особенно должно лежать на душе Новгородского летописца»	3	25%
«... простуда стала спускаться в трахеи и бронхи»	5	42%
«Не секрет, что госчиновники за определенную плату имеют обыкновение «прислоняться» к той или иной группе акционеров»	4	33%
«А Полинка склонна к полноте, как и я, придётся, как маме в её возрасте сидеть на варёной капусте:-)»	4	33%
«Стоять на цене так стоять»	7	58%
«Rfe 821. f 6 B: f 622. e 5 или 20... Rfd 821. f 6 B: f 622. e 5, но пора бежать ферзём»	6	50%

– в группе 2 на стимул №1 («Наутро Кате нужно было лететь на работу, это без вариантов») (61,5% реакций), стимул №2 («В этом смысле нам до Европы еще «плыть и плыть»: там таких демократичных семейных кафе – пруд пруди») (69% реакций), на стимул №3 («Другое дело, решится ли Володин “идти на Саратов”?») (61,5% реакций), на стимул №10 («Rfe 821. f 6 B: f 622. e 5 или 20... Rfd 821. f 6 B: f 622. e 5, но пора бежать ферзём») (61,5% реакций) (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Количество данных о реакциях, не соответствующих словарной дефиниции в группе 2

Стимул	Кол-во реакций, не соотносящихся со словарной дефиницией	% соотношение
«Наутро Кате нужно было лететь на работу, это без вариантов»	8	61,5%
«В этом смысле нам до Европы еще “плыть и плыть”: там таких демократичных семейных кафе – пруд пруди»	9	69%
«Другое дело, решится ли Володин “идти на Саратов”?»	8	61,5%
«Он решил больше не ходить в прошлое. Будь что будет!»	1	7,5%
«Это упущение особенно должно лежать на душе Новгородского летописца»	1	7,5%
«... простуда стала спускаться в трахеи и бронхи»	4	31%
«Не секрет, что госчиновники за определенную	1	7,5%

плату имеют обыкновение «прислоняться» к той или иной группе акционеров»		
«А Полинка склонна к полноте, как и я, придётся, как маме в её возрасте сидеть на варёной капусте:-)»	5	38%
«Стоять на цене так стоять»	2	15%
«Rfe 821. f 6 B: f 622. e 5 или 20... Rfd 821. f 6 B: f 622. e 5, но пора бежать ферзём»	8	61,5%

Начнём с анализа реакций ии. обеих групп на стимулы, представленные дефинициями, не соответствующими словарным трактовкам. Для анализа нами привлекался Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [Ожегов 2015].

Стимул №1: *«Наутро Кате нужно было лететь на работу, это без вариантов»* [НКРЯ].

В составе тропа – пространственный глагол движения «лететь». По данным «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, он имеет 6 дефиниций: 1. «нестись, передвигаться по воздуху», 2. «то же, что мчаться», 3. «то же, что падать», 4. «о времени: быстро проходить», 5. «быстро изменяться в цене, в уровне», 6. «ломаться, нарушаться» [Ожегов, 2015: 324].

Рассматриваемый фрагмент текста метафоричен. Восприятие стимула происходило с участием когнитивного механизма метафоризации, о чём свидетельствуют реакции ии. обеих групп.

При определении значения данного стимула в группе 2 было установлено, что 62% реакций – это субъективные дефиниции, не совпадающие со словарным значением. Например, *«Кате обязательно надо прибыть на работу без учёта личных причин»*, *«обязанность»*, *«Катя – ответственный сотрудник»*, *«у Кати важная работа»*, *«обязательно на работу»*, *«ей нужно быть на работе»*, *«нужно работать, иначе, не будет денег»*, *«работа важная»*.

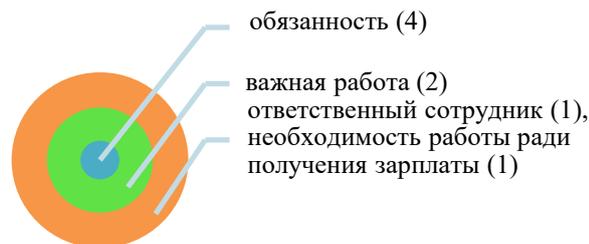
При определении значения данного стимула в группе 1 с ответом затруднился 1 ии. (8%), 33% реакций – это субъективные дефиниции, не совпадающие со словарным значением. Например, *«нужно зарабатывать деньги»*, *«Кате нужно идти на работу, она не может не пойти»*, *«если надо*

значит надо. Это в какой-то степени её обязанность», «Катя была обязана лететь на работу».

Из приведённой выборки очевидно, что обеими группами были репрезентированы схожие реакции со значением «обязанность» (3 в группе 1, 4 в группе 2, всего 7), «зарабатывание денег» (1 в группе 1, 1 в группе 2). Ядро среди реакций, не соответствующих словарной дефиниции (в группе 2), включает в себя значение «обязанность» (4 реакции), периферия – «важная работа», дальняя периферия – «ответственный сотрудник» (1 реакция), «необходимость работы ради получения зарплаты» (1 реакция) (см. Рис.1).

Рис.1

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 2, не совпадающие со словарной дефиницией

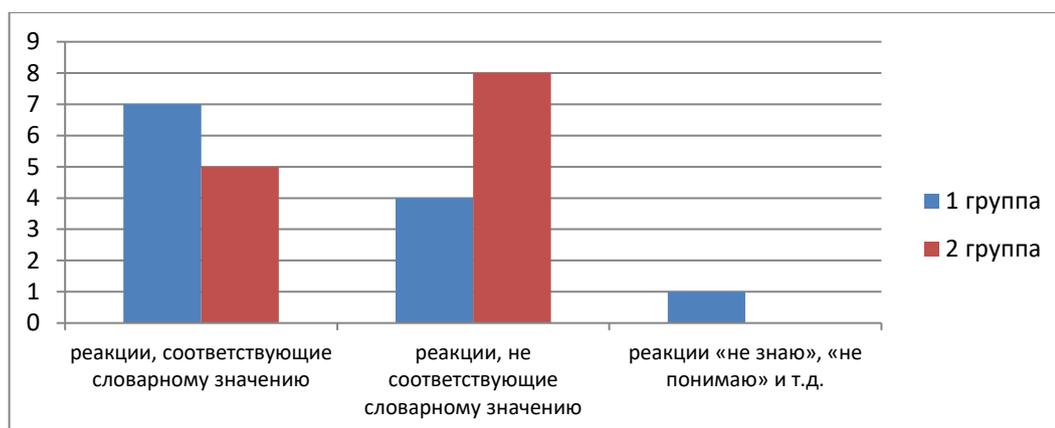
Из представленных данных следует, что при интерпретации данного стимула реакции ии., включающие в себя пространственный концепт, нами зафиксированы не были.

Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: коллективное знание, уровень образования.

Практически во всех реакциях, например: «Кате нужно идти на работу, она не может не пойти», «обязанность», «если надо значит надо. Это в какой-то степени её обязанность» и т.д., очевидна доминанта признака коллективного знания. В реакции одного ии. группы 1 «не знаю» доминирует признак уровня образования.

Отразим полученные данные на гистограмме (см. Рис. 2).

Реакции ии. группы 1 и группы 2 на стимул №1

Стимул №2: *«В этом смысле нам до Европы еще «плыть и плыть»: там таких демократичных семейных кафе – пруд пруди»* [НКРЯ].

Рассмотрим словарные дефиниции глагола перемещения в пространстве «плыть»: 1. «передвигаться по поверхности воды или в воде», 2. «ехать на судне или ином плавучем средстве», 3. «плавно двигаться или плавно распространяться», 4. «передвигаться в состоянии невесомости», 5. «представляться взору движущимся, кружащимся» [Ожегов 2015: 525].

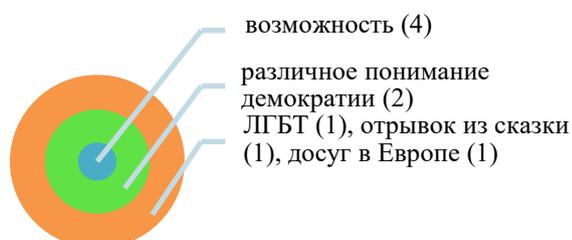
При определении значения данного стимула в группе 1 было установлено, что 17% реакций – это субъективные дефиниции, не соответствующие словарному значению. Например, *«у нас в Европе ничем не торгуют», «в Европе много кафе»*.

При определении значения данного стимула в группе 2 было установлено, что 69% реакций – это субъективные дефиниции, не соответствующие словарному значению. Например, *«речь об ЛГБТ?», «Так как в странах Европы сложились другие подходы и традиции, то нельзя говорить о проецировании их культуры на другие страны. В каждой стране своё понимание демократии», «Это, похоже, отрывок из сказки», «в Европе больше внимания уделяют досугу людей, в том числе и с семьёй», «можно построить много демократичных кафе, но сложнее найти демократию в людях», «а чем мы хуже?», «возможно», «может быть»*.

Отразим ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 2, не совпадающие со словарной дефиницией (см. Рис.3).

Рис.3

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 2, не совпадающие со словарной дефиницией

В результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: коллективное знание, возрастной фактор, уровень образования, знание о стимульном объекте.

Значительное семантическое разнообразие реакций ии. группы 2 по сравнению с ии. группы 1, у которых при этом 83% дефиниций соотносятся со словарным значением, позволяют сделать вывод о влиянии возрастного фактора на восприятие. У одного ии. группы 1 в качестве реакции, соответствующей словарной дефиниции, представлено изображение девушки, над которой имеется надпись: «Россия». Она тянет руки к стоящей на расстоянии от неё другой девушке, над которой написано «Европа». С нашей точки зрения, восприятие стимула происходило в процессе реализации механизма метафоризации, репрезентирующего образ, основанный на сходстве, для персонификации социального феномена. При этом, с нашей точки зрения, представленная реакция основана на пространственном компоненте, репрезентирующем пространственный код культуры. Реакция ии. группы 2 «*речь об ЛГБТ?*», по нашему мнению, свидетельствует о более высоком уровне образования, знаниях о социально-политических явлениях современного мира по отношению к ии. группы 1. Реакция ии. группы 2 «*Это, похоже, отрывок из сказки*» не позволяет говорить о метафоричности/неметафоричности процесса восприятия. Наиболее

значимой для его осуществления особенностью является язык автора фрагмента. По нашему мнению, к выводу о принадлежности представленного стимула к жанру сказки ии. могли привести разговорные выражения «плыть и плыть», а также «пруд пруди». Кроме того, последняя из приведённых реакций, представляющая собой фразеологизм, репрезентирует пространственный код культуры в составе тропа.

Отразим полученные данные о реакциях ии. обеих групп в гистограмме (см. Рис.4).

Рис.4

По нашему мнению, представленные выше реакции «речь об ЛГБТ?», «а чем мы хуже?» – это вопросы ии., которые свидетельствуют об эмотивном эффекте рассматриваемого тропа. Тот же вывод может быть применён к реакции «пруд пруди», которая, как было указано ранее, представляет собой разговорное выражение. Синтаксис реакции «Так как в странах Европы сложились другие подходы и традиции, то нельзя говорить о проецировании их культуры на другие страны. В каждой стране своё понимание демократии», в частности, наличие в ней союза «так как», по нашему мнению, указывает на суггестивный потенциал тропа – стимула, получившего представленную реакцию. Кроме того, она свидетельствует о том, что суггестивное воздействие в данном случае основано на культурно-историческом, когнитивно-психологическом, а также риторическом параметре.

Стимул №3: «Другое дело, решится ли Володин “идти на Саратов”?» [НКРЯ].

Рассмотрим дефиниции лексемы «идти», являющейся элементом тропа с пространственной семантикой, представленные в Толковом словаре русского языка: 1. «Двигаться, переступая ногами», 2. «двигаться, перемещаться», 3. «отправляться, направляться куда-то», 4. «следовать, двигаться в каком-н. направлении для достижения чего-н.», 5. «поступать каким-н. образом или быть готовым к каким-н. действиям», 6. «вступать куда-н., приступать к каким-н. действиям», 7. «следовать кому-н. в чём-н.», 8. «перемещаться, быть в движении, будучи направленным куда-н., с какой-н. целью, доставляться откуда-н., куда-н.», 9. «приближаться, появляться, наступать», 10. «о механизме: быть в действии, действовать», 11. «о дожде, снеге: падать, выпадать», 12. «быть, происходить, протекать», 13. «пролегать, быть расположенным где-н., каким-н. образом», 14. «выделяться, исходить откуда-н., распространяться», 15. «делать ход в игре», 16. «требоваться, быть нужным для употребления, расходоваться, употребляться», 17. «находить сбыт, спрос, распродаваться», 18. «причитаться, следовать кому-н. за что-н.; выплачиваться», 19. «соответствовать, быть подходящим, годным», 20. «быть к лицу, подходить», 21. «о чём-н. вбиваемом, надеваемом: входить, вдвигаться», 22. «расти, сосредотачивать свой рост в чём-н.», 23. «о пьесе, спектакле, фильме: быть демонстрируемым, исполняться, ставиться», 24. «о животных: устремляться на приманку», 25. «с предлогом “в” – подвергаться действию, названному существительным; с предлогом “на” – осуществлять соответствующее действие» [Ожегов 2015: 236-237].

По данным, представленным в Таблице 2 и Таблице 3, данный стимул стал одним из тех, который вызвал затруднения у ии. обеих групп.

При определении значения данного стимула в группе 1 было установлено, что 5 ии. затруднились с ответом (42%), 42% реакций не соответствуют словарной дефиниции. Например, *«решился ли осаждать город»*, *«развязать войну в Саратове»*, *«воевать в Саратове»*, *«он хочет лететь на самолёте в Саратов»*, *«неуверенность»*.

В группе 2 затруднились дать субъективную дефиницию 4 ии. (30%), дали субъективную дефиницию, не соответствующую словарному значению 8 ии.

(62%). Например, «говорится о военном походе, точнее, состоится ли он под главенством Володина на город Саратов», «возможно, речь идёт о том, что Володин – командующий судном. Он думает о том, чтобы отправиться в Саратов», «трудный выбор», «выражение, означающее трудность цели», «а почему нет?», «решишься ли он переехать», «переезд», «поделить Саратов». Из приведённой выборки очевидно, что обеими группами были репрезентированы схожие реакции со значением «начать войну/идти в военный поход» (3 реакции в группе 1, 1 реакция в группе 2).

Ниже представлены ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1 и группы 2 (см. Рис. 5, Рис. 6).

Рис.5

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1, не совпадающие со словарной дефиницией

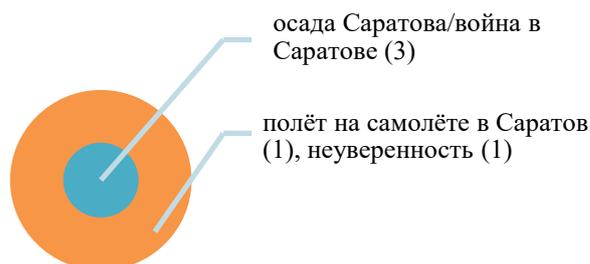
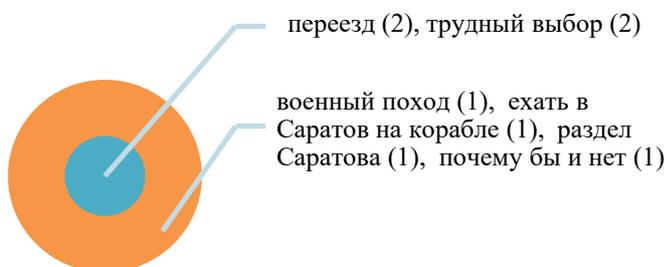

Рис.6

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 2, не совпадающие со словарной дефиницией

Семный анализ подтверждает присутствие в тропе семы, отражающей наличие пространственного признака.

Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: уровень образования, коллективное знание, гендерный фактор, индивидуальное знание, когнитивно-перцептивно-аффективный опыт.

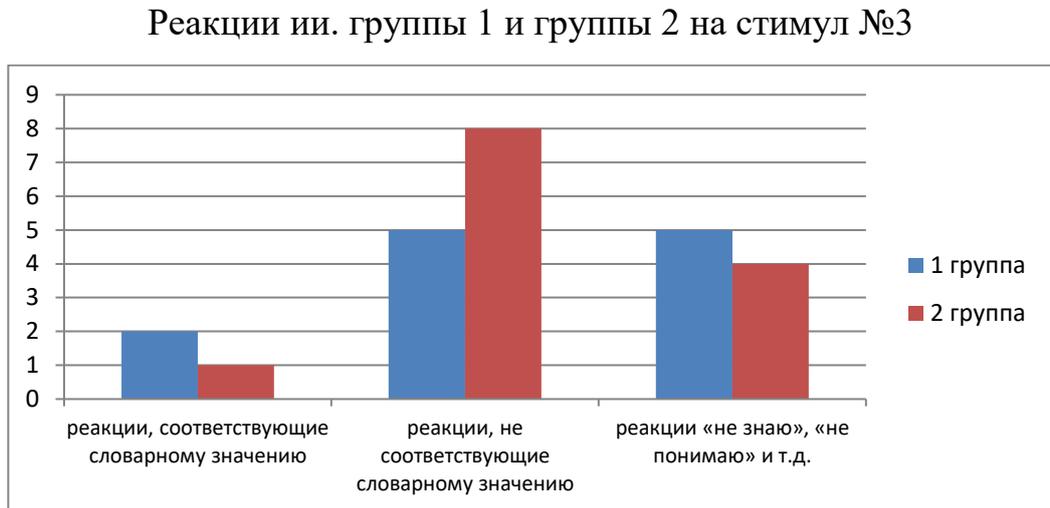
Реакции «я не знаю», «я не понимаю», «какое-то выражение» и т.д. в обеих группах, с нашей точки зрения, свидетельствуют о недостаточном уровне образования ии. Одними из наиболее распространённых среди ии. группы 1 являются реакции, связанные с военными действиями. С нашей точки зрения, выражение «идти на (какой-то город, страну, поселение и т.д.)» наиболее часто встречается в письменной речи, имеющей исторический контекст. Например, «Под Москвой стоят псковские и новгородские войска, которые должны **идти на Крым**» [НКРЯ], «Хан Кончак звал **идти на Киев**, где побиты были половцы» [НКРЯ], «освободить всех каторжных и ссыльных и, усиливши ими свое казацкое войско, **идти на Воронеж**, а потом и на самую Москву» [НКРЯ] и т.д. Поскольку история является обязательным общеобразовательным предметом, который изучают на протяжении всего обучения в школе, то именно значение «начинать военные действия» становится для них наиболее значимым. Указанная семантика, по нашему мнению, репрезентирует влияние фактора коллективного знания. Один ии. представил реакцию «будет ехать на Саратов». Центральным элементом восприятия, по нашему мнению, является глагол движения (пространственный компонент). Мы считаем, что в данном случае на восприятие оказывает влияние фактор индивидуального знания.

Сравнительный анализ реакций ии. женского и мужского пола группы 1 позволяет сделать вывод о том, что ии. женского пола не связывают рассматриваемый элемент со словарной дефиницией. Подобного рода разница позволяет учитывать гендерный фактор в качестве одного из влияющих на восприятие.

Одна из реакций имеет следующий вид: «возможно, речь идёт о том, что Володин – командующий судном! Он думает о том, чтобы отправиться в

Саратов». Апелляция к морской лексике может быть обусловлена наличием собственного когнитивно-перцептивно-аффективного опыта, предполагающего наличие более глубоких знаний в данной области. Отразим полученные данные о реакциях групп 1-2 на стимул №3 на гистограмме (см. Рис.7).

Рис.7

Наличие реакций, указывающих на отсутствие знаний о семантике тропа, наряду с представленной выше реакцией *«возможно, речь идёт о том, что Володин – командующий судном! Он думает о том, чтобы отправиться в Саратов»*, по нашему мнению, являются объективацией его эмотивного эффекта.

Стимул №9: «Стоять на цене так стоять» [НКРЯ].

Составным элементом тропа является глагол стандартного положения в пространстве «стоять». Его значения указаны в Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: 1. «находиться в вертикальном положении, уперевшись конечностями (ногами) в твёрдую опору, не передвигаясь», 2. «находиться неподвижно в вертикальном положении», 3. «быть поставленным, расположенным где-н., находиться где-н.», 4. «быть, находиться, занимая какое-н. положение, выполняя какую-н. работу, обязанности», 5. «быть, находиться, иметь место где-н. или в какое-н. время, вообще существовать», 6. «иметься в наличии, нуждаться в решении», 7. «иметь местопребывание», 8. «действовать в чьих-н. интересах, в каком-н. направлении, защищать, ограждать кого-что-н.», 9. «настаивать, стоять на своём», 10. «не двигаться, бездействовать», 11.

«сохраниться, не портиться», 12. «то же, что стоять в очереди» [Ожегов 2015: 771].

При определении значения данного стимула в группе 1 было установлено, что 58% реакций – это субъективные дефиниции, не соответствующие словарному значению. Например, «*быть товаром*», «*добиваться своей цели*», «*волноваться, но не показывать*», «*не нервничать, не суетиться*», «*так и должно быть*», «*то есть стоять на высоте и не сходить*». Одна реакция представляла собой рисунок, на котором изображён стоящий на возвышенности человек.

В группе 2 при определении значения данного стимула только 1 ии. затруднился с ответом (8%), 2 субъективные дефиниции не соответствовали словарному значению (15% реакций): «*падать так падать*», «*ответственный артист!*».

Ниже представлены ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1 (см. Рис. 8).

Рис.8

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1, не совпадающие со словарной дефиницией

В группе 2 среди реакций, не совпадающих со словарной дефиницией, выделить ядерное и периферийные значения не представляется возможным, так как большинство реакций (10) совпадают со словарным значением, а семантика двух представленных выше реакций не является идентичной.

Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: уровень

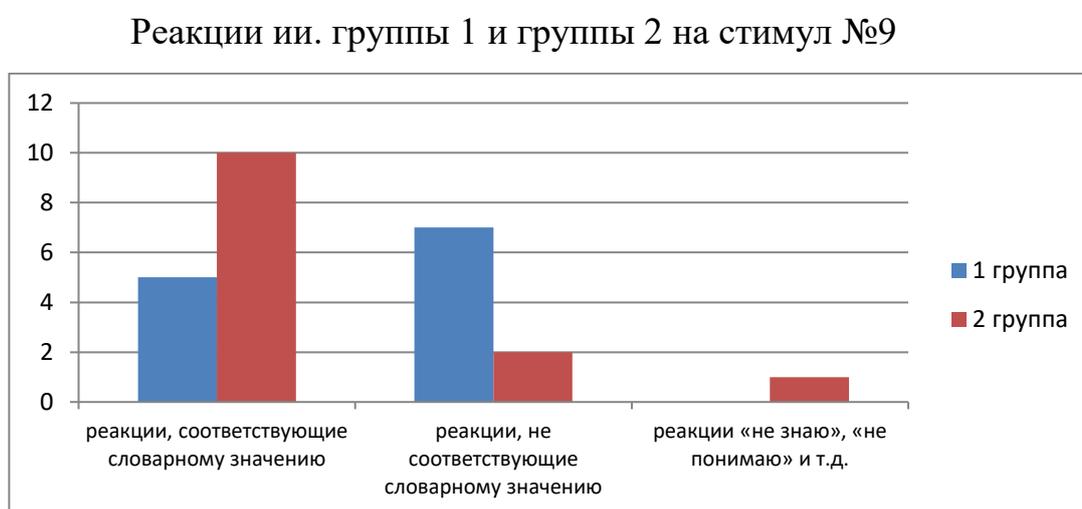
образования, коллективное знание, индивидуальное знание, когнитивно-перцептивно-аффективный опыт.

Рассмотрим две реакции, которые могут быть объединены одним значением: *«то есть стоять на высоте и не сходить»*, рисунок, на котором фигура человека стоит на высоте. В представленных реакциях чётко объективируется пространственный компонент тропа. Для ии. метафоричным является не глагол стандартного положения в пространстве «стоять», а существительное «цена». При этом «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой не предлагает каких-либо дефиниций настоящей лексемы, связанных с высотой. Возможно, когнитивно-перцептивно-аффективный опыт индивида, который в процессе жизни часто сталкивается с высокими ценами на какие-либо товары или услуги, частотное употребление словосочетания «высокая цена» привели к тому, что лексема «цена» для индивида из самостоятельной единицы с закреплённым за ней словарным значением превратилась в метонимию. Рассматриваемая лексема подразумевает словосочетание «высокая цена», которое в результате процесса метафоризации, приобретает дополнительные коннотативные оттенки значения, формируя семантику – «высота, высь». Мы считаем, что специфика восприятия в данном случае формируется под влиянием фактора индивидуального знания.

По нашему мнению, реакция *«смысл не понятен»* может быть обусловлена недостаточными знаниями в сфере жизни, представленной тропом, а не отсутствием знаний о переносном значении глагола «стоять». Мы считаем, что те же обстоятельства применимы к следующей реакции: *«падать так падать»*. Скорее всего, у ии. возникли сложности при интерпретации стимула как законченной мысли, поэтому при восприятии ии. выделил синтаксическую конструкцию с повторяющимся пространственным глаголом, а также значение глагола. Отметим, однако, что в качестве реакции была выбрана конструкция, в котором лексемой, антонимичной глаголу стандартного положения в пространстве, стал другой пространственный глагол – «падать», который обладает семантикой движения вниз. Мы предполагаем, что выбор именно данного глагола обусловлен наличием в тексте стимула лексемы «цена». Одними

из наиболее частотных лексем-глаголов, обозначающих действия, которые может производить цена, являются пространственные глаголы со значением «движение» («расти» или «падать»). Основываясь на данном факте, несмотря на антонимичный характер реакции по отношению к стимулу, мы считаем возможным сделать вывод о влиянии фактора индивидуального знания на восприятие. Одна из реакций на рассматриваемый стимул, по нашему мнению, основана на когнитивно-перцептивно-аффективном опыте ии.: «ответственный артист!». Отразим полученные данные о реакциях групп 1-2 на стимул №9 на гистограмме (см. Рис. 9).

Рис. 9

Стимул №10: «*Rfe 821. f 6 B: f 622. e 5 или 20... Rfd 821. f 6 B: f 622. e 5, но пора бежать ферзём*» [НКРЯ].

Составным элементом стимула является глагол передвижения в пространстве «бежать». Данная лексема обладает следующими значениями: 1. «двигаться быстро, резко отталкиваться от земли движениями ног», 2. «быстро двигаться, проходить, течь», 3. «спасаться, спастись бегством», 4. «о часах: спешить, идти вперёд» [Ожегов 2015: 39].

При определении значения данного стимула 6 ии. группы 1 (50%) затруднились с ответом, 50% реакций – субъективные дефиниции, не соответствующие словарному значению. Например, «шахматы», «я не играю в шахматы», «шахматы», «какие-то коды», «секретный код», «взлом компьютера».

При определении значения рассматриваемого стимула 2 ии. группы 2 (15%) затруднились с ответом, 61,5% реакций – субъективные дефиниции, не соответствующие словарному значению. Например, «партия в шахматы», «разыгрывается шахматная партия», «шахматная партия», «шахматы – хорошая игра», «ходы в шахматах», «идёт партия в шахматы», «речь идёт об игре в шахматы. Возможно, игровые комбинации или процесс рассуждения о предстоящем ходе в игре», «что-то связанное с шахматами».

Из приведённой выборки следует, что обеими группами были репрезентированы реакции с совпадающим значением, таким, как «шахматы/шахматная партия» – 11 реакций (3 в группе 1, 8 в группе 2). Ядро включает в себя значение «шахматы/шахматная партия», ближняя периферия – «код/секретный код», дальняя периферия – «взлом компьютера».

Ниже представлены ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1 и группы 2 (см. Рис. 10, Рис. 11).

Рис.10

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1, не совпадающие со словарной дефиницией

Рис.11

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 2, не совпадающие со словарной дефиницией

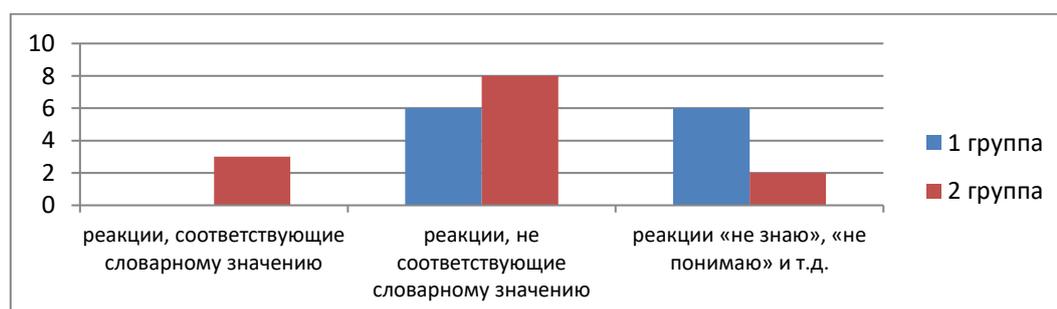
Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: уровень образования, гендерный фактор. Так, в группе 1 несколько ии. определили референтную область, о которой идёт речь в тропе: «шахматы», «я не играю в шахматы», «?шахматы». Два ии. сосредоточили внимание на названиях позиций фигур, которые в процессе восприятия трансформировались в коды: «какие-то коды», «секретный код». Один ии. посчитал, что приведенные в стимуле значения характерны для компьютерной сферы: «взлом компьютера». Приведённые реакции свидетельствуют о недостаточности знаний об игре в шахматы, а также о названиях фигур.

Сравнение реакций ии. женского и мужского пола группы 1, а также наличие среди них общей семантики «код» и указание на общую сферу деятельности, позволяет сделать вывод о более высоком уровне образования ии. женского пола, а также о влиянии гендерного фактора на процесс восприятия. В группе 2 один ии. в качестве знаменательного элемента восприятия выделил глагол движения в пространстве «бежать», предположительно, поэтому реакция данного ии. имела вид «быстрее уходит». Не представляется возможным определить, обладает ли ии. достаточными знаниями об игре в шахматы, однако тот факт, что ии. была обнаружена и декодирована метафора в тексте стимула, подтверждает более высокий уровень знаний данного ии. по сравнению с ии. группы 1.

Отразим полученные данные о реакциях групп 1-2 на стимул №10 на гистограмме (см. Рис. 12).

Рис. 12

Реакции ии. группы 1 и группы 2 на стимул №10

По нашему мнению представленные выше реакции («?шахматы», «какие-то коды») – это результат реализации эмотивного эффекта рассматриваемого тропа.

Далее приведём сводные данные анализа реакций ии. обеих групп на стимулы, представленными дефинициями, соответствующими словарным трактовкам.

Стимул №4: «Он решил больше *не ходить* в прошлое. *Будь что будет!*» [НКРЯ].

В состав данного тропа входит глагол передвижения в пространстве «ходить». Согласно данным «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, он обладает следующими значениями: 1. «то же, что идти (в 1, 2, 3, 10, 15 и при знач. бытийности, также в 14 знач.), но обозначает движение, совершающееся не в одно время, не за один приём, и не в одном направлении», 2. «одеваться во что-н., носить (во 2 знач.) что-н., иметь какой-н. внешний вид», 3. «быть кем-н., исполнять какие-н. обязанности, находиться в каком-н. состоянии», 4. «заботиться о ком-н., ухаживать», 5. «о животных: использоваться в какой-н. упряжке, двигаться каким-н. образом», 6. «шататься, колебаться, колыхаться», 7. «испражняться», мочиться» [Ожегов 2015: 865].

В группе 1 отсутствуют дефиниции, не соответствующие словарному значению. В группе 2 реакции, не соответствующие словарной дефиниции, составляют 4% от общего числа реакций («*правильно сделал*»).

Мы считаем возможным не представлять графически семантические поля данного стимула, поскольку 24 из 25 субъективных дефиниций ии. соответствуют словарному значению (96% реакций) и объединены значением «перестать двигаться в направлении прошлого».

Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: коллективное знание. Например, реакции ии. обеих групп «*У него, кажется, плохое прошлое, и он решил перестать думать о нём и пустил всё на самотёк*», «*жить настоящим*», «*жить настоящим. Здесь и сейчас*», «*он решил не думать о*

прошлом и жить настоящим», *«он решил больше не возвращаться к прошлому»*, *«пусть жизнь плывёт по течению. Не надо в прошлом о чём-то жалеть. Что было, то было. Нужно жить здесь и сейчас»*, *«он решил жить настоящим»* и т.д. С нашей точки зрения, они основаны на представлении о прошлом как о чём-то, что невозможно изменить, а также о ценности жизни в настоящий момент времени. Отдельно отметим реакции *«всё верно! Всё, что у нас есть, – это настоящее»*, *«правильно сделал»*, которые содержат в себе оценочные суждения. Первая из них обладает семантикой аналогичной реакциям, представленным выше. Однако на её формирование оказал влияние когнитивно-перцептивно-аффективный опыт.

Отразим полученные данные о реакциях групп 1-2 на стимул №4 на гистограмме (см. Рис. 13).

Рис. 13

Реакции ии. группы 1 и группы 2 на стимул №4

По нашему мнению, представленные выше реакции, содержащие в себе оценочный компонент (*«правильно сделал»*, *«пусть жизнь плывёт по течению. Не надо в прошлом о чём-то жалеть. Что было, то было. Нужно жить здесь и сейчас»*, *«он решил жить настоящим»*) объективируют эмотивный эффект рассматриваемого тропа с пространственной семантикой.

Стимул №5: *«Это упущение особенно должно лежать на душе Новгородского летописца»* [НКРЯ].

Составным элементом тропа является глагол стандартного положения в пространстве *«лежать»*. Рассмотрим его словарные значения: 1. «Находиться всем телом на чём-н. в горизонтальном положении», 2. «о больном: находиться в

постели», 3. «о предметах: находиться на поверхности, в неподвижном положении (широкой своей частью, горизонтально), 4. «находиться, быть, храниться», 5. «находиться в стационаре (во 2 знач.)», 6. «существовать, занимая собой какое-н. пространство на поверхности чего-н.», 7. «в некоторых сочетаниях: быть, находиться где-н.», 8. «быть расположенным где-н., иметь направление куда-н.», 9. «находиться в качестве чьей-н. обязанности, на чьей-н. ответственности» [Ожегов2015: 322].

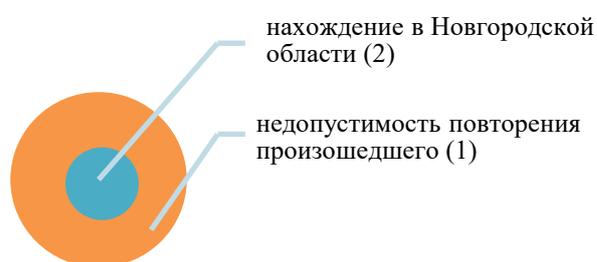
При определении значения данного стимула затруднились с ответом 5 ии. группы 1 (42% реакций), 25% – это субъективные дефиниции, не совпадающие со словарным значением. Например, «это должно быть в Новгородской области», «это относится к Новгородской области», «он больше не должен допустить этого».

При определении значения данного стимула в группе 2 затруднились с ответом 4 ии. (30%), 8% реакций – это субъективные дефиниции, не совпадающие со словарным значением. Например, «Нестор».

Представим семантические поля субъективных дефиниций группы 1, не соответствующих словарному значению (см. Рис. 14).

Рис.14

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1, не совпадающие со словарной дефиницией

Мы считаем возможным не представлять семантическое поле субъективных дефиниций группы 2, не соответствующих словарному значению, так как к данной категории относятся одна реакция («Нестор»).

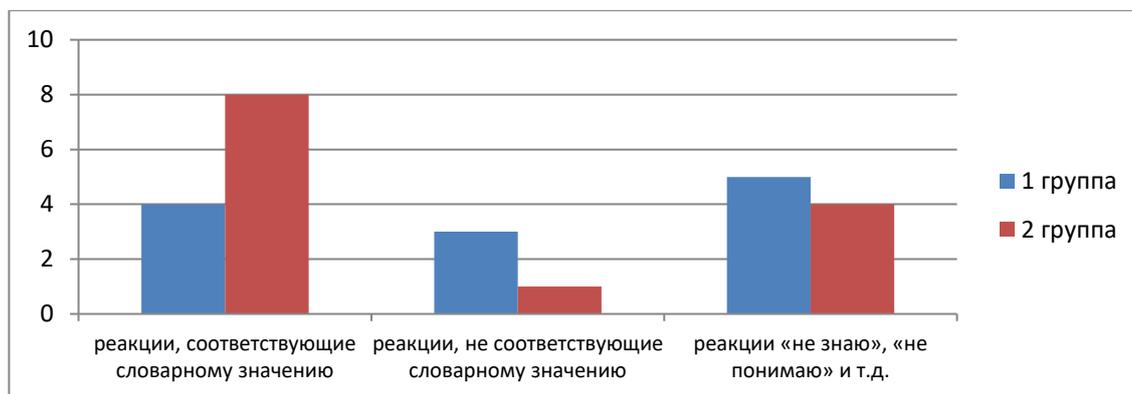
Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие

признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: коллективное знание, уровень образования, гендерный фактор. Например, рассматриваемый стимул вызвал у ии. группы 1 значительные затруднения, о чём свидетельствуют реакции вида «не знаю», «не понимаю». Мы считаем, что действующим фактором восприятия в данном случае является уровень образования. Реакции «это должно быть в Новгородской области», «это относится к Новгородской области», по нашему мнению, также указывают на отсутствие достаточных знаний о содержании стимула, которые ии. пытаются компенсировать, выделяя в качестве ключевого компонента стимула лексему «Новгородского», логически определяя её расположение (Новгородская область). Отметим, что в данном случае знаменательным элементом для ии. оказывается пространственный компонент тропа. Ряд реакций, соответствующих словарной дефиниции, основан на причинах/последствиях действий летописца, которые стали причиной/результатом того, что упущение должно «лежать» на его «душе». Их значения свидетельствуют о том, что в языковом сознании ии. группы 2 словосочетание «лежать на душе» является вариантом языковой метафоры «камень на душе лежит». На восприятие стимула в данном случае оказал влияние фактор коллективного знания. Отметим также, что данная метафора, обладающая пространственной семантикой, репрезентирует концепт пространственного кода культуры в рамках тропа.

Сравнение реакций ии. женского и мужского пола группы 1 позволило установить, что половина ии. женского пола в своих реакциях (50% от числа реакций ии. женского пола) основывалась на словарном значении. Ии. мужского пола, наоборот, более чем в 50% реакций связывали содержание стимула с иными, несловарными дефинициями. Таким образом, в рассматриваемой группе прослеживается зависимость ядерного значения реакции от гендера.

Отразим полученные данные о реакциях групп 1-2 на стимул №5 на гистограмме (см. Рис. 15).

Реакции ии. группы 1 и группы 2 на стимул №5

В данном случае рассмотренные реакции ии. содержат как оценочные суждения («он больше не должен допустить этого»), так и реакции, указывающие на отсутствие знаний о значении тропа («не знаю», «не понимаю»). По нашему мнению, они представляют собой языковую репрезентацию эмотивного эффекта тропа с пространственной семантикой.

Стимул №6: «... простуда стала *спускаться* в трахеи и бронхи» [НКРЯ].

Рассмотрим словарные дефиниции глагола движения «спускаться»: 1. «см. спуститься», 2. «располагаться по наклонной плоскости сверху вниз», 3. «то же, что свисать (в 1 знач.)» [Ожегов 2015: 758]. Лексема «спуститься» обладает следующими значениями: 1. «переместиться сверху вниз», 2. «о ночи, тумане: настать», 3. «о петле в вязанье: выпасть из ряда, раскрепиться» [Ожегов 2015: 758]. Первое значение лексемы «свисать»: «быть опущенным вниз, находиться в висячем положении» [там же: 703].

При определении значения данного стимула в группе 1 один ии. затруднился с ответом (8%), 42% реакций – это субъективные дефиниции, не соответствующие словарному значению. Например, «биология-здоровье», «здоровье», «болезнь», «заболела», «нужно ехать в больницу».

При определении значения данного стимула в группе 2 было установлено, что 31% реакций – это субъективные дефиниции, не соответствующие словарному значению. Например, «пневмония», «возможно возникновение

бронхита», «упрощённый врачебный термин», «*j'ai commencé à avoir froid dans la tracheé et les bronches*».

Из приведённой выборки очевидно, что обеими группами были репрезентированы реакции со значением «болезнь/пневмония/бронхит» (2 реакции у ии. группы 1, не совпадающих со словарной дефиницией, 2 реакции у ии. группы 2, не совпадающих со словарной дефиницией, всего 4 реакции). Ядро включает в себя представленное выше значение, ближняя периферия – здоровье, дальняя периферия – необходимость отъезда в больницу, упрощённый медицинский термин, а также индивидуальную реакцию ии. группы 2 женского пола «*j'ai commencé à avoir froid dans la tracheé et les bronches*».

Представим семантические поля субъективных дефиниций группы 1 и группы 2, не соответствующие словарному значению (см. Рис. 16, Рис. 17).

Рис.16

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1, не совпадающие со словарной дефиницией

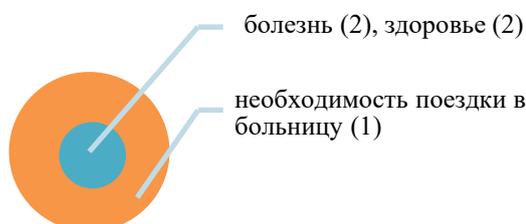
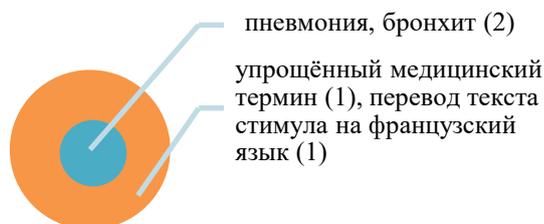

Рис.17

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 2, не совпадающие со словарной дефиницией

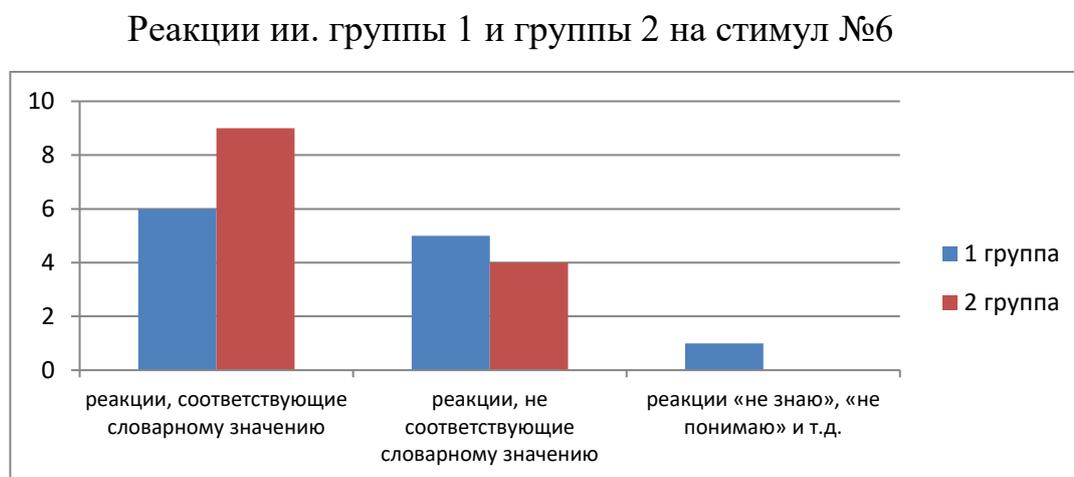
Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: коллективное

знание, уровень образования, гендерный фактор. По нашему мнению, в отличие от стимулов №3 и №5, в которых референтная область являлась способом иллюстрации наличия знаний о ней, в данном случае такие реакции являются наиболее ёмкой(-ими) лексемой(-ами), выражающей(-ими) содержание стимула, его основную мысль. Восемь ии. группы 1 указали на ухудшение здоровья. По нашему мнению, подобное разнообразие, а также наличие знаний о возможных последствиях распространения простуды в дыхательных органах основаны на индивидуальном знании. Мы считаем, что в реакциях на данный стимул могут быть отражены болезни и их последствия, которые случались у ии., их родственников и знакомых, поэтому реакции ии. данной группы отличаются конкретностью и разнообразием. Реакция одного ии. представляет собой высказывание на французском языке. Поскольку на студенческих занятиях по иностранному языку ии. находились в условиях академической коммуникации на французском языке, то, как нам представляется, на восприятие стимула оказало влияние коллективное знание. Другим фактором является наличие профессиональных знаний по рассматриваемой теме. В группе 1 и в группе 2 ии. в своих реакциях апеллируют к здоровью, к ухудшению его состояния. В отличие от группы 1, ии. группы 2 не указывают на конкретные последствия заболеваний, а ограничиваются общими формулировками, связанными с возможным обострением состояния здоровья. С нашей точки зрения, такое явление можно объяснить изменением восприятия опасности заболевания. О действии фактора коллективного знания свидетельствуют реакции, совпадающие со словарной дефиницией. Например, *«вирус начал распространяться в лёгких»*, *«стала ухудшаться»* и т.д. Отметим также, что первая из указанных реакций основана на пространственном концепте тропа.

Сравнительный анализ реакций ии. женского и мужского пола группы 2 позволил сделать вывод о том, что для ии. женского пола более значим процесс заболевания, изменение состояние здоровья. Для ии. мужского пола значим как процесс заболевания, так его последствия. Именно в этом, по нашему мнению, и проявляется действие гендерного фактора.

Отразим полученные данные о реакциях групп 1-2 на стимул №6 на гистограмме (см. Рис. 18).

Рис. 18

Мы считаем необходимым отметить реакцию ии. *«нужно ехать в больницу»*. В данном случае троп в составе стимула репрезентирует акцентный концепт (здоровье, изменение его состояния), наполняя его новым смыслом посредством использования лексемы с пространственной семантикой. Данный приём является реализацией суггестивного эффекта тропа. По нашему мнению, знаменательными являются следующие свойства тропа: семантический, когнитивно-психологический, риторический параметр.

Стимул №7: *«Не секрет, что госчиновники за определенную плату имеют обыкновение «прислоняться» к той или иной группе акционеров»* [НКРЯ].

В состав стимула №7 входит глагол нестандартного положения в пространстве «прислониться». Наличие кавычек указывает на то, что употребление данной лексемы в приведённом фрагменте может быть метафоричным. Приведём словарные дефиниции: «став или сев близко к кому-чему-н., опереться на кого-что-н., приблизиться вплотную» [Ожегов, 2015: 598].

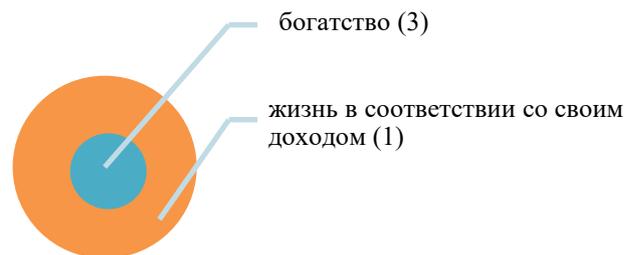
При определении значения данного стимула с ответом затруднились 3 ии. (25% реакций), 33% реакций не соответствуют словарной дефиниции в группе 1. Например: *«быть богатыми», «богатые люди», «как зарабатываешь, так и живёшь»*. Одна реакция – это рисунок, на котором человек изображён с мешком с надписью «деньги».

В группе 2 затруднился с ответом один ии. (7,5% реакций), 7,5% реакций не совпадают со словарной дефиницией: «*я бы тоже прислонился*».

Представим семантические поля субъективных дефиниций группы 1, не соответствующих словарному значению (см. Рис. 19).

Рис.19

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1, не совпадающие со словарной дефиницией

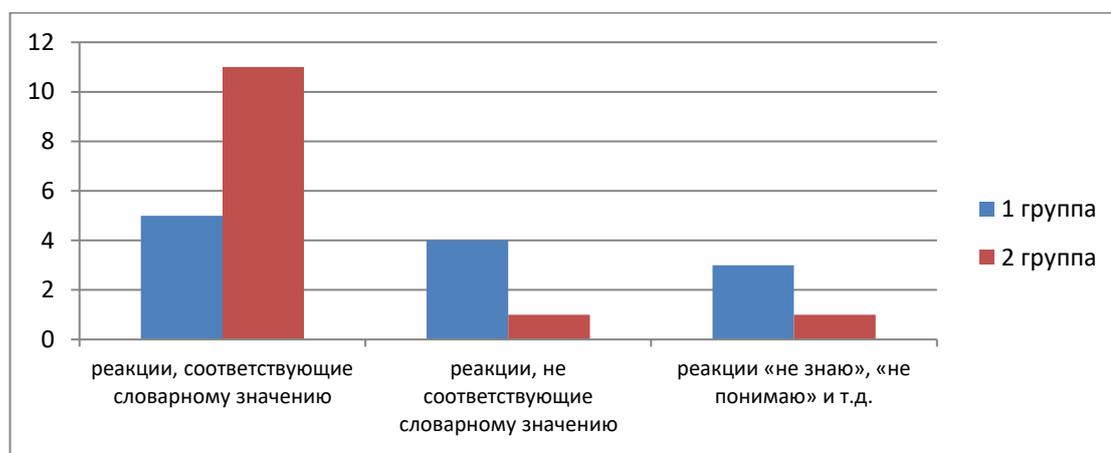
Мы считаем возможным не представлять семантическое поле реакций ии. группы 2 графически, поскольку реакция, не соответствующая словарной дефиниции, единична, а 100% реакций, соответствующих словарному значению, обладают общей семантикой коррумпированности чиновников.

Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: коллективное знание, индивидуальное знание, уровень образования, гендерный фактор. Например, реакция трёх ии. имела вид «*не знаю*». Сравнение данного количества реакций ии. с показателем словарных и несловарных значений оказывается достаточно значимым. Наличие таких реакций может быть вызвано не только недостаточными знаниями в данной области, но и тем, что лексема с пространственной семантикой представлена в кавычках, что подразумевает её употребление не в прямом значении. Реакция «*как зарабатываешь, так и живёшь*», по нашему мнению, репрезентирует влияние фактора индивидуального знания. Ряд реакций, объединённых общим значением коррумпированности («*продажные люди*», «*коррупция*» и т.д.) свидетельствует об отрицательном отношении к данной ситуации. По нашему мнению, специфика восприятия в

представленных случаях формируется под влиянием коллективного знания о коррупции как о негативном явлении. В результате сравнения реакций ии. женского и мужского пола группы 1 было установлено, что 3 ии. женского пола представили реакцию «не знаю», что свидетельствует о более высоком уровне образования ии. мужского пола. Отразим полученные данные о реакциях групп 1-2 на стимул №7 на гистограмме (см. Рис. 20).

Рис. 20

Реакции ии. группы 1 и группы 2 на стимул №7

Рассмотренные выше реакции «не знаю», «я бы тоже прислонился», «как зарабатываешь, так и живёшь» репрезентируют эмотивный эффект тропа.

Стимул №8: «А Полинка склонна к полноте как и я, придётся, как маме в её возрасте *сидеть на варёной капусте*:-)» [НКРЯ].

В составе стимула присутствует глагол стандартного положения в пространстве «сидеть», обладающий следующими значениями: 1. «находиться, не передвигаясь, в таком положении, при к-ром туловище опирается на что-н. нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты», 2. «о птицах, насекомых: находиться неподвижно на одном месте», 3. «находиться в каком-н. месте, внутри чего-н.; быть помещённым куда-н.», 4. «находиться, пребывать в каком-н. состоянии или усидчиво заниматься чем-н.», 5. «иметь какую-н. осадку, углубляться в воду», 6. «об одежде: находиться на фигуре, подходя или не подходя к её формам», 7. «отбывать наказание в тюрьме (разг.)» [Ожегов 2015: 716]. Отметим, что особенностью данного стимула является наличие в его заключительной части эмотикона.

При определении значения данного стимула у одного ии. возникли сложности (8% реакций), 33% дефиниций не соответствуют словарному значению в группе 1. Например, «проблемы с метаболизмом», «не придётся, никто не полный», «семейный комплекс», «генетическая полнота».

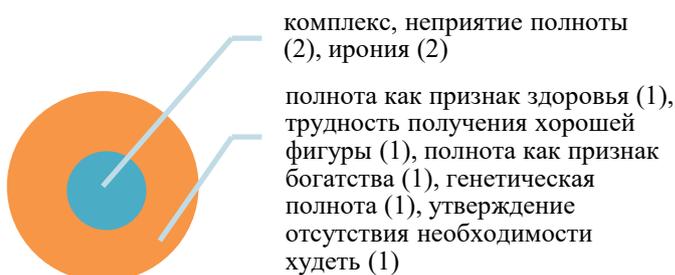
При определении значения данного стимула в группе 2 у двух ии. возникли затруднения с ответом (15% реакций), 39% дефиниций – это реакции, не соответствующие словарному значению. Например, «подруга Полины иронизирует над ней», «ирония», «Полине нужно научиться принимать себя и не слушать мнение окружающих. Главное – это физическое и ментальное здоровье», «полнота – признак богатства», «девушкам трудно даётся хорошая фигура».

Из приведённой выборки очевидно, что обеими группами были репрезентированы схожие реакции. Например, «комплекс, неприятие полноты» (1 реакция в группе 1 среди дефиниций, не соответствующих словарному значению, 1 реакция в группе 2 среди дефиниций, не соответствующих словарному значению, всего 2), «ирония» (2 реакции в группе 2 среди дефиниций, не соответствующих словарному значению). Ядро включает в себя представленные выше значения, периферия – полнота как признак здоровья, трудность получения хорошей фигуры, полнота как признак богатства, генетическая полнота, утверждение отсутствия необходимости худеть.

Ниже представлено семантическое поле субъективных дефиниций групп 1-2, не соответствующих словарному значению (см. Рис. 21).

Рис. 21

Ядерные и периферийные значения реакций ии. группы 1-2, не совпадающие со словарной дефиницией

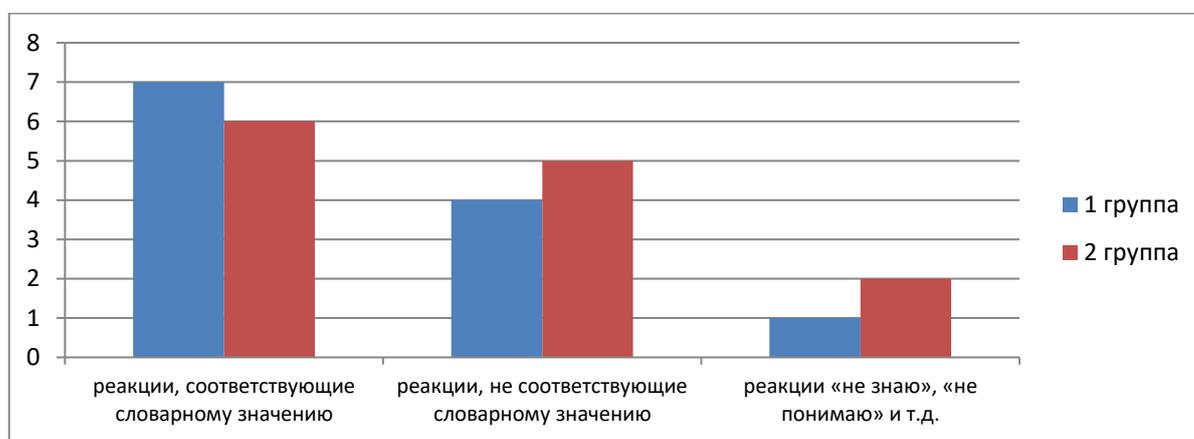
Кроме того, в результате анализа и проверки гипотезы в части факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов, нами были выявлены следующие признаки, влияющие на концептуализацию значения стимула: коллективное знание, индивидуальное знание, когнитивно-перцептивно-аффективный опыт, уровень образования, профессиональный фактор, гендерный фактор. Например, при восприятии стимула ии. группы 1 наличие эмотикона оказалось второстепенным. Большинство реакций указывают на проблемы с лишним весом и необходимость похудеть («*придётся сесть на диету*», «*диета и только диета*» и т.д.). По нашему мнению, содержание реакций указывает на сложившийся социальный стереотип о стройной фигуре как о стандарте красоты. Кроме того, приведённая выше реакция («*придётся сесть на диету*») содержит в себе пространственный компонент. Использование глагола с пространственной семантикой «*сесть*» в составе данной реакции является репрезентацией пространственного кода культуры русскоязычного носителя языка. Фактор индивидуального знания представлен в реакциях: «*семейный комплекс*», «*генетическая полнота*». Апелляция в данных случаях идёт не к полноте, а к наличию мысли о генетической предрасположенности к ней. Представленная прочерком реакция у одного ии. группы 1 женского пола может быть обусловлена наличием эмотикона. При восприятии стимула именно он может затруднять понимание. С нашей точки зрения, данное обстоятельство связано с недостаточным уровнем знаний.

Повествователем в тексте стимула является некая «я». Пояснения о том, к какому полу относится данное личное местоимение, а также о том, в каких отношениях «я» состоит с Полиной, отсутствуют. Ии. в данной реакции предполагает, что речь идёт о подруге («*подруга Полины иронизирует над ней!*»). Возможно, специфика восприятия данного ии. формируется под влиянием когнитивно-перцептивно-аффективного опыта. Реакция «*полнота – признак богатства*» представлена ии. группы 2 – студентами, обучающимися по специальности «международные отношения». Поскольку ии. был представителем восточноазиатской культуры, в которой лишний вес является признаком

благополучия и успешности, то мы считаем возможным предположить, что данное представление основано на профессиональных знаниях в области истории, а также на коллективном знании. Данная реакция чётко репрезентирует культурный код данного этноса. Одна из реакций является оценочным суждением: «*девушкам трудно даётся хорошая фигура*». Содержание реакции не противоречит необходимости отсутствия полноты, т.е. соответствует коллективному знанию о стандартах красоты. Отразим полученные данные о реакциях групп 1-2 на стимул №8 на гистограмме (см. Рис. 22).

Рис. 22

Реакции ии. группы 1 и группы 2 на стимул №8

Рассмотренные выше реакции с оценочным компонентом, по нашему мнению, реализуют эмотивный эффект тропа. Некоторые из них («*полнота – признак богатства*», «*девушкам трудно даётся хорошая фигура*») указывают на его суггестивное воздействие. Знаменательным свойством тропа в представленных случаях будет выступать культурно-исторический параметр. О реализации тропом рассматриваемого типа воздействия свидетельствуют и реакции, объективирующие семантику иронии. Наиболее значимым свойством тропа в указанном случае будет выступать семантический параметр.

Проведённый анализ реакций ии. групп 1-2 на стимулы № 1-10 подтвердил частную гипотезу первого этапа эмпирического исследования с применением методики субъективных дефиниций. Было установлено, что индивидуальное и коллективное знание – это доминирующие факторы, оказывающие влияние на специфику восприятия индивида. Доминанта индивидуального и коллективного

знания не исключила влияния других факторов. В результате проведённого исследования было установлено, что они включают в себя когнитивно-перцептивно-аффективный опыт индивида, гендерный фактор, возрастной фактор, фактор профессиональной подготовки индивида, уровень образования. Исследование параметров факторизации, формирующих специфику восприятия, значимо для нашего исследования. Вербализация тропа с пространственной семантикой – это результат комплексного взаимодействия перцептивных процессов, рассмотренных в рамках данного этапа исследования, а также когнитивных процессов, исследуемых на втором этапе эмпирического исследования.

Анализ результатов первого этапа работы позволил сделать вывод о реализации тропом эмотивного воздействия посредством оценочных суждений, а также суггестивного эффекта, основанного на семантическом, когнитивно-психологическом, культурно-историческом, а также риторическом параметре тропа с пространственной семантикой.

3.3. Второй этап исследования: свободный ассоциативный эксперимент

3.3.1. Задачи и гипотеза свободного ассоциативного эксперимента

Частной гипотезой стало предположение о том, что формирование и восприятие тропов с пространственной семантикой – это результат действия когнитивного механизма метафоризации, влияющего на объективацию абстрактного языкового конструкта в инварианте значения исследуемого феномена, а также о том, что семантический, лингвокогнитивный и культурно-исторический параметры являются наиболее значимыми для формирования суггестии тропа с пространственной семантикой.

Задачи эксперимента

Для второго этапа эмпирического исследования нами были сформулированы следующие задачи:

- поскольку в первой части эмпирического исследования нами была установлена значимость факторов при восприятии тропов с пространственной семантикой, то представляется важным верифицировать значимость факторов при восприятии тропов с пространственной семантикой на уровне конкретных ассоциатов;
- выявить особенности восприятия тропов с пространственной семантикой как результатов процесса метафоризации;
- установить наличие суггестивного эффекта у тропов с пространственной семантикой.

3.3.2. Участники и процедура эксперимента

Участниками эксперимента стали 189 человек. Из них:

- группа 1 – обучающиеся 9А,Б и 10А класса муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №58 имени генерал-майора М.В. Овсянникова» в возрасте 14-16 лет в количестве 98 человек;
- группа 2 – студенты первого курса Курского государственного медицинского университета, обучающиеся по направлению подготовки «Лечебное дело» в возрасте 17-18 лет в количестве 29 человек;
- группа 3 – студенты третьего курса Курского государственного университета, обучающиеся по направлению подготовки «Международные отношения» в возрасте 20-21 г. в количестве 6 человек;
- группа 4 – студенты первого курса Курского государственного медицинского университета, обучающиеся по направлению подготовки «Педиатрия» в возрасте 17-18 лет в количестве 14 человек;

- группа 5 – студенты первого курса Курского государственного медицинского университета, обучающиеся по направлению подготовки «Фармакология» в возрасте 17-18 в количестве 12 человек;

- группа 6 – студенты третьего курса Юго-западного государственного университета, обучающиеся по направлению подготовки «Электроснабжение» в возрасте 20-21 г. в количестве 16 человек;

- группа 7 – студенты первого курса Курского государственного университета, обучающиеся по направлению подготовки «Преподавание русского языка и литературы» в возрасте 17-18 лет в количестве 14 человек.

Всего 189 человек.

Такой выбор объясняется наличием факторов (гендерный, возрастной, уровень образования, уровень сформированности индивидуальных и коллективных знаний, профессиональный фактор), необходимых для анализа и интерпретации полученных результатов.

Ии. предъявлялась карточка со стимулом. В верхнем правом углу на условиях анонимности указывался возраст, пол, уровень образования. Во время проведения эксперимента инструкция была следующей: «Напишите первое, что приходит Вам в голову после прочтения словосочетаний». Количество реакций, их форма и время на ответы не ограничивалось. Во время проведения основного эксперимента ии. не были ограничены в выборе формы реакции на стимул. Карточка предъявлялась однократно.

Анализ полученных результатов производился с учётом понятия индекса яркости семы (далее – ИЯ), рассматриваемого в работе И.А. Стернина в соавторстве с В.В. Левицким [Левицкий, Стернин 1989] и конкретизированного в работе И.А. Стернина, А.В. Рудаковой [Рудакова, Стернин 2011]. ИЯ представляет собой отношение количества ии., вербализовавших данную сему в экспериментах, к общему числу ии.

3.3.3. Отбор материала исследования

Материалом исследования послужили 15 тропеических словосочетаний/предложений, содержащих в себе следующие лексемы с пространственной семантикой: наречие (поперёк, назад), прилагательное (маленький, левый), существительные (город, жизнь, небо), предлоги (на, мимо), глаголы стандартного положения в пространстве (лежать, висеть), глаголы нестандартного положения в пространстве (упираться, опереться), глаголы движения (ехать, ползти), взятых методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Критерии отбора разноуровневых языковых средств:

- морфологическое разнообразие средств объективации ПКМ в индивидуальном лексиконе (наличие различных частей речи с пространственной семантикой);

- количественные данные из НКРЯ по частотности употребления.

Стимул 1: «*город был одет*» [НКРЯ].

Стимул 2: «*лежать как лодка*» [НКРЯ].

Стимул №3: «*литр левый глотнуть*» [НКРЯ].

Стимул №4: «*мизинец должен “висеть”*» [НКРЯ].

Стимул №5: «*маленький – миллиард долларов*» [НКРЯ].

Стимул №6: «*мимо любви*» [НКРЯ].

Стимул №7: «*на тот свет ехать*» [НКРЯ].

Стимул №8: «*назад крутишь – назад едешь*» [НКРЯ].

Стимул №9: «*небо не виновато*» [НКРЯ].

Стимул 10: «*опереться на пустоту*» [НКРЯ].

Стимул №11: «*ползти по региону*» [НКРЯ].

Стимул №12: «*поперек всяких инструкций*» [НКРЯ].

Стимул №13: «*сваливать на квин*» [НКРЯ].

Стимул №14: «*упираться ишаком*» [НКРЯ].

Стимул №15: «*“языковая” жизнь!*» [НКРЯ].

3.3.4. Количественная обработка полученных данных

В ходе количественной обработки результатов данной части эксперимента все бланки признаны пригодными к анализу (см. Табл. 3).

Таблица 3

Количественные данные об испытуемых (ии.)

Группа	Кол-во ии. мужского пола	Кол-во ии. женского пола	Общее количество реакций
1 группа	45	53	1436
2 группа	13	16	427
3 группа	3	3	90
4 группа	2	12	210
5 группа	2	10	163
6 группа	12	4	240
7 группа	-	14	206
Итого	77	112	2772

Всего: 2772 реакции

3.3.5. Анализ и интерпретация результатов эксперимента

Проверяя гипотезу данного этапа эмпирического исследования, мы проанализировали реакции ии. групп 1-7 на стимулы №1-15.

Согласно полученным данным, на 15 стимулов в каждой из групп (1-7) среди прочих были получены реакции в переносном значении, т.е. наблюдался процесс метафоризации. При составлении ассоциативных полей стимулов было отмечено высокое количество совпадающих реакций. Проанализируем реакции, полученные на каждый из стимулов. Представим наиболее репрезентативные.

Стимул 1: «город был одет» [НКРЯ].

Словарная дефиниция лексемы с пространственным значением «город»: 1. «крупный населённый пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр», 2. «центральная главная часть этого населённого пункта в отличие от окраин и при ~ ов (разг.)», 3. «в старину на Руси: ограждённое стеной, валом поселение; крепость», 4. «ед. ч. Городская местность в отличие от сельской,

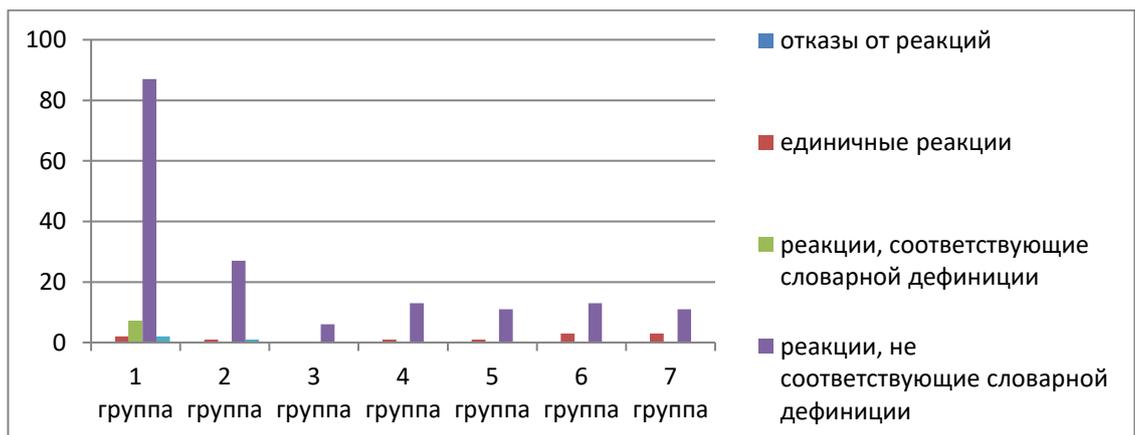
деревенской», 5. «в игре в ~ ки: площадка, на к-рой ставятся фигуры из ~ ков» [Ожегов 2015: 140].

Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №1 (в качестве повторяющихся рассматривались реакции, содержащие в себе одну и ту же лексему в различных сочетаниях при совпадении семантики): снег (50), украшение (27), шапка/шарф/пальто/куртка/тёплая одежда (20), зима (14), осень (6), весна (5).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,07/0,93, отказов от реакций – 0; группа 2 – 0/1, отказов от реакций – 0; группа 3 – 0/1, отказов от реакций – 0; группа 4 – 0/1, отказов от реакций – 0; группа 5 – 0/1, отказов от реакций – 0; группа 6 – 0/1, отказов от реакций – 0; группа 7 – 0/1, отказов от реакций – 0. Представленные данные, с нашей точки зрения, объективируют вербальную креативность инварианта тропа. Таким образом, проанализированный материал на стимул №1 можно представить в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 23).

Рис. 23

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №1

Как следует из приведённой гистограммы, большинство ии. каждой из групп представили реакции, не соответствующие словарному значению. Однако абсолютное большинство реакций, включающих в себя лексему «снег», а также её формы, свидетельствует о влиянии коллективного знания на процесс восприятия, поскольку именно наличие снега в нашей стране ассоциировалось у ии. с

одеждой. Из данных гистограммы (см. Рис. 23) следует, что именно указанный фактор является доминирующим. Отметим, что реакции, не соответствующие словарной дефиниции, представлены в группе 1 в виде рисунков. Единичная реакция «*построить проспект Плевицкой*» (группа 6) может быть объяснена ситуацией восприятия региональной топонимики города Курска, поскольку данный проспект располагается недалеко от образовательной организации, в которой проводилось эмпирическое исследование. В целом, количество единичных реакций незначительно (6% от общего количества). Нейтральные реакции также единичны (1,5% от общего количества).

Ядро семантического поля представлено следующими семантическими компонентами: снег (50). Ближняя периферия – украшение (27), шапка/шарф/пальто/куртка/тёплая одежда (20). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: зима (14). Крайняя периферия – осень (6), весна (5).

Реакций ии., обладающих пространственной семантикой, нами зафиксировано не было.

Стимул 2: «*лежать как лодка*» [НКРЯ].

Словарная дефиниция лексемы с пространственной семантикой «лежать»: 1. «находиться всем телом на чём-н. в горизонтальном положении», 2. «о больном: находиться в постели», 3. «о предметах: находиться на поверхности, в неподвижном положении (широкой своей частью, горизонтально)», 4. «находиться, быть, храниться», 5. «находиться в стационаре (во 2 знач.)», 6. «существовать, занимая собой какое-н. пространство на поверхности чего-н.», 7. «в некоторых сочетаниях: быть, находиться где-н.», 8. «быть расположенным где-н., иметь направление куда-н.», 9. «находиться в качестве чьей-н. обязанности, на чьей-н. ответственности» [Ожегов 2015: 322].

Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №2: не двигаться/без движения (40), ничего не делать/бездельничать (24), лень (15), бревно (6).

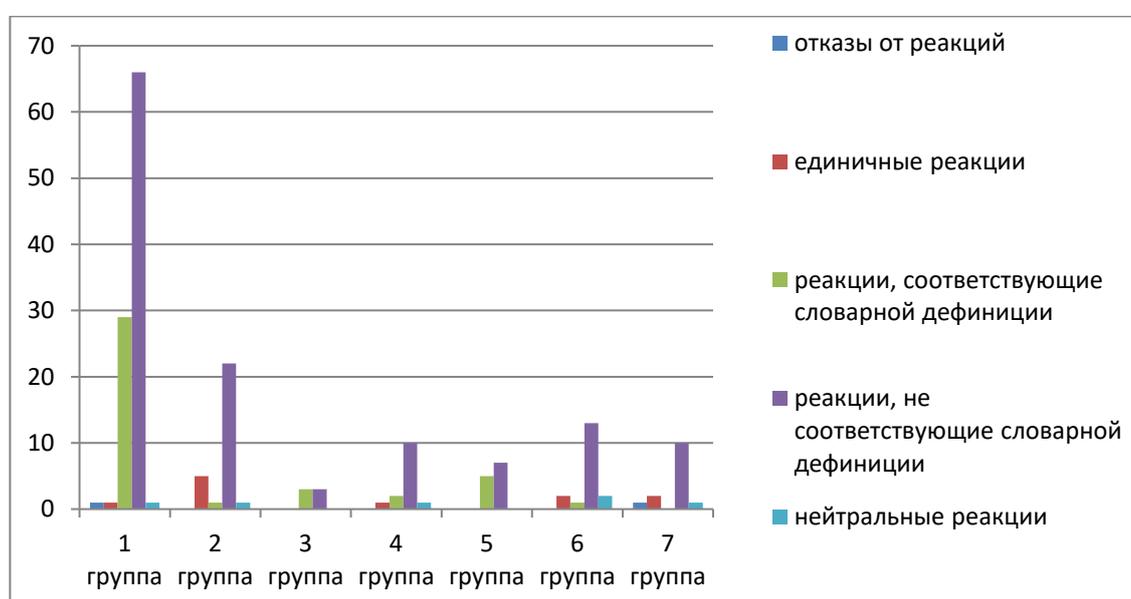
Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций соответствующих/несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,3/0,69, отказов от

реакций – 1; группа 2 – 0,03/0,97, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0,5/0,5, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0,14/0,86, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0,42/0,58, отказов от реакций – нет; группа 6 – 0,06/0,94, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0/0,93, отказов от реакций – 1. Схожие показатели в группах 3, 5 могут свидетельствовать об отсутствии достаточного количества знаний как об отдельных лексемах в составе тропа, так и о семантике самого тропа.

Проанализированный материал по стимулу №2 можно представить в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 24).

Рис. 24

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №2

В группах 1-2, 4, 6 количество реакций, не совпадающих со словарным значением, значительно выше количества реакций, совпадающих со словарной дефиницией. Это, с нашей точки зрения, можно объяснить несовпадающими ассоциациями ии. данных групп. Группа 3 стала единственной, в которой количество совпадающих и несовпадающих со словарной дефиницией реакций составило 50%. По нашему мнению, данный факт может быть объяснён небольшим количеством ии. в данной группе (6). Нейтральные реакции в каждой из групп оказались единичны (не более 2-х реакций). Индивидуальные реакции в группах 1-2, 4, 6-7 могут свидетельствовать о широте кругозора индивида. Например, «увы, не тонуть. И слушать Земфиру» (группа 7), «Тихое покачивание

на волнах по речке на спине. Яркое Солнце, чуть жаркое, запах тины и полевых цветов. Облаков мало, но они очень пушистые. Хочется закрыть глаза и остановить мгновение» (группа 5) и т.д. Отметим также, что реакция «увы, не тонуть. И слушать Земфиру» основана на прецедентном имени и входит в крайнюю периферию. Прецедентное имя, в свою очередь, объективирует суггестивную функцию тропа, реализуемую его когнитивно-психологическим параметром.

Содержание реакций указывает на доминирующую ассоциацию стимула с ленью и бездельем, что, по нашему мнению, основано на коллективном знании. Наличие реакций, не соответствующих словарной дефиниции, обусловлено влиянием фактора индивидуального знания (группа 1: «выполнять упражнение по физкультуре “лодочка”»; группа 7: «Чёрное море, шатёр, 2018 год» и т.д.).

Ядро семантического поля представлено следующими компонентами: не двигаться/без движения (40). Ближняя периферия – ничего не делать/бездельничать (24). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена семьей – лень (15). Крайняя периферия – бревно (6), утка (2), вода/на воде (2), прослушивание песен Земфиры (1).

Стимул №3: «литр левый глотнуть» [НКРЯ].

Словарные дефиниции лексемы с пространственной семантикой «левый»: 1. «расположенный в той стороне тела, где находится сердце, а также вообще определяемый по отношению к этой стороне», 2. «политически радикальный или более радикальный, чем другие, в противоп. правому (во 2 знач.)», 3. «О работе, заработке: побочный и незаконный (разг.)» [Ожегов 2015: 321]. В третьем значении лексема «левый» является определением к работе. Лексикографический источник отмечает лексему «побочный» в качестве описания «левого» заработка. Согласно словарной статье, одной из дефиниций указанной лексемы является следующая: «не относящийся прямо к чему-н., не основной, сопутствующий чему-н.» [Ожегов 2015: 527]. Применительно к стимулу №3, с учётом словарного

значения, словосочетание «левый литр» может быть рассмотрено как дополнительная жидкость, потребление которой не было запланировано заранее.

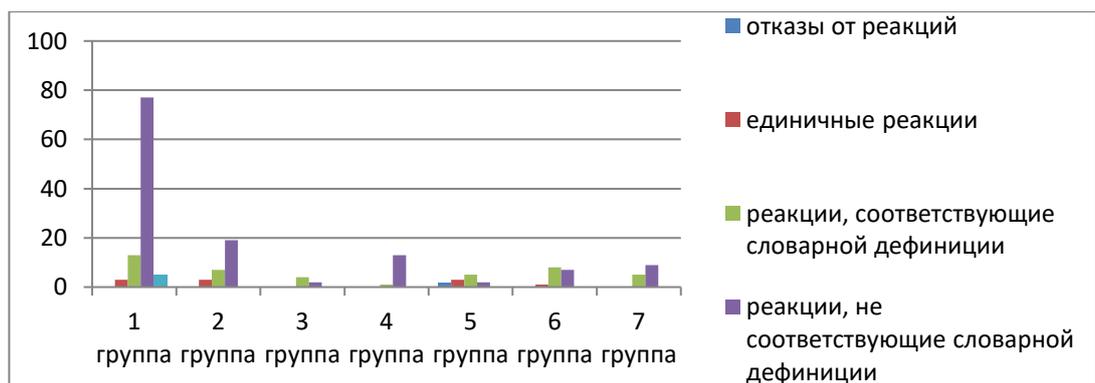
Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №3: выпить лишнего/выпить сверх нормы/перепить (40); (выпить) алкоголь/спирт (11), бутылка (5), украсть/взять чужое (4), захлебнуться (2), вода (1).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,13/0,87, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,24/0,76, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0,67/0,33, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0,07/0,93, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0,42/0,42, отказов от реакций – 2; группа 6 – 0,5/0,5, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0,36/0,64, отказов от реакций – нет. Показатели ИЯ групп 3, 5 могут свидетельствовать об отсутствии достаточного количества знаний как об отдельных лексемах в составе тропа, так и о семантике самого тропа. Показатели ИЯ групп 1, 2, 4, 6 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Таким образом, проанализированный материал по стимулу №3 можно представить в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 25).

Рис. 25

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №3

Как видно из представленной гистограммы, в группах 3, 5 и 6 реакции со словарным значением преобладают над иными видами реакций. В группе 5 у ии. наблюдалось 2 случая отказа от реакции. Возможно, это связано с недостаточным уровнем образования. В группе 1 наблюдается 5 нейтральных дефиниций (3%). Процент единичных реакций также незначителен. Они отсутствуют в группах 3-4,

7, а в оставшихся группах не превышают отметку в три реакции на группу. Единичные реакции, не совпадающие со словарной дефиницией, могут свидетельствовать о широком кругозоре ии., а также влиянии на восприятие отдельных факторов. Например, «*ты как Скрудж Макдак*», «*выпить Липтон*» (индивидуальное знание). Отметим также, что обе реакции основаны на прецедентном имени и входят в состав крайней периферии. Они указывают на реализацию тропом суггестивного воздействия, основанном на когнитивно-психологическом и культурно-историческом параметре (в случае с первой реакцией). Отметим также, что она основана на образе с негативной эмоциональной окраской, что также свидетельствует об объективации в ней эмотивного компонента. В группах с преобладающими реакциями, соответствующими словарной дефиниции, по нашему мнению, активным фактором восприятия является коллективное знание.

Ядро семантического поля представлено следующими компонентами: выпить лишнего/выпить сверх нормы/перепить (40). Ближняя периферия – (выпить) алкоголь/спирт (11). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: бутылка (5), украсть/взять чужое (4). Крайняя периферия – захлебнуться (2), вода (1), сходство со Скруджем Макдаком (1), употребление Липтона (1).

Стимул №4: «*мизинец должен “висеть”*» [НКРЯ].

Словарные дефиниции лексемы с пространственным значением «висеть»: 1. «находиться в висячем положении, уцепившись за что-н. руками или другой частью тела», 2. «будучи прикрепленным вверху, находиться в направленном вниз положении без опоры», 3. «перен. Летать, кружа над ограниченным пространством, или зависнуть над чем-н.», 4. «выдаваться, выступать вперед какой-н. своей частью», 5. «перен., над кем (чем)» [Ожегов 2015: 84]. Наличие кавычек предполагает, что автором стимула лексема «висеть» употреблена в переносном значении.

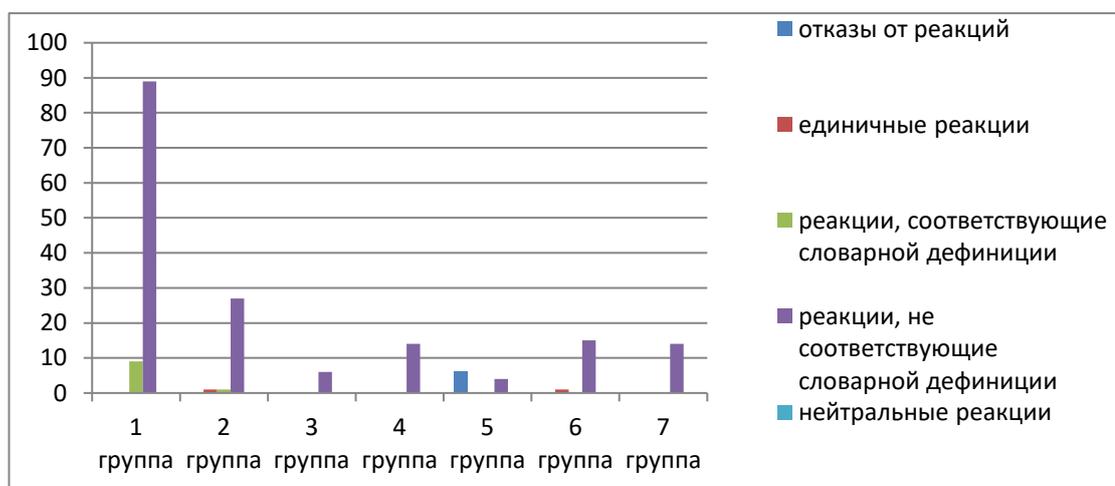
Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №4: палец сломан (40), боль (15), этикет (12), расслаблен/спокоен (8), палец оторван/отрублен (5), аристократизм (3), боль (1).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,09/0,91, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,03/0,97, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0/0,5, отказов от реакций – 6; группа 6 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0/1, отказов от реакций – нет. Показатели ИЯ групп 1-4, 5-6 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим материал по стимулу №4 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рисунок 26).

Рис. 26

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №4

Данные гистограммы указывают, что группа 5 стала единственной, в которой наблюдались отказы от реакции (50% реакций всей группы). Мы связываем данное обстоятельство с недостаточным количеством знаний о семантике тропа. Единичные реакции составляют 1% от общего количества реакций ии. всех групп. Отметим также, что их содержание («маникюр», «пальчиковые игры на моторику») индивидуально, при восприятии активным фактором являлось индивидуальное знание. Обратим внимание на реакции ии. группы 4, объединённые общей семантикой проявления аристократизма («Оттопыриваем

мизинчик, как истинные леди. Приучила себя в детстве к этому. И все не могу перебороть, да и не хочу», «аристократ», «королевский тест»). Отметим синтаксические особенности первой из представленных реакций, в которой отсутствует подлежащее, но имеется парцелляция. Мы считаем данные особенности проявлением суггестивного эффекта тропа, при котором его знаменательным свойством будет являться риторический параметр. В группах 1-3, 5-7 также присутствовали реакции со схожим значением (например, «этикет»). Мы считаем, что активным фактором восприятия в представленных случаях может выступать индивидуальное знание.

Глаголы с пространственной семантикой движения в контексте способны приобретать оттенки значения, указывающие на психоэмоциональное состояние человека [Назарова и др. 2016: 179]. Данный теоретический постулат указывает на метафорический потенциал глаголов с пространственной семантикой. В данном случае в состав тропа в стимуле №4 входит не глагол со значением движения, а глагол, выражающий стандартное положение в пространстве. Однако реакции ии. подтверждают его метафорический потенциал, а также наличие эмоционального эффекта. Например, «боль», «усталость» (группа 1), *приуныл* (группа 2).

Ядро семантического поля представлено компонентом «палец сломан» (40). Ближняя периферия – семами: боль (15), этикет (12). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена семами: расслаблен/спокоен (8), палец оторван/отрублен (5). Крайняя периферия – семами: аристократизм (3), боль (1).

Стимул №5: «*маленький – миллиард долларов*» [НКРЯ].

Словарные дефиниции лексемы (прилагательного) с пространственным значением «маленький»: 1. «небольшой по размерам, по количеству», 2. «незначительный, ничтожный», 3. «то же, что малолетний» [Ожегов 2015: 339]. Содержание стимула представляет собой оксюморон, в основе которого лежит контраст. В качестве словарного нами будет рассматриваться любое из представленных в словарной статье значений, при котором данная контрастность будет сохраняться.

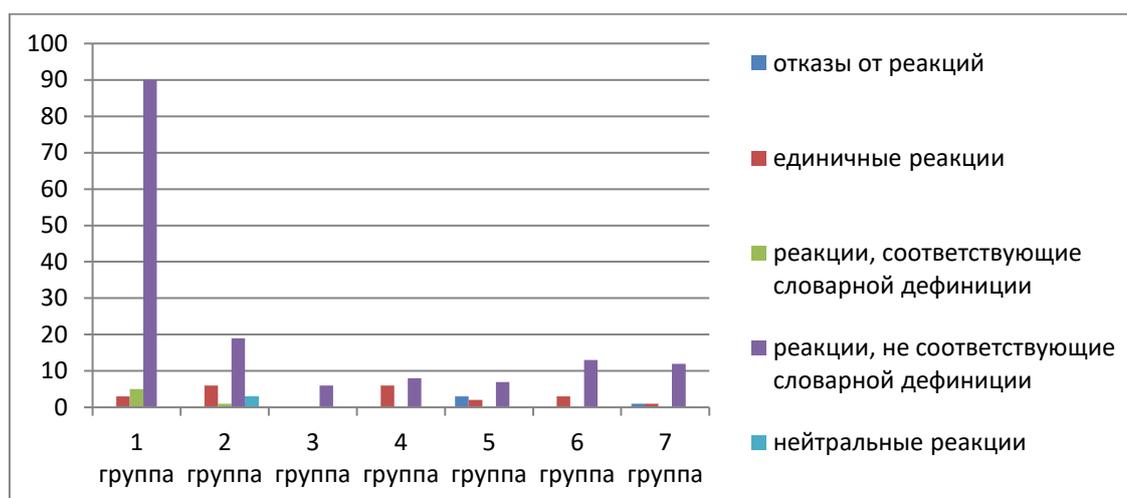
Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №5: богатство/успех (21), деньги (16), кризис (6), жадность/алчность (5), вор (3), перенасыщенность (2).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,05/0,95, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,03/0,97, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0,17/0,83, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0,14/0,86, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0/0,75, отказов от реакций – 3; группа 6 – 0,12/0,88, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0,07/0,86, отказов от реакций – 1. Представленные показатели в группах 1-7 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим материал по стимулу №5 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 27).

Рис. 27

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №5

Наибольшее количество отказов от реакций зафиксировано в группе 5. Мы считаем, что данный факт может быть связан с недостаточным уровнем знаний у ии. данной группы. Нейтральные дефиниции были представлены только в группе 2 (1,5% от общего числа реакций). Процент единичных реакций также достаточно невысок. Они не совпадают со словарной дефиницией и свидетельствуют о влиянии факторов индивидуального знания, а также когнитивно-перцептивно-аффективного опыта на процесс восприятия. Например, «дискриминация» (группа 6), «Стив Джобс!» (группа 6), «можно заказать на корпоратив Дорохова, Диму из “Кефира”, гномов» (группа 7) и т.д. Отметим также, что последние из

представленных реакций основаны на прецедентном имени и входят в состав крайней периферии. Кроме того, они реализуют суггестивный эффект тропа с пространственной семантикой. В них объективируются образы, формируемые посредством семантического, а также когнитивно-психологического параметра тропа, предполагающего оценочность.

Отметим значительный эмоциональный эффект рассматриваемого тропа. С.Л. Рубинштейн отмечал, что эмоции выражают состояние субъекта и его отношение к объекту (цит. по: [Шадриков 2002: 5]). Реакции ии. на данный стимул обладают эмоционально-оценочным компонентом. Например, «*мажор*», «*наворовал*», «*ворует без конца*», «*жадина*» (группа 1), «*это плохо*», «*денег много не бывает*», «*богач*» (группа 2), «*маленького миллиарда не бывает ну или для кого как:)*» (группа 3), «*кому - то, повезло*» (группа 5) и т.д. При опредмечивании переживаний через потребности субъект осознаёт, какие чувства у него порождают те или иные предметы, и сам процесс восприятия указанных предметов становится чувственным. Данное утверждение подразумевает, что информация о предметах и ситуациях насыщается эмоциями, при этом одновременно происходит переживание информации о внешнем мире. При представлении тех или иных предметов в дальнейшем рассматриваемое представление будет сопровождаться переживаниями [Шадриков 2002: 30]. Отметим, что эмоциональный характер реакций в данном случае основан на контрастном характере тропа с пространственной семантикой.

Ядро семантического поля представлено семами: богатство/успех(21). Ближняя периферия – семай деньги (16). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: кризис (6), жадность/алчность (5). Крайняя периферия – семами: вор (3), перенасыщенность (2), прецедентное имя (1), Стив Джобс (1).

Рассмотренное выше ассоциативное поле позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на контрастный характер стимула, доминирующими стали реакции с семантикой богатства и успеха, которые в себе контраста не несут.

Реакции ии., обладающие пространственной семантикой, нами зафиксированы не были.

Стимул №6: «мимо любви» [НКРЯ].

Рассмотрим дефиниции лексемы с пространственным значением «мимо». Она может являться как наречием, так и предлогом: 1. «нареч. Минуя что-н.», 2. «кого (чего), предлог с род. п. Не достигая кого-чего-н., не сближаясь с кем-чем-н.» [Ожегов 2015: 356].

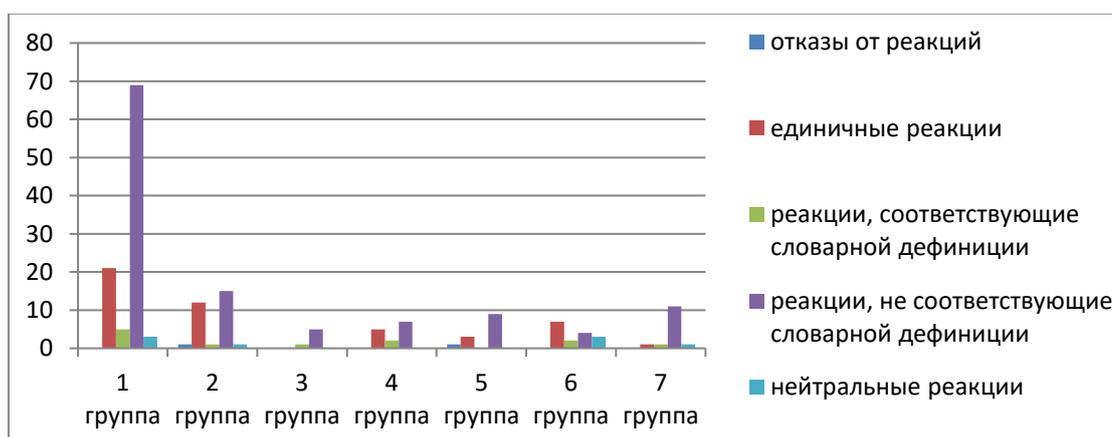
Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №6: развод/расставание (28), разбитое сердце (7), невзаимная любовь (6), одиночество/грусть (5), дружба (3), разлюбили (3), не влюбиться (3), безразличие (3), карьера (2), не решились (2), упустил шанс (3), грусть/печаль (2), не пожениться (2), сапоги (2), пропустили печаль (2), одинокие (1).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,07/0,93, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,03/0,94, отказов от реакций – 1; группа 3 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0,08/0,84, отказов от реакций – 1; группа 6 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0/1, отказов от реакций – нет. Показатели ИЯ в группах 1-7 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим проанализированный материал по стимулу №6 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 28).

Рис. 28

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №6

Отказы от реакций на данный стимул составляют 1% от общего количества реакций, что свидетельствует о наличии у ии. необходимых знаний для дефиниции. Единичные реакции не соотносятся со словарным значением (26%). Наибольшее количество единичных реакций представлено в группе 1, что, по нашему мнению, соотносится с многочисленностью данной группы. Наличие единичных реакций свидетельствует о влиянии факторов когнитивно-перцептивно-аффективного опыта и индивидуального знания на восприятие. Например, «*“Первая любовь” И.С. Тургенев*» (группа 7), «*Куприн*» (группа 6), «*Проходят мимо друг друга. А потом не найдут никогда!*» (группа 4) и т.д. Отметим также, что реакция «*Куприн*» была представлена ии. группы 7 – студентом филологического факультета, в связи с чем мы также можем говорить о влиянии профессионального фактора, а также фактора коллективного знания на восприятие. Кроме того, первые две реакции из представленного выше ряда основаны на прецедентном имени и входят в состав крайней периферии. Мы считаем, что они свидетельствуют о суггестивном эффекте тропа, при котором происходит активация его семантического, когнитивно-психологического, а также культурно-исторического параметра. Отметим также незначительное количество реакций, соответствующих словарному значению (12 реакций, 6%).

Проведённый анализ реакций на данный стимул подтвердил формирование суггестивного потенциала тропа. Существительное «любовь» в составе тропа является абстрактным. Лексемы с высокой степенью абстракции оказывают значительное суггестивное воздействие, так как их декодирование происходит с помощью того образа, который хранится в когнитивно-перцептивно-аффективном опыте индивида в его подсознании и соответствует данному понятию [Хлыстова 2014: 17]. В данном случае рассматриваемая лексема входит в состав тропа, который также является одним из способов суггестивного воздействия. Данный теоретический постулат подтверждается реакциями ии. Например, «*Достоевский*», «*князь Андрей и Ростова*» «*его дни юности*» (группа 1), «*безответная любовь*», «*я и английский язык*» (группа 2), «*голуби*» (группа 4) и т.д. Две первые реакции из представленного ряда основаны на прецедентном

имени, входят в состав крайней периферии, а также свидетельствуют о суггестивном эффекте тропа, при котором происходит активация его семантического, когнитивно-психологического, а также культурно-исторического параметра.

Ядро семантического поля представлено следующими компонентами: развод/расставание (28). Ближняя периферия – семьёй разбитое сердце (7). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: невзаимная любовь (6), одиночество/грусть (5). Крайняя периферия – семами: дружба (3), шанс (3), разлюбили (3), не влюбиться (3), безразличие (3), карьера (2), не решились (2), упустил грусть/печаль (2), не пожениться (2), сапоги (2), пропустили печаль (2), одинокие (1), «Первая любовь» И.С. Тургенев (1), Куприн (1), Достоевский (1), князь Андрей и Ростова (1).

Стимул №7: «*на тот свет ехать*» [НКРЯ].

Словарные значения глагола со значением передвижения в пространстве: 1. «двигаться куда-н. при помощи каких-н. средств передвижения», 2. «о средствах передвижения: двигаться», 3. «отправляться куда-н., передвигаться при помощи каких-н. средств передвижения», 4. «перен. Сдвигаться, скользить в сторону, в стороны (разг.)», 5. «перен., на ком (чём). То же, что выезжать (см. вы ~ в 4 знач.) (разг.)» [Ожегов 2015: 188].

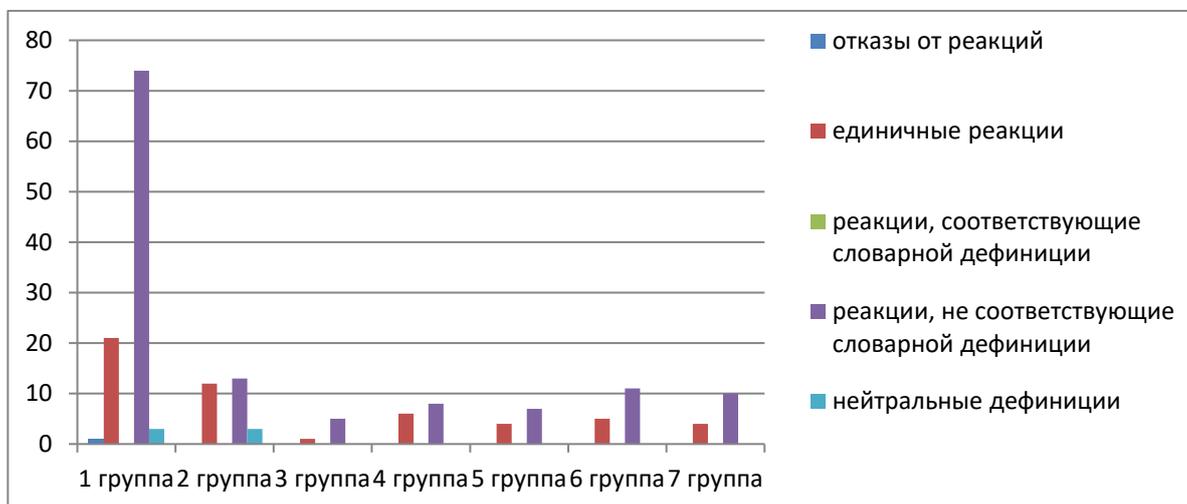
Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №7: умереть/умирать/смерть (56), машина/автобус (12), авария (11), быстро ехать (5), гроб (3).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0/0,99, отказов от реакций – 1; группа 2 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 6 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0/1, отказов от реакций – нет. Высокий уровень ИЯ у ии. группы 1 (0,99), а также абсолютные показатели ИЯ в группах 2-7 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим проанализированный материал по стимулу №7 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 29).

Рис. 29

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №7

Анализ представленных данных позволил установить, что среди ии. наблюдается единственный отказ от реакции (0,05%). Реакции, соответствующие словарной дефиниции, отсутствуют. На наш взгляд, это связано с тем, что выражение «на тот свет» является разговорным, обладающим значением «умирать». В связи с этим семантика лексемы с пространственным значением «ехать» оказалась для ии. вторичной по отношению к семантике тропа. Представленные данные подтверждаются количественными показателями реакций со значением «умереть/смерть» (56 реакций, 30%). Указанное обстоятельство свидетельствует о влиянии фактора коллективного знания на восприятие. Единичные реакции ии. не совпадают со словарной дефиницией. Их количество (53 реакции) составляет 28% от общего количества реакций. По нашему мнению, множественность реакций данного вида обуславливается действием фактора индивидуального знания. Например, «путешествие», «дорожный знак», «пропасть» (группа 7), «за тридевять земель», «сказка» (группа 6), «солнечный луч», «заниматься нелюбимым делом» (группа 4), «Камчатка» (группа 6) и т.д. Отметим, что Камчатка – это полуостров в северо-восточной части России. По нашему мнению, последняя из представленных реакций не только указывает на наличие у тропа пространственной семантики, но

и репрезентирует в нём пространственный код культуры. Кроме того, она представляет собой прецедентный феномен и входит в состав крайней периферии, а также реализует суггестивную функцию тропа, основанную на когнитивно-психологическом и культурно-историческом параметре. Нейтральные реакции немногочисленны (3% от общего числа реакций).

Ядро семантического поля представлено следующими семантическими компонентами: умереть/умирать/смерть (56). Ближняя периферия – семами: машина/автобус (12), авария (11). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена семой быстро ехать (5). Крайняя периферия – семами: гроб (3), Камчатка (1).

Стимул №8: «назад крутишь – назад едешь» [НКРЯ].

В качестве наиболее значимого пространственного компонента нами будет рассматриваться наречие с пространственным значением «назад». Несмотря на наличие в тексте стимула иных элементов с пространственной семантикой, в качестве наиболее важной для нашего исследования мы будем рассматривать именно указанную лексему, поскольку в данной работе все слова с пространственным значением употреблены либо в форме единственного числа именительного падежа, либо в неопределённой форме для исключения влияния фактора формы слова на результат его восприятия. Словарные значения наречия «назад»: 1. «в обратном направлении», 2. «на прежнее место, обратно», 3. «раньше, прежде» [Ожегов 2015: 381].

Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №8: велосипед/велик (33), машина/автомобиль/тачка (16), педаль (13), прошлое (6), что посеешь – то и пожнешь (5), логично (5), целеустремлённость (1), Камчатка (1).

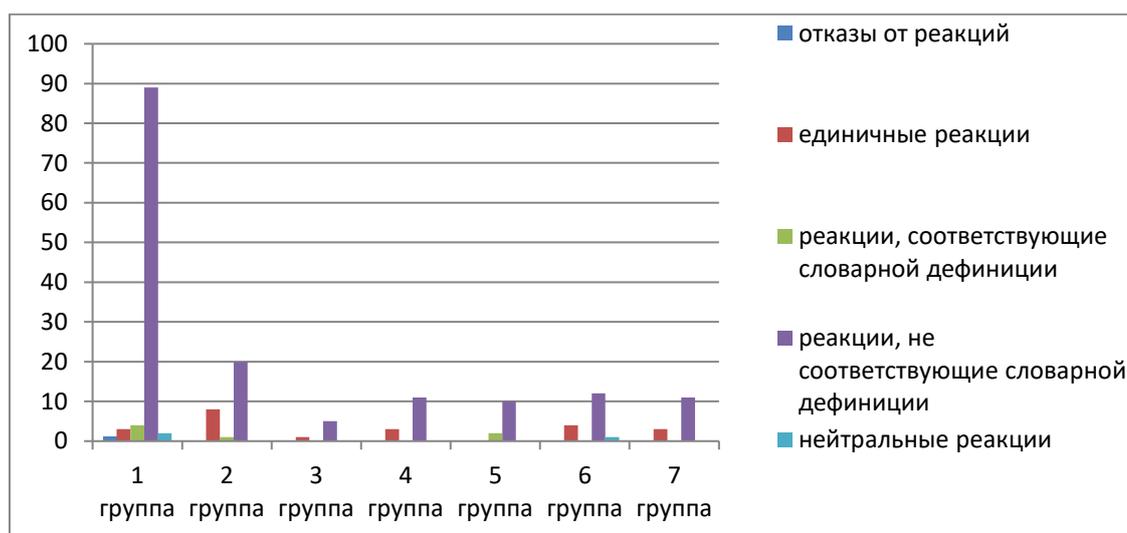
Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,04/0,95, отказов от реакций – 1; группа 2 – 0,03/0,97, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0,17/0,83, отказов от реакций – нет; группа 6 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0/1, отказов от реакций – нет. Высокий уровень ИЯ у ии. группы 1, 2, 5, а также

абсолютные показатели ИЯ в группах 3-4, 6-7 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим проанализированный материал по стимулу №8 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 30).

Рис. 30

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №8

Из представленных данных следует, что, как и в случае с предыдущим стимулом, процент отказа от реакции незначителен (0,05% от общего числа реакций на данный стимул). 7 реакций соответствуют словарной дефиниции (4%). С нашей точки зрения, в данном случае на процесс восприятия оказывал влияние фактор коллективного знания. То же утверждение, по нашему мнению, применимо к ии., чьи реакции обладали семантикой «велосипед», «машина/автомобиль», «педаль», которые вошли в число реакций, не соответствующих словарному значению. Число единичных реакций значительно меньше, чем в предыдущем стимуле (22 реакций, 12%). Данный факт также свидетельствует о преобладании фактора коллективного знания. На процесс восприятия, результатом которого стали единичные реакции, по нашему мнению, оказал влияние фактор индивидуального знания. Например, «Халк» (группа 6), «барашек: куда потянут – туда пойдёт» (группа 3), «катиться по наклонной» (группа 2). Кроме того, первая из представленных реакций основана на прецедентном имени и входит в состав крайней периферии. Ряд реакций,

относящихся к числу индивидуальных, обусловлены влиянием фактора профессионального знания, а также коллективного знания. Например, «*Non progressed est regredi*» – 2 реакции (группа 2 – студенты лечебного факультета), «*пословицы и поговорки*» (группа 7 – студенты филологического факультета). Нейтральные реакции составляют 1,5% от общего числа реакций на данный стимул.

Ядро семантического поля представлено следующими семантическим компонентом – велосипед/велик (33). Ближняя периферия – семами: машина/автомобиль/тачка (16), педаль (13). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: прошлое (6), что посеешь – то и пожнешь (5), логично (5). Крайняя периферия – семами: целеустремлённость (1), Халк (1).

Отметим, что ядерные значения тропа в данном случае представлены лексемами с пространственной семантикой.

Стимул №9: «*небо не виновато*» [НКРЯ].

Укажем словарные дефиниции лексемы с пространственным значением «*небо*»: 1. «всё видимое над Землёй пространство», 2. «в религиозных представлениях: обитель бога, богов (устар.)» [Ожегов 2015: 401].

В качестве словарного нами будут рассматриваться значения, при которых имеет место апелляция к пространственному компоненту лексемы, или богу, как указано в словарной статье лексикографического источника.

Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №9: переключать свою вину на что-то/кого-то другого (60), дождь (18), погода (11), война (8), виноваты звёзды (7), суд (4), мир (3).

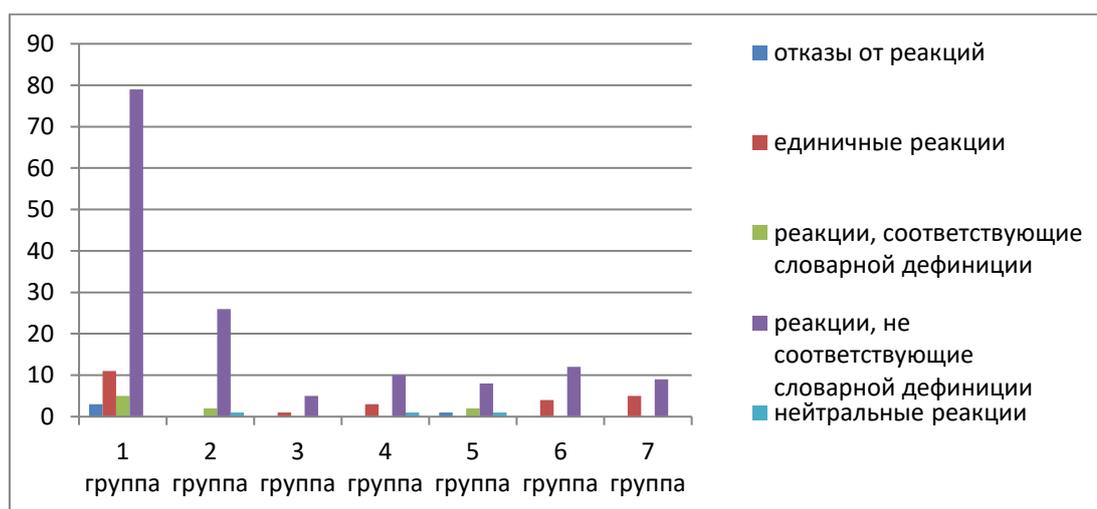
Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,04/0,93, отказов от реакций – 2; группа 2 – 0,07/0,93, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0/0,92, отказов от реакций – 1; группа 6 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0/1, отказов от реакций – нет. Высокий уровень ИЯ у ии. группы 1, 2, 5, а также

абсолютные показатели ИЯ в группах 3-4, 6, 7 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим проанализированный материал по стимулу №9 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 31).

Рис. 31

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №9

Из представленных данных следует, что отказы от реакций были зафиксированы в группах 1, 5. Они являются единичными (2% от всех реакций на данный стимул). Реакции, соответствующие словарной дефиниции, зафиксированы в 9 случаях (5 в группе 1; 2 в группе 2; 2 в группе 5). Реакции ии. согласуются со значением «в религиозных представлениях: обитель бога, богов (устар.)» [Ожегов 2015: 401]. По нашему мнению, немногочисленная апелляция к небу как к богу свидетельствует о том, что для ии. приоритетным является указание на виновного, а причины, по которым небо не виновато, второстепенны. Мы считаем, что данные факты обусловлены влиянием фактора коллективного знания на восприятие стимула. Единичные реакции (24) составили 13% от общего количества реакций на данный стимул. Отметим, что в группе 7 в качестве единичных мы рассматривали реакции, содержащие в себе лексему «песня», а также её формы («песня *“Голуби летят над нашей зоной”*», «это название песни», «песня *Иванушки*»). Мы считаем, что в первом и третьем случаях значимыми элементами реакций являются название и исполнитель, т.е. социально-прецедентные феномены. В данных примерах активным фактором

восприятия является индивидуальное знание. Отметим другую индивидуальную реакцию ии. группы 7 («а судьи кто? За древностию лет к свободной жизни их вражда непримирима»). Поскольку ии. данной группы являются студентами филологического факультета, по нашему мнению, на восприятие оказывали влияние профессиональный фактор и коллективное знание. Мы считаем, что рассмотренные выше реакции реализуют суггестивную функцию тропа. Социально-прецедентные феномены, а также цитата из произведения А.С. Грибоедова объективируют образы, порождаемые когнитивно-психологическим параметром тропа, а также его культурно-историческим свойством. Единичная реакция ии. группы 4 «когда умирает близкий человек!» обусловлена влиянием фактора когнитивно-перцептивно-аффективного опыта на восприятие. Нейтральные реакции (3) составляют 1,5% от общего количества реакций на данный стимул.

Ядро семантического поля представлено следующими компонентами: перекладывать свою вину на что-то/кого-то другого (60). Ближняя периферия – семей дождь (18). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: погода (11), война (8), виноваты звёзды (7). Крайняя периферия – семами: суд (4), мир (3).

Стимул 10: «опереться на пустоту» [НКРЯ].

Укажем словарные значения глагола нестандартного положения в пространстве «опереться»: 1. «воспользоваться чем-н. как опорой (во 2 знач.)», 2. «перен., на кого (что). Воспользоваться кем-чем-н. в качестве поддержки», 3. «перен., на что. Воспользоваться чем-н. в качестве основы для рассуждений, источника информации» [Ожегов 2015: 454].

Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №10: падение/падать (39), не на того понадеяться/дружить ни с тем (30), отсутствие поддержки (14), пустое пространство/комната (11), неправильный выбор (8), неизведанность (2).

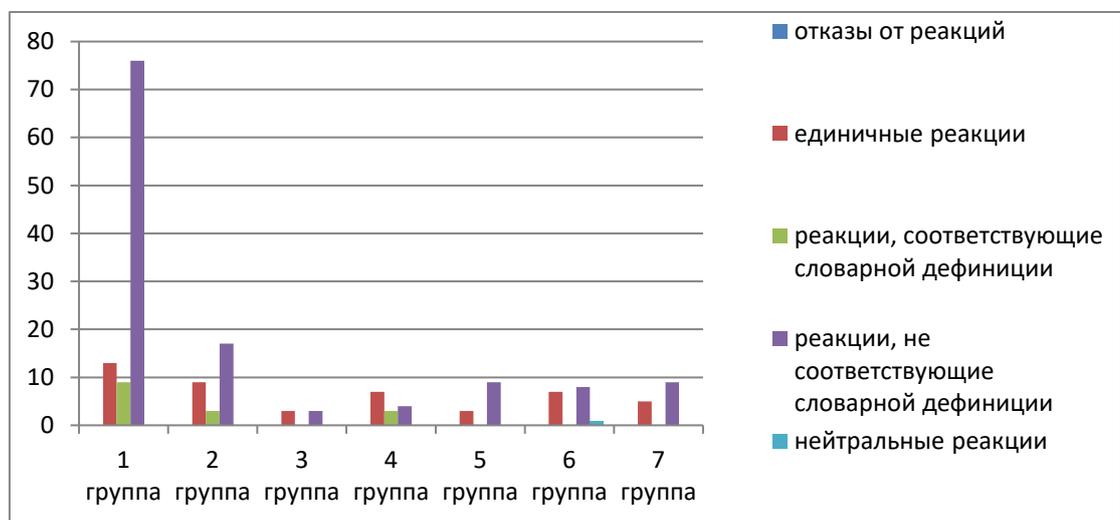
Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,09/0,91, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,10/0,90, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0/1,

отказов от реакций – нет; группа 4 – 0,21/0,79, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 6 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0,14/0,86, отказов от реакций – нет. Высокий уровень ИЯ у ии. группы 1, 2, 4, 7, а также абсолютные показатели ИЯ в группах 3, 5, 6 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим проанализированный материал по стимулу №10 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 32).

Рис. 32

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №10

Из представленной гистограммы следует, что среди реакций ии. групп 1-7 отсутствуют отказы, что свидетельствует о высоком уровне образования ии. Пятнадцать ии. (8%) представили реакции, соответствующие словарной дефиниции, среди которых наиболее распространёнными являются реакции со значением «отсутствие опоры, поддержки». Несмотря на то, что данное значение не является ядерным, мы считаем, что на восприятие оказывал влияние фактор коллективного знания. Единичные реакции (47) составляют 25% от общего количества реакций на данный стимул. Они присутствуют среди реакций ии. каждой из семи групп. Мы считаем, что они обусловлены действием факторов индивидуального знания и когнитивно-перцептивно-аффективного опыта. Например, «шпаргалка на экзамене», «куб», «самолёт» (группа 2), «Чепурных Ксюша» (группа 1), «*Error! Sansuj Undertale AU. Люблю этого персонажа, и он*

обитает в антипустоте, где стен нет, до потолка не дотянуться, а пол столько же реален, сколько и нет» (группа 4) и т.д. Последняя из представленных реакций включает в себя прецедентное имя, входит в состав крайней периферии и реализует суггестивное воздействие тропа. Знаменательным становится конитивно-психологический параметр, подразумевающий образность и оценочность, а также культурно-историческое свойство тропа. Наличие восклицательного знака в составе реакции также свидетельствует о доминировании эмотивного параметра при восприятии тропа. Нейтральные реакции составляют 0,5% от всех реакций на данный стимул.

Ядро семантического поля представлено следующими семантическими компонентами: падение/падать (39), не на того понадеяться/дружить ни с тем (30). Ближняя периферия – семами: отсутствие поддержки (14), пустое пространство/комната (11). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена семой неправильный выбор (8). Крайняя периферия – семами: неизведанность (2), Sansuj Undertale AU (1).

Отметим, что ядерные значения тропа в данном случае представлены лексемами с пространственной семантикой.

Стимул №11: *«ползти по региону»* [НКРЯ].

Представим словарные значения глагола с пространственным значением *«ползти»*: 1. «Передвигаться по поверхности всем телом (о пресмыкающихся) или на ножках (о насекомых)», 2. «о человеке, животном: передвигаться, припадая туловищем к поверхности и перебирая по ней конечностями», 3. «неспешно передвигаться, перемещаться», 4. «идти, передвигаться очень медленно (разг.)», 5. «расти, прилегая к поверхности, цепляясь за неё», 6. «о полужидкой массе: течь, вытекать откуда-н. (разг.)», 7. «перен. Распространяться, передаваться (разг.)», 8. «о ткани: распадаться на нити от ветхости, лезть (разг.)», 9. «оползать, осыпаться», 10. «медленно сдвигаться, съезжать (в 4 знач.)» [Ожегов 2015: 552].

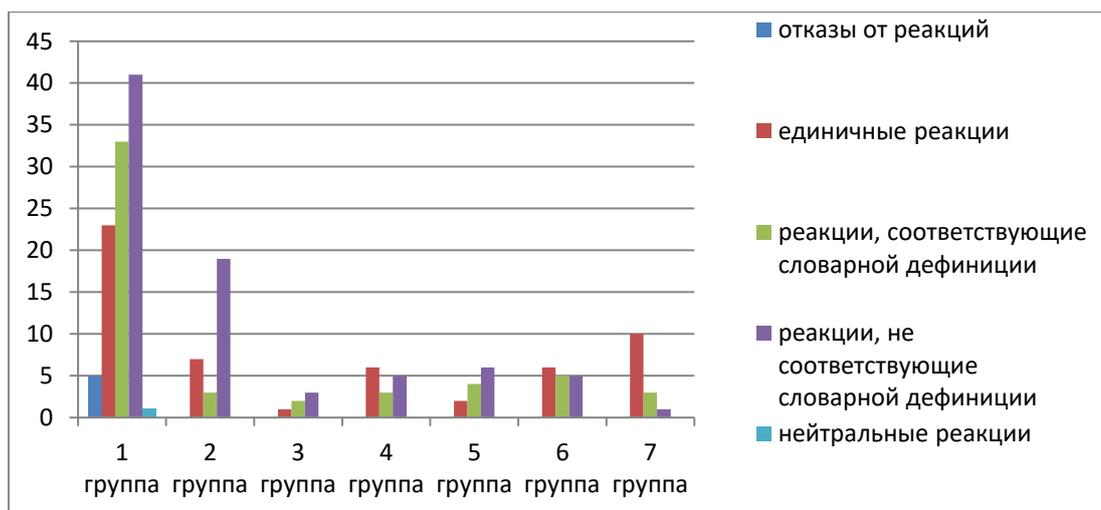
Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №11: медленно двигаться/ехать/идти (50), путешествовать (18), идти/ходить/передвигаться (9), плохие дороги (7), Курск (5), исследовать (2).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,34/0,61, отказов от реакций – 5; группа 2 – 0,10/0,90, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0,33/0,67, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0,21/0,79, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0,33/0,67, отказов от реакций – нет; группа 6 – 0,25/0,75, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0,21/0,79, отказов от реакций – нет. Отметим, что, несмотря на достаточно высокие показатели ИЯ, ни в одной из групп не были достигнуты показатели ИЯ в соотношении 0/1.

Представим проанализированный материал по стимулу №11 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 33).

Рис. 33

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №11

Из представленных данных следует, что отказы от реакций наблюдались только в группе 1 (5 отказов), что составляет 2,7% от общего количества реакций на данный стимул. Представленное количество отказов, по нашему мнению, может быть обусловлено недостаточным уровнем знаний ии. группы 1. Соотношение реакций, совпадающих со словарным значением, и реакций, не совпадающих со словарной дефиницией, практически в каждой из групп, кроме группы 2 (33 реакции (17%) на 41 (22%) реакцию в группе 1; 2 реакции (1,1%) на 3 реакции (1,6%) в группе 3; 3 реакции (1,6%) на 5 реакций (2,7%) в группе 4; 4 реакции (2,1%) на 6 реакций (3%) в группе 5; по 5 реакций (по 2,7%) в группе 6; 3 реакции (1,6%) на 1 реакцию (0,5%) в группе 7) указывает на то, что разница в

процентном содержании реакций не является значительной. Кроме того, представленные данные о реакциях, соответствующих словарной дефиниции, могут свидетельствовать о том, что пространственный компонент тропа является более значимым по отношению к непространственному. Подобное соотношение также может быть обусловлено тем, что одна из словарных дефиниций лексемы с пространственным значением в лексикографическом источнике была дана с пометой «перен.». Отметим, что реакции, совпадающие со словарным значением, обусловлены действием фактора коллективного знания. Единичные реакции (50) составляют 26% от общего числа реакций. Их содержание указывает на влияние на восприятие фактора индивидуального знания. Например, «*как мертвец*», «*зима*» (группа 6), «*победоносное шествие советской власти*» (группа 5), «*С удовольствием проезжать мимо полей и строений. Просто наслаждаться поездкой, уединением или приятной компанией*» (группа 4), «*как студент на первую пару*», «*пытаться выбраться из Орла на свободу. И УЕХАТЬ В ВОРКУТУ (треклятые автобусы)*» (группа 7), и т.д. Отметим, что Воркута – это сибирский город, который в России известен холодным климатом. Последняя из представленных реакций, по нашему мнению, не только объективирует пространственный компонент тропа, но и репрезентирует в его рамках пространственный код культуры. Количество нейтральных реакций незначительно.

Ядро семантического поля представлено следующими семантическими компонентами: медленно двигаться/ехать/идти (50). Ближняя периферия – семой путешествовать (18). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: идти/ходить/передвигаться (9), плохие дороги (7). Крайняя периферия – семами: Курск (5), исследовать (2).

Отметим, что ядерные значения тропа в данном случае представлены лексемами с пространственной семантикой.

Стимул №12: «*поперек всяких инструкций*» [НКРЯ].

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой предлагает значения лексемы с пространственным значением «поперек» в

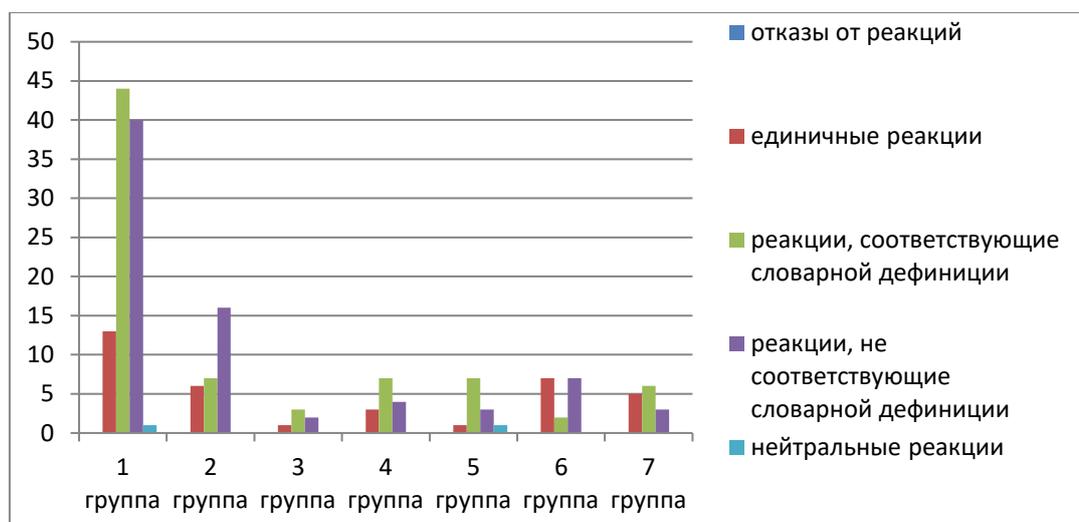
качестве наречия и в качестве предлога: 1. «нареч. В поперечном направлении, по ширине», 2. «чего, предлог с род. п. В направлении ширины чего-н.» [Ожегов 2015: 562]. В настоящем исследовании лексема «поперек» будет рассматриваться в качестве наречия. К словарным мы будем относить реакции, обладающие контрастностью, значением противоположности. Несмотря на то, что такие дефиниции будут рассматриваться нами в качестве словарных, отметим, что они будут являться метафорическим вариантом представленного в словаре значения лексемы «поперёк» в качестве наречия.

Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №12: против правил/инструкций (75), своенравие/свои убеждения/независимость (26), быть уволенным (4), вне закона (2).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,36/0,64, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,24/0,76, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0,50/0,50, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0,50/0,50, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0,58/0,42, отказов от реакций – нет; группа 6 – 0,13/0,87, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0,43/0,57, отказов от реакций – нет. Представленные показатели ИЯ в группах 1-2, 7, у которых первый показатель ИЯ незначительно отличается от второго, а также в группах 3-4, в которых представленные показатели либо равны, либо первый показатель ИЯ оказывается выше второго, указывают на значимость лексемы с пространственным значением в составе тропа. Обратная ситуация наблюдается в группе 6, в которой первый показатель ИЯ значительно ниже второго.

Представим проанализированный материал по стимулу №12 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 34).

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №12

Из представленных данных следует, что отказов от реакций в группах 1-7 не наблюдалось. В группах 1, 3, 4, 5, 7 количество реакций, соответствующих словарной дефиниции, превышает количество реакций, не соответствующих словарному значению. Ввиду большей численности группы 1 по сравнению с другими группами, на её примере соотношение наиболее наглядно (44 реакции (23%) соответствуют, 40 реакций (21%) не соответствуют). Мы считаем, что данное обстоятельство связано с тем, что, как и в предыдущем случае, значимым элементом тропа является лексема с пространственной семантикой. Контрастность, задающая троп, заложена в значении лексемы с пространственным значением. Именно она обусловила наличие значительного количества реакций со словарным значением, которые, кроме того, образуют ядерное значение проанализированных реакций. Фактором, влияющим на процесс восприятия текста стимула, в данном случае является коллективное знание. В группах 2 и 6 реакции с несловарным значением оказываются более многочисленными по сравнению с реакциями со словарным значением. Мы считаем, что данное обстоятельство может быть обусловлено доминированием фактора индивидуального знания, опыта, а также личной эрудицией ии. Примеры реакций ии. групп 2 и групп 6: «*девиантное поведение!*», «*лень*», «*предприятие*» (группа 6), «*самостоятельность*», «*вдоль анархии*», «*на произвол судьбы*»

(группа 2). Первая из представленных реакций, по нашему мнению, реализует функцию эмотивного воздействия. Единичные реакции (36) составляют 19% от общего числа реакций на данный стимул. Количество нейтральных реакций незначительно (1%).

Ядро семантического поля представлено следующими компонентами: против правил/инструкций (75). Ближняя периферия – семами своенравие/свои убеждения/независимость (26). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена семой «быть уволенным» (4). Крайняя периферия – семой вне закона (2).

Стимул №13: «сваливать на квин» [НКРЯ].

В состав стимула входит два элемента с пространственной семантикой (глагол «сваливать», предлог «на»).

Лексема «на» является предлогом. В лексикографическом источнике указаны её значения, характеризующие пространственные положения, изменения во времени, меры, образа, состояния и т.д. Отметим значения, выражающие пространственные отношения: 1. «с вин. и предл. п. 1. (на) кого-что и (на) ком-чем. Употр. при обозначении поверхности, на к-рой сверху располагается или куда направляется что-н.», 2. «(на) что и (на) чем. Употр. при обозначении места, области или времени деятельности», 3. «(на) кого-то и (на) ком-чем. Употр. при обозначении лица или предмета, являющегося объектом действия», 4 «(на) что и (на) чем. Употр. При обозначении предметов, являющихся орудием действия, частью устройства, способом выражения чего-н.» [Ожегов 2015: 373].

Как было указано выше, лексема «сваливать» представляет собой пространственный глагол, который в «Толковом словаре русского языка» дан с пометой «разг.». В лексикографическом источнике указано, что значение лексемы тождественно значению глагола «валить» [Ожегов 2015: 699]. Указанная лексема обладает следующими значениями: 1. «обрушивать вниз, заставлять падать (обычно что-н. тяжёлое)», 2. «Беспорядочно сбрасывать, складывать (разг.)», 3. «слагать ответственность за что-н. на кого-что-н. (разг.)», 4. «спиливать (деревья, лес), а также рубить топором» [Ожегов 2015: 68-69].

Лексема «валить» в лексикографическом источнике обладает ещё рядом значений, обозначенных как «валить 2», однако, согласно тому же источнику, значения лексемы «сваливать» тождественны перечисленным нами выше, т.е. лексеме «валить 1», поэтому нами значения «валить 2» исследоваться не будут.

Лексема «квип» – это транслитерированное на русский язык слово Qip. Последнее является названием программы для общения, мессенджером, одним из аналогов ICQ («аська»), распространенным в 2000-2010-х годах.

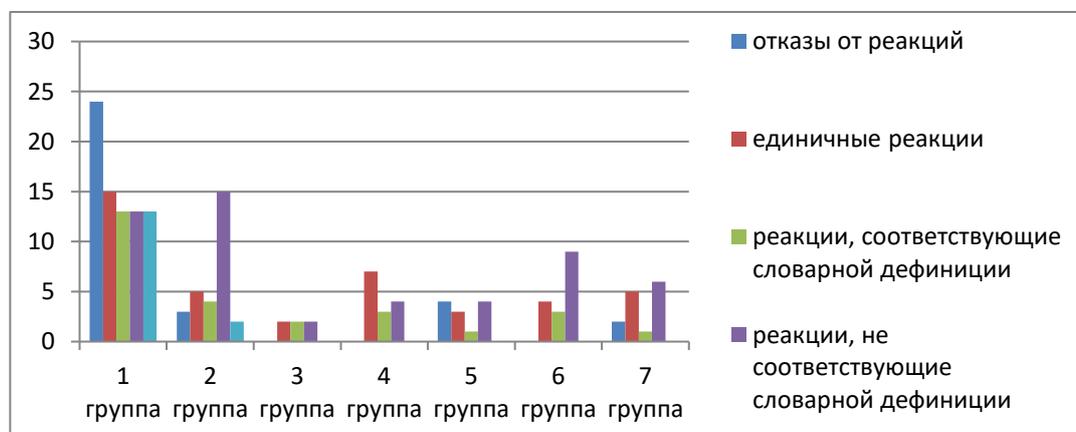
Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №13: перекладывать/сваливать вину/ответственность (26), уходить/убегать (26), вечеринка/дискотека (7), вина (5), технологии (2).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций соответствующих/несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,34/0,66, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,24/0,76, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0,33/0,67, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0,21/0,79, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0,08/0,59, отказов от реакций – 4; группа 6 – 0,19/0,81, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0,07/0,79, отказов от реакций – 2. Высокие показатели ИЯ в группах 1-7 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим проанализированный материал по стимулу №13 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 35).

Рис. 35

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №13

При анализе данного стимула было установлено, что 24 ии. в группе 1 (13%) затруднились с дефиницией, в группе 5 – 4 ии. (2%). Данные показатели являются

самыми высокими по отказам за все анализируемые стимулы. Отметим также нейтральные реакции, к числу которых мы отнесли выражения, объективирующие отсутствие в индивидуальном лексиконе референтной области. Например, «я не поняла ничего, но было очень интересно», «что-то страшное» (группа 2), «А? можно перевод фразы» (группа 1) и т.д. Мы считаем, что представленное количество отказов, а также данных нейтральных реакций связано с недостаточными знаниями ии. о значении лексемы «квип». Подобные реакции, по нашему мнению, указывают на реализацию эмотивной функции тропа. Единичные реакции (41) составляют 22% от общего количества реакций на данный стимул. Они обусловлены действием факторов когнитивно-перцептивно-аффективного опыта («Новый год!» (группа 1)) и индивидуального знания на восприятие («гора» (группа 1), «скучать», «отговорка» (группа 2), «КВИП – курский весёлый иностранный преподаватель» (группа 3), «предпочитать реальному общению виртуальное» (группа 5)). Отметим единичные реакции ии. группы 6. Одна из реакций имеет вид «Qip». Она указывает на широкий кругозор и достаточный уровень знаний ии., а также на то, что на восприятие оказывает влияние фактор коллективного знания. У ии. мужского пола две реакции имеют вид «сван». Данная лексема является транслитерацией английского слова swar, которое на русский язык переводится как «менять»/«замена». Кроме того, swar на сленге владельцев машин подразумевает замену оригинальных комплектующих автомобиля, как правило, двигателя. С нашей точки зрения, действующими являются фактор индивидуального знания, а также гендерный фактор. Одна реакция была представлена в виде схожей лексемы «свипт». По нашему мнению, в данном случае на восприятие оказал влияние фактор репрезентации фонематического образа слова. Фоносемантичность, как было указано ранее в работе, также является одним из маркеров суггестивного воздействия тропа.

При переходе процесса восприятия в чувственную сферу происходит одновременное переживание информации о внешнем мире, которое подразумевает наступление эмоционального состояния в дальнейшем при представлении предметов или явлений [Шадриков 2002: 30]. Отсутствие

достаточных знаний о лексеме «квип» в составе тропа вызвало у ии. эмоциональную реакцию в момент перехода восприятия в чувственную сферу. Об этом свидетельствуют реакции ии. вопросительного характера, например: «*куда-то уйти?*», «*А? можно перевод фразы*», «*что это значит?*» (группа 1), «*что-то страшное*» (группа 2), «*возможно, квип – это какой-то человек, но как я должен к нему сваливать и почему?*» (группа 5). Представленные примеры реакций указывают на эмоциональный эффект тропа.

Ядро семантического поля представлено следующими компонентами: перекладывать/сваливать вину/ответственность (26), уходить/убегать (26). Ближняя периферия – семами: вечеринка/дискотека (7). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена семой вина (5). Крайняя периферия – семой технологии (2).

Стимул №14: *упираться ишаком* [НКРЯ].

Укажем значения глагола с пространственной семантикой «упираться».

По данным лексикографического источника, исследуемая лексема в своём первом значении синонимична лексеме «упереться», поэтому далее мы приведём значения лексемы «упираться» с учётом значений лексемы «упереться»: 1. «чем во что. Опереться плотно, прижаться», 2. «в кого (что). Идя, натолкнуться на кого-что-н., обнаружить какое-н. препятствие (разг.)», 3. «перен., на чём. Упрямо не согласиться (прост.)», 4. «находить себе препятствие в чём-н. (разг.)» [Ожегов 2015: 835]. Отметим, что ряд значений обладают пометами «разг.» и «прост.», что свидетельствует об их преимущественном употреблении в устной речи.

Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №14: *упираться/быть упрямым* (76), *осёл* (12), *мой лучший друг/одноклассник* (3), *война* (1).

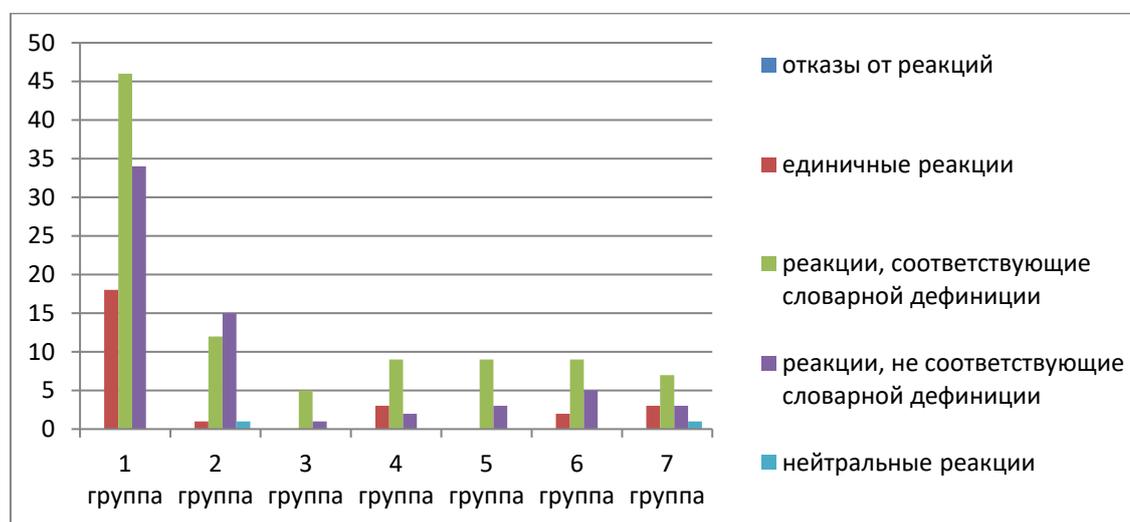
Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций, соответствующих/несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,47/0,53, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,41/0,59, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0,83/0,17, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0,64/0,36, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0,75/0,25, отказов от реакций – нет; группа 6 – 0,56/0,44, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0,50/0,50, отказов от реакций – нет. Представленные показатели

ИЯ указывают на значимый характер словарной дефиниции лексемы с пространственным значением в составе тропа. Мы считаем, что причина данного факта состоит в том, что, переносное, метафорическое значение представлено в словарной статье лексикографического источника, поэтому соотносимость со словарной единицей в рассматриваемом случае не предполагает отсутствие метафоричности полученных реакций.

Представим проанализированный материал по стимулу №14 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 36).

Рис. 36

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №14

Отказов от реакций среди ии. групп 1-7 выявлено не было. В группах 1, 3-7 количество реакций, соответствующих словарному значению, превышает количество реакций, не совпадающих со словарной дефиницией. По нашему мнению, данное обстоятельство связано с семантикой лексемы с пространственным значением «упереться». Несмотря на наличие пространственного компонента в семантике, она также обладает переносным значением, зафиксированным в лексикографическом источнике. Кроме того, лексема «ишак», являющаяся элементом данного стимула, также обладает значением «осёл» [Ожегов 2015: 257]. Одной из характеристик осла является упрямство. Таким образом, оба элемента стимула обладают схожей семантикой. Мы считаем, что в данном случае на восприятие оказывает влияние коллективное

знание. Единичные реакции (26) составляют 14% от общего количества реакций. Активными факторами восприятия в данном случае выступили когнитивно-перцептивно-аффективный опыт («зачёты, которые срочно нужно сдать!» (группа 6) и т.д.), а также индивидуальное знание («состроил некрасивую гримасу», «спектакль в детском театре» (группа 7), «глупеть», «сцена из “Кавказской пленницы”, когда Шурик не смог заставить осла идти» (группа 1), «Шрек» (группа 2) и т.д.). Отметим также, что последние из представленных реакций основаны на прецедентном имени и относятся к крайней периферии, а также объективируют суггестивное воздействие тропа, основанное на когнитивно-психологическом, а также культурно-историческом параметрах. Реакции ии. группы 6 «война», «военные действия», представлены ии. мужского пола. Возможно, кроме названных выше, на восприятие оказал влияние гендерный фактор. Нейтральная реакция на рассматриваемый стимул единична.

Ядро семантического поля представлено следующими компонентами: упираться/быть упрямым (76). Ближняя периферия – семой осёл (12). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: мой лучший друг/одноклассник (3). Крайняя периферия – семами: война (1), Шрек (1), сцена из «Кавказской пленницы», когда Шурик не смог заставить осла идти (1).

Стимул №15: «“языковая” жизнь!» [НКРЯ].

Приведём словарные значения лексемы «жизнь»: 1. «совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи», 2. «физиологическое существование человека, животного, всего живого», 3. «время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-н. его период», 4. «деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях», 5. «реальная действительность», 6. «оживление, проявление деятельности, энергии» [Ожегов 2015: 194].

Из словарной статьи следует, что рассматриваемая лексема не обладает пространственным значением, однако категории времени и пространства взаимосвязаны. Они получили своё развитие у истоков развития науки. Мы

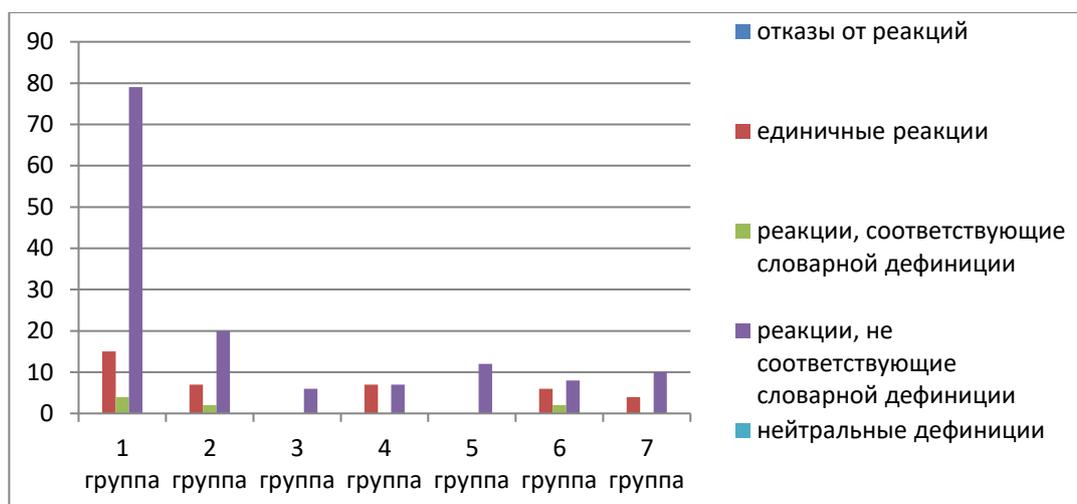
считаем, что данные категории связаны не только на философском уровне, но и на когнитивно-лингвистическом, метафорическом. Лексема «жизнь» переосмысливается в пространственной лексеме «путь». «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой апеллирует к словосочетанию «жизненный путь» как к иллюстрации значения лексемы «путь» («то же, что дорога (во 2,3 и 4 знач.)») [Ожегов 2015: 634]. Лексема «дорога» также обладает пространственной семантикой. Мы можем предположить, что и словосочетание «жизненный путь», а также сама лексема «жизнь» обладают пространственностью. При анализе реакций в качестве словарного нами будет рассматриваться любое значение, которое соотносится с представленными в лексикографическом источнике.

Повторяющиеся реакции ии. групп 1-7 на стимул №15: много говорить/быть общительным (24), лингвистика (18), знание языков (8), языкознание (7), русский язык (6), полиглот (5), целовать (5).

Показатели ИЯ семы групп 1-7 среди реакций соответствующих/ несоответствующих словарной дефиниции: группа 1 – 0,04/0,96, отказов от реакций – нет; группа 2 – 0,07/0,93, отказов от реакций – нет; группа 3 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 4 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 5 – 0/1, отказов от реакций – нет; группа 6 – 0,13/0,87, отказов от реакций – нет; группа 7 – 0/1, отказов от реакций – нет. Высокие показатели ИЯ в группах 1,2,6, а также абсолютные показатели ИЯ в группах 3, 4, 5, 7 объективируют вербальную креативность инварианта тропа.

Представим проанализированный материал по стимулу №15 в виде гистограммы, позволяющей сопоставить полученные данные (см. Рис. 37).

Реакции ии. групп 1-7 на стимул №15

Представленные данные свидетельствуют об отсутствии отказов от реакций, а также нейтральных реакций на данный стимул. Количество реакций ии., соответствующих словарной дефиниции, минимально (4 реакции в группе 1, по 2 реакции в группе 2 и группе 7, всего 2% от общего числа реакций на данный стимул). Мы считаем, что данное обстоятельство связано с тем, что лексема «жизнь» не обладает переносным значением, зафиксированным в лексикографическом источнике. Реакции, не соответствующие словарному значению (142), составляют 75% от общего числа реакций на данный стимул.

Как было указано ранее, абстрактные существительные являются одним из способов создания суггестивного эффекта. Последний состоит в установлении прямой связи с подсознанием реципиента, при этом наряду с употреблением абстрактных существительных вторым способом является употребление сенсорных предикатов, активирующих в подсознании сенсорный опыт индивида [Хлыстова 2014: 18]. К числу предикатов в данном случае относятся наречия, глаголы, прилагательные (процессуальные слова), используемые индивидом в своей речи для объективации процессов чувственного восприятия. Троп также может выступать в качестве предиката [Хлыстова 2014: 18-19]. Отметим, что в данном случае к стимулу применимы все три условия формирования суггестивности: абстрактное существительное («жизнь»), предикат («языковая»), а также весь троп в целом. О наличии суггестивного эффекта свидетельствуют

следующие реакции: «поцелуи», «счастье», «прекрасна!» (группа 1), «болтун» (группа 2), «болтовня» (группа 5), «это общение без границ» (группа 6). В процессе восприятия тропа с пространственной семантикой (стимула №15) произошла активация осознанного и неосознанного сенсорного опыта ии., и в силу вступила «магия слова» [Хлыстова 2014: 20] (в рассматриваемом случае – тропа).

Ядро представлено следующими семантическими компонентами: много говорить/быть общительным (24). Ближняя периферия – семей лингвистика (18). Дальняя периферия значения тропа с пространственной семантикой представлена следующими семами: знание языков (8), языкознание (7). Крайняя периферия – семами: полиглот (5), целовать (5), «прекрасный русский язык» И.С. Тургенев (1).

Реакций ии. с пространственной семантикой на данный стимул нами не было зафиксировано.

Как следует из значений, представленных в семантическом поле, данные реакции метафоричны. На восприятие стимула оказывал влияние фактор индивидуального знания. То же утверждение применимо к единичным реакциям (18,5%). Отметим, однако, что ряд реакций свидетельствует о влиянии на восприятие и других факторов, таких, как опыт и профессиональный фактор. Например, «латинский язык» (2 реакции) (группа 2), «латинский язык» (группа 4) (ии. обеих групп – студенты медицинского ВУЗа), «трудная жизнь студентов, учащихся на филфаке...», «филфак», «“прекрасный русский язык” И.С. Тургенев» (группа 7) (ии. данной группы – студенты филологического факультета). Отметим также, что последняя из представленных реакций основана на прецедентном имени и относится нами к крайней периферии.

Таким образом, частная гипотеза данного этапа эмпирического исследования получила подтверждение. Было установлено наличие когнитивного потенциала метафоризации в процессе восприятия тропов с пространственной семантикой.

Выводы по Главе III

1. В результате проведения первого этапа эмпирического исследования с применением методики субъективных дефиниций были достигнуты все цели, выполнены задачи. Нашла своё подтверждение частная гипотеза о наборе факторов, оказывающих влияние на специфику восприятия тропов с пространственной семантикой. Подчеркнём, что активными факторами восприятия тропа с пространственным компонентом явились индивидуальное и коллективное знание, гендерный фактор, возрастной фактор, фактор профессиональной подготовки, когнитивно-перцептивно-аффективный опыт, уровень образования.

2. В результате проведения второго этапа эмпирического исследования (свободного ассоциативного эксперимента) были достигнуты все цели, выполнены задачи. Полученные реакции на предъявленные стимулы позволили установить, что наиболее частотными факторами, формирующими специфику восприятия, являются коллективное и индивидуальное знание.

3. Было установлено, что индивидуальная и языковая картина мира формируются в результате действия когнитивного механизма метафоризации, что подтверждается показателями ИЯ семы.

4. Был описательно представлен суггестивный эффект тропов с пространственной семантикой, достигаемый путём употребления абстрактных существительных в составе тропов с пространственной семантикой, выполняющих функцию предикатов, объективирующих процессы чувственного восприятия, активирующих сенсорный опыт ии., а также активации семантического, когнитивно-психологического, культурно-исторического, риторического параметра тропов.

5. Очевидно выделен эмоциональный эффект тропов с пространственной семантикой, объективируемый в реакциях, выражающих отношение ии. к содержанию тропа.

6. Подтверждена основная гипотеза исследования. Доказано, что восприятие и формирование тропов с пространственной семантикой – это результат действия когнитивного механизма метафоризации. Можно констатировать, что при дешифровке тропа с пространственной семантикой был достигнут эмоциональный и суггестивный эффект как результат процесса метафоризации.

7. В результате проведения эмпирической части исследования нами также было доказано, что формирование тропа обусловлено вербальной креативностью. Троп формируется в индивидуальном лексиконе на основе его когнитивно-перцептивно-аффективного опыта и реализации динамики метафоризации. Троп как центральный элемент пространственного метафорического комплекса обеспечивает свою структурную стабильность, применяя лексический, синтаксический, грамматический, частиречный компоненты, необходимые для его формирования и функционирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антропоцентрический подход к языку обусловил появление в науке термина «картина мира», а также производных от него терминов «научная картина мира», «наивная картина мира», «концептуальная картина мира», «языковая картина мира» и т.д., основанных на различных критериях классификации. Нами было доказано, что использование человеческого тела, взаимодействующего с окружающей действительностью в качестве базовой и универсальной модели познания, исходя из параметризации человеческого тела, репрезентируемой тропами в рамках пространственного кода, не только на уровне концептов, но и при их вербализации с применением лексем-обозначений частей тела, определило не только значимость пространственных концептов, а также их метафорический характер, но и наличие у них специфических особенностей, особым образом отражаемых сознанием каждого конкретного этноса. Данное обстоятельство обусловило рассмотрение пространственной картины мира как особой разновидности картины мира, аккумулирующей в себе все её свойства. Исследование этнической, лингвокультурной составляющей пространственной картины мира на уровне языка неотделимо от средств объективации пространственных отношений, на уровне концептов – от пространственного кода культуры, одного из знаменательных элементов метафоризационного процесса.

Тропеический характер языковой пространственной картины мира обуславливает необходимость исследования содержания понятия «троп», который, наряду с категорией пространства, эволюционировал от античного риторико-стилистического понятия до исследования в рамках когнитивного и психолингвистического подхода. С учётом современных толкований термина «троп» в филологической парадигме, а также фундаментальной значимости его образной составляющей, специфики репрезентации пространственных отношений в пространственной картине мира, нами были дополнены критерии тропеичности, на основе которых предложено определение термина «троп» в рамках пространственного метафорического комплекса. Нами было установлено, что

репрезентированные тропами пространственные концепты не являются статичными. Взаимодействие индивида с предметным миром, изменение социально-политических, экономических, культурных реалий в рамках выбранного вектора развития данного этноса, накопление индивидом личного опыта находят отражение в изменении первоначальных параметров метафоризации.

В данной работе был реализован интегративный подход к изучению ПКМ, акцентирующий внимание на рассмотрении тропов с пространственной семантикой как на результате когнитивного процесса метафоризации и компонентах концептуальной, языковой и пространственной картины мира, вводя новые эмпирические данные с учётом композициональности значения. Был расширен семантический потенциал понятия «код культуры», дополнен и конкретизирован в качестве лингвокультурного когнитивного явления с собственной семантикой термин «пространственный код культуры».

В теоретической части данного исследования были раскрыты и углублены представления о таком фрагменте концептосферы, как пространственная картина мира, и о тропах как способах её репрезентации; выделены средства объективации пространства в языке; была предложена дефиниция термина «пространственный код культуры», представлена схема связи художественного образа со средствами его репрезентации; выделены функции пространственного кода культуры с позиции его формирования и функционирования; предложен комплексный подход к исследованию роли тропа как способа выражения языковой картины мира, расширяющего представление о метафоризации как механизме формирования средств выражения пространственной картины мира.

В результате проведённого в настоящей работе экспериментального исследования нами было установлено, что на восприятие тропа с пространственным значением оказывают влияние индивидуальное и коллективное знание, гендерный фактор, возрастной фактор, фактор профессиональной подготовки ии., когнитивно-перцептивно-аффективный опыт ии. Наиболее активными при восприятии оказываются факторы коллективного и

индивидуального знания. Действие и взаимодействие одного или нескольких факторов при восприятии стимула с пространственным значением и его метафоризация характеризуются вербальной креативностью.

Нами было доказано, что троп представляет собой базовый элемент пространственного метафорического комплекса, формируемый на основе пространственно-понятийной категоризации действительности, реализующий эмотивное и суггестивное воздействие, которые формируются в процессе метафоризации и объективируются в языке.

Вариативность параметров идентификационных субъектных маркеров эксплицирует избирательность, специфичность восприятия при сохранении его целостности. Целостность обеспечивает как учёт пространственных, так и непространственных характеристик.

Общая и частные гипотезы настоящего исследования нашли своё подтверждение.

Основываясь на результатах, полученных в ходе настоящего исследования, перспективным представляется изучение пространственных кодов в различных культурах, выявление их тождественности/нетождественности с конкретизацией функционирования пространственных концептов. Поскольку наряду с пространством в качестве фундаментальной философской категории выступает время, то перспективы дальнейшего исследования также видятся в изучении вопросов степени метафоризованности тропов с темпоральным значением, а также анализе и сравнении факторов, оказывающих влияние на восприятие тропов с темпоральным значением, функций и роли тропа во временном метафорическом комплексе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абашилова А.М. Лексико-грамматические средства выражения семантики пространства в аварском языке в сопоставлении с английским: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Махачкала, 2002. – 21 с.
2. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент: ФАН, 1973. – 405 с.
3. Алексеев А.Я. Сопоставительная стилистика / А.Я. Алексеев. – Д.: Национальный горный университет, 2012. – 471 с.
4. Алигаджиева А.Р., Магомедова Н.А., Гасанова Р.Г. Особенности выражения процессуальной пространственной семантики в английском и немецком языках // Преподаватель года 2020: Сборник статей Международного научно-методического конкурса. В 2-х частях. – 2020. – С. 220-224.
5. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания / Акад. пед. наук РСФСР. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. – 486 с.
6. Аннушкин В.И. История русской риторики: хрестоматия / В.И. Аннушкин. – 3-е изд., стер. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 413 с.
7. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. – 356 с.
8. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика. – 1986. – № 28. – С. 5-33.
9. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
10. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 408 с.
11. Арбузова Н.А. Отражение пространства в языке / Н.А. Арбузова // Известия ВГПУ. – 2019. – № 7(140). – С. 126-133.
12. Аржановская А.В. Семантические особенности языковых единиц, выражающих протяженность в пространстве, в русском и английском языках / А.В. Аржановская // Lingua Mobilis. – 2013. – № 4(43). – С. 69-72.

13. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3. / Вст. ст. и прим. И.Д. Рожанского. – М.: Мысль, 1981. – 613 с.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
15. Аухадиева З.Ж. Выражение пространственных отношений в немецком и казахском языках: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Алматы, 1996. – 25 с.
16. Аюпова С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира: на материале художественной прозы И.С. Тургенева: дис. ... доктора филологических наук. – Уфа, 2012. – 668 с.
17. Безменов А. В Чечне больше нет российского гарнизона [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Власть. – 1992. – №124. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5195>.
18. Белецкая Е.В. Моделирование особенностей конструирования метафоры: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Тверь, 2007. – 19 с.
19. Белоусова Е.Г. К вопросу о природе и типологии картин мира / Е.Г. Белоусова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2008. – № 3. – С. 11-16.
20. Бергсон А. Творческая эволюция. – М., 1998. – 346 с.
21. Богуславская О.Ю. Пространство и перемещение // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1999. – С. 173-181.
22. Болдырев Н.Н. Концептуальная метонимия на разных уровнях языка: система и реализация / Н.Н. Болдырев // Форма, значение и функции единиц языка и речи: Материалы докладов Международной научной конференции. В 3-х частях, Минск, 16–17 мая 2002 года / Ответственный редактор Н.П. Баранова. Том Часть 1. – Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2002. – С. 11-14.

23. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. / А.В. Бондарко, В.Г. Гак / СПб.: Наука, 1996. – 230 с.
24. Борисова Е.Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник ЧелГУ. – 2009. – №35 (172). – С. 20-26.
25. Бородулина Н.Ю. Концепт дом как архетип осмысления картины мира / Н.Ю. Бородулина, Т.В. Мордовина // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 4-2. – С. 481-490.
26. Бородулина Н.Ю. Метафорическая репрезентация экономических понятий в семиотическом аспекте: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Курск, 2009. – 46 с.
27. Бородулина Н.Ю. Прагматический аспект метафор, используемых в СМИ / Н.Ю. Бородулина, М.Н. Макеева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 4(32). – С. 75-81.
28. Бородянская Е.А. Использование тропов для речевого воздействия в информационных программах современного телевидения / Е.А. Бородянская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 232-235.
29. Бороздина И.С. "Пространственное" и "непространственное" в семантической структуре слова / И.С. Бороздина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2014а. – № 2 (16). – С. 15-20.
30. Бороздина И.С. Английские и русские пространственные предлоги в диахронии / И.С. Бороздина, Е.В. Петухова, Н.А. Бороздина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2014б. – № 1 (15). – С. 11-19.
31. Бороздина И.С. Предлоги как специфическое средство вербализации пространственных отношений / И.С. Бороздина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 2 (14). – С. 134-138.

32. Бороздина И.С. Пространственные отношения и их модификация: когнитивный и языковой аспекты / И.С. Бороздина // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 655-659.
33. Бороздина И.С. Пространство как основная категория бытия в языковом отражении / И.С. Бороздина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2012 – № 2 (12). – С. 1-5.
34. Бороздина И.С. Русский предлог с/со и основные пространственные характеристики описываемых денотативных ситуаций / И.С. Бороздина // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 1 (292). – С. 19-24.
35. Бороздина И.С. Содержание пространственных концептов, актуализируемых русским предлогом "из" / И.С. Бороздина // Известия ЮЗГУ. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2015. – № 4 (17). – С. 23-28.
36. Бороздина И.С. Специфика обозначения географического пространства в русском и английском языках / И.С. Бороздина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2008 а. – № 2 (4). – С. 1-5.
37. Бороздина И.С. Формы и содержание языкового представления пространственных отношений / И.С. Бороздина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008б. – № 4 (17). – С. 138-144.
38. Босова Л.М. Концептуальная картина мира как основа понимания смысла речевого произведения / Л.М. Босова // Ползуновский альманах. – 1999. – №1. – С.24-29.
39. Бузарова Е.А. Полисемантность языковых средств выражения пространственных отношений (на примерах английского и русского языков) / Е.А. Бузарова, Н.Х. Женетль // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 174-175.
40. Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта): [монография] / М.М. Булыниана. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 212 с.

41. Бурак М.А. Особенности интонационного оформления тропеических средств в лексиконе индивида: дис. ... кандидата филологических наук. – Курск, 2017. – 175 с.
42. Вагин И.А. Метонимия как механизм современного словообразования / И.А. Вагин // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы: материалы Международной научной конференции, Майкоп, 01–02 ноября 2019 года. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2019. – С. 72-75.
43. Великорецкий А.Д. Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. / Ред. В.А. Плуныян. – М.: ООО «Русские словари», 2002. – С. 8-32.
44. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
45. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур; Сост. Т.Г. Винокур; [Предисл. В. Григорьева]. – Москва: Высш. шк., 1991. – 447с.
46. Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж, 1999. – 196 с.
47. Волчек О.А. Грамматические профили русских пространственных существительных / О.А. Волчек // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов, Светлогорск, 20–24 июня 2016 года / Ответственные редакторы: Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – Светлогорск: Институт психологии РАН, 2016. – С. 206-208.
48. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / [Под ред. и со вступ. статьей, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия]. – Москва: Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1956. – 519 с.
49. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: АСТ, 2021. – 576с.
50. Гайдук Н.А. Образность как категория современной лингвистики: трактовки и подходы к исследованию образных средств языка // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. – 2013. – Т. 21, вип. 19 (1). – С. 67-73.

51. Галкина И.А. Роль глаголов движения в репрезентации пространственных отношений (на материале древнеанглийского языка) / И.А. Галкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 4 (55). – С. 25-28.
52. Гергель О.В. Образные парадигмы сравнений, характеризующих мужчину и женщину: на материале современной англоязычной женской прозы: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2014. – 276 с.
53. Герман И.А. Лингвосинергетика: Монография / И.А. Герман; М-во образования РФ. Алт. акад. экономики и права. – Барнаул: Алт. акад. экономики и права, 2000. – 166 с.
54. Гогошидзе В.Д. Взаимодействие семантики и грамматики в системе английского глагола. – М., 1978. – С. 75-76.
55. Горожанкина Е.М. Коннотативные значения английских и русских лексем с семой «вертикальной пространственной ориентации» // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Мат-лы Всерос. конференции, посвященной 120-летию Томского ун-та (27–29 марта 1998 г.). – Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1998. – С. 56-58.
56. Гришаева Л.И. Картина мира как проблема гуманитарных наук / Л.И. Гришаева, М.К. Попова // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21-24 апреля 2003 г., Курск). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – С. 13-38.
57. Гуревич П.С. Культурология / П.С. Гуревич. – М.: Изд-во «Знание», 1998. – 288 с.
58. Дмитренко С.Ю. Глаголы стандартных и нестандартных положений в пространстве / С.Ю. Дмитренко, В.С. Храковский // Слово и язык: Сборник статей к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – Москва: Издательство «Языки славянских культур», 2011. – С. 182-206.
59. Дмитренко С.Ю. Проблемы семантической и таксономической классификации предикатов (сопоставительный анализ глаголов, обозначающих

- стандартные и нестандартные положения тела человека) / С.Ю. Дмитренко, В.С. Храковский // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Институт лингвистических исследований РАН. – Москва: Издательство "Языки славянских культур", 2013. – С. 149-192.
60. Дмитриева Ю.Л. Языковой образ vs художественный образ / Ю.Л. Дмитриева // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2017. – № 5 (31). – С. 16-25.
61. Егорова Г.И. Микро- и макроконтэкст научной деятельности ученого-исследователя / Г.И. Егорова, А.Н. Егоров // Вестник ТОГИРРО. – 2015. – № 1(31). – С. 24-27.
62. Елизарова Г.В. Когнитивные аспекты культуры и их отражение в речевой практике / Г.В. Елизарова // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация: сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной / Федеральное агентство по образованию; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Факультет иностранных языков. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Триго, 2005. – С. 4-17.
63. Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина – женщина’»: дис. ... доктора филологических наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 406 с.
64. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Москва, 2004. – 44 с.
65. Женетт Ж. Фигуры: В 2-х т. / Ж. Женетт; Пер. с фр. Е. Васильевой и др. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. (Работы по поэтике). – Т. 1. – 469 с.
66. Жинкин Н.И. Психоллингвистика [Текст]: избранные труды / Н.И. Жинкин; сост. К.Ф. Седов. – Москва: Лабиринт, 2009. – 287 с.
67. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. / Н.И. Жинкин. Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
68. Закс Л.А. Художественное сознание / Л.А. Закс. – Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1990. – 212 с.

69. Залевская А.А. Методология, технология и терминология: о неоднозначности научных терминов / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 2 (20). – С. 12-27.
70. Залевская А.А. Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст: межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1987. – С. 34-49.
71. Захараш Т.Б. Единство индивидуального и коллективного опыта в развитии личности: автореферат дис. ... доктора педагогических наук. – Пятигорск, 2004. – 41 с.
72. Зубкова О.С. Инференциальные коммуникативные возможности метафоры с позиции лингвосемиотической концепции // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. Научный журнал. – 2013. – Выпуск 73. – № 1 (292). – С. 214-218.
73. Зубкова О.С. Лингвосемиотические возможности тропеической лексики как инструмента социального консенсуса / О.С. Зубкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4 (31). – С. 104-112.
74. Зубкова О.С. Условия возникновения метафоры / О.С. Зубкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011а. – №5–1. – С. 306-312.
75. Зубкова О.С. Эволюция развития представлений о метафоре и метафоризации в истории науки / О.С. Зубкова; Курск. Гос. ун-т. – Курск, 2011б. – 129 с.
76. Ибрагимова В.Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. – Уфа: Изд-во Башкир.ун-та, 1992. – 172 с.
77. Ивашкевич И.Н. К вопросу об интерпретирующем потенциале пространственной метафоры / И.Н. Ивашкевич // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XI Международной научной конференции, посвященной 96-летию образования

Белорусского государственного университета, Минск, 25 октября 2017 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2017. – С. 91-92.

78. Игнатова В.А. Естествознание / В.А. Игнатова. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 254 с.

79. Игнатъева М.Ф. Отражение пространства и времени во фразеологии русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Казань, 2004. – 22 с.

80. Казарина В.И. Синтаксический концепт "состояние" в современном русском языке (к вопросу о его формировании) / В.И. Казарина. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2002. – 225 с.

81. Каменская О.Л. Текст и коммуникация/ О.Л. Каменская. – М.: Высш. школа, 1990. – 151 с.

82. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: В 8-ми томах. – Т. 3.– М.: Чоро, 1994. – 591 с.

83. Карасик В.И. Семиотические типы концептов / В.И. Карасик // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4 (33). – С. 5-11.

84. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – Москва: URSS, 2014. – 360 с.

85. Карпенко И.А. От замкнутой вселенной к бесконечной и обратно / И.А. Карпенко // Философские науки. – 2014. – № 6. – С. 105-117.

86. Клеева А.В. Геометрико-числовые образы в культуре позднего средневековья (на примере философии Николая Кузанского) / А.В. Клеева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 131. – С. 81-88.

87. Клюев Е.В. Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция / Клюев Е.В. – М.: ПРИОР, 2001. – 272 с.

88. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. статей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152-163.

89. Ковалевская И.И. Особенности функционирования прилагательных размера в современном французском языке / И.И. Ковалевская // Язык и речь в свете функционально-семантического подхода. – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2015. – С. 91-109.
90. Ковальчук Л.П. Особенности формирования женских зооморфных блендов в английском сказочном дискурсе / Л.П. Ковальчук // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции, Челябинск, 20–22 апреля 2016 года. Том 2. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 250-253.
91. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 464 с.
92. Колесов И.Ю. Образы пространства и их языковая интерпретация / И.Ю. Колесов // Проблемы функционально-когнитивного анализа языка. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2016. – С. 29-98.
93. Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография / И.Ю. Колесов; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Барнаулский гос. пед. ун-т". – Барнаул: Барнаулский гос. пед. ун-т, 2008. – 354 с.
94. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский; отв. ред. А.М. Шахнарович; предисл. С.И. Мельник, А.М. Шахнаровича. – 2-е изд., доп. – Москва: УРСС, 2005. – 120 с.
95. Корди Е.Е. Грамматика глаголов нестандартных положений и перехода в нестандартные положения тела во французском языке: семантическая группа *s'appuyer* 'опираться' / Е.Е. Корди // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2014. – Т. 10, № 3. – С. 341-364.
96. Корди Е.Е. Способы выражения во французском языке стандартных положений тела человека в пространстве / Е.Е. Корди // Известия РАН: Серия литературы и языка. – 2016. – Т. 75, № 1. – С. 40-50.

97. Корнева В.В. Синтаксические средства объективации пространства (на материале испанского языка) / В.В. Корнева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006 а. – №2. – С. 5-16.
98. Корнева В.В. Испанская пространственная картина мира и ее параметры / В.В. Корнева // Известия ВГПУ. – 2008 а.– №10. – С. 8-11.
99. Корнева В.В. Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) / В.В. Корнева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006 б. – №1. – С. 154-164.
100. Корнева В.В. Наречие как специализированное средство объективации испанской пространственной картины мира: дис. ... доктора филологических наук. – Воронеж, 2008 б. – 376 с.
101. Корнева В.В. Пространственные отношения как отражение национальной картины мира / В.В. Корнева // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Воронежский межрегиональный институт общественных наук, Воронежский государственный университет, Факультет романо-германской филологии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – С. 371-379.
102. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 4-е изд. испр. – М.: КДУ, 2013. – 348 с.
103. Косимова Н.Ф. К исследованию асимметрии лингвистического знака / Н.Ф. Косимова // International Scientific Review. – 2016. – № 14 (24). – С. 23-26.
104. Кочешкова И.Ю. Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж. Фаулза: дис. ... кандидата филологических наук. – Барнаул, 2004. – 176 с.
105. Кошелев А.Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. – Вып.1.– М., 1996. – С. 82-195.
106. Краснобаева-Чёрная Ж.В. Пространственный код культуры ценностной картины мира (на материале русской, украинской, английской и немецкой

- фразеологии) / Ж.В. Краснобаева-Черная // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 169-180.
107. Красных В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? / Красных В.В. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 375 с.
108. Красных В.В. Потяни за ниточку – клубок и разматывается... (к вопросу о предметном коде культуры) / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сборник научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. – Том Выпуск 46. – Москва: ООО "МАКС Пресс", 2013. – С. 58-67.
109. Кривошапова Ю.А. 2009.02.025. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. – М.: Индрик, 2007. – 600 с. – Библиогр.: с. 564–599 / Ю.А. Кривошапова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2009. – № 2. – С. 150-155.
110. Крылова М.Н. Тропы, основанные на контрасте / М.Н. Крылова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2016. – № 5. – С. 40-46.
111. Крюкова Н.Ф. Дискурсивно-стилистический потенциал метафоризации / Н.Ф. Крюкова // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – 2016. – № 30. – С. 105-108.
112. Крюкова Н.Ф. Метафора как герменевтический инструмент юмористического смыслообразования / Н.Ф. Крюкова // Современная германистика и западноевропейская литература: Коллективная монография / Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2019. – С. 203-213.
113. Крюкова Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 163 с.
114. Крюкова Н.Ф. Социокультурный аспект метафорической визуализации / Н.Ф. Крюкова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2022. – № 47. – С. 185-188.

115. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С.34-47.
116. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
117. Кудрина Т.В. Элементы рельефа в языковой картине мира: (на материале испанской поэзии) / Т.В. Кудрина, В.В. Корнева // Дайджест – 2005. – Воронеж, 2006. – С. 85-97.
118. Кузанский Н. Сочинения в 2 томах. Т.1. – М.: Мысль, 1979. – 488 с.
119. Кузнецов А.М. 2010.01.001. Корнева В.В. Наречия и параметры пространственной картины мира / Воронеж. Гос. Ун-т. – Воронеж, 2008. – 300 С. – Библиогр.: С. 268-300 / А.М. Кузнецов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2010. – № 1. – С. 8-16.
120. Куксова Н.А. Глагол как средство категоризации пространства / Н.А. Куксова // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2006 а. – №2 (42). – С. 229-231.
121. Куксова Н.А. Глагол как средство функциональной категоризации пространства в современном английском языке: дис. ... кандидата филологических наук. – Тамбов, 2006 б. – 168 с.
122. Курукалова Е.С. Типология картин мира, понятие картины мира в парадигме разных отраслей знания / Е.С. Курукалова // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей победителей VIII международной научно-практической конференции, Пенза, 07 февраля 2017 года. – Пенза: "Наука и Просвещение", 2017. – С. 212-217.
123. Курьянова Л.А. Изменения в составе и дистрибуции лексем понятийного поля «возвышенность» от старофранцузского к современному языку // Вестник СПбГУ Сер. 2. 2002. – вып. 4 (№ 26). – С. 51-59.

124. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – Москва: УРСС, 2004 (ООО РОХОС). – 252с.
125. Ларионова М.В. К вопросу о типологических особенностях испанской глагольной лексики // Иберороманистика в современном мире: Научная парадигма и актуальные задачи: Тезисы конф.: Москва, 4-5 марта 2003. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 8-11.
126. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж, 1989. – С. 95.
127. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырёх томах. – Том 3. – М.: Мысль, 1984. – 734 с.
128. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. – Москва; Academia: Смысл, 2005. – 287 с.
129. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С. 296-299.
130. Ливанов Н.М. Учебный курс теории словесности для средних учебных заведений / Сост. Г. Ливанов. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Перерб. учеб. магазин, 1899. – 225 с.
131. Лиходкина И.А. Категория образности в лингвокультурном пространстве художественного текста французского, русского, английского и итальянского языков в аспекте перевода: дис. ... доктора филологических наук. – Мытищи, 2019. – 521 с.
132. Лобанова Ю.С. Антропологические основы языковой номинации пространственных признаков (на материале прилагательных английского языка) / Ю.С. Лобанова // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 114-119.
133. Ломоносова Ю.Е. Образный компонент в структуре концепта (на материале французского языка) / Ю.Е. Ломоносова, Н.Н. Копытина, А.Ю. Щербинин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 95-99.

134. Лопаткина С.В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке: на материале художественной и публицистической речи: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Абакан, 2004. – 25 с.
135. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история / Ю.М. Лотман. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
136. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
137. Лурия А.Р. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования / А.Р. Лурия. – Москва: Академия, 2002. – 346 с.
138. Лурия А.Р. Травматическая афазия / А.Р. Лурия. – М, 1947. – 124 с.
139. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия – М.: Книга по Требованию, 2017. – 320 с.
140. Мазарский М.В. Интерсубъективное пространство и транссубъективное время А. Бергсона / М.В. Мазарский // Перспективы науки. – 2011. – № 7(22). – С. 95- 98.
141. Майсак Т.А. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры / Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина // Глаголы движения в воде: лексическая типология. – Москва: Издательство "Индрик", 2007. – С. 27-75.
142. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: дис. ... кандидата филологических наук. – Москва, 2002. – 297 с.
143. Макарова М.В. Вербализация пространства в русской и немецкой лингвокультурах / М.В. Макарова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 145-148.
144. Максименко О.И. Аттрактивность в теории языка / О.И. Максименко, В.В. Подрядова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 1 (1). – С. 66-73.
145. Мальцева О.Л. Предлог как средство концептуализации пространственных отношений: дис. ... кандидата филологических наук. – Курск, 2004. – 222 с.

146. Маляр Т.Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Москва, 2002. – 44 с.
147. Манакова Н.А. Пространство как атрибут пространственно-временного континуума в грамматике (на материале русского и английского языков) / Н.А. Манакова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 500-507.
148. Манерко Л.А. Концептуализация пространственных представлений в тексте англо-шотландской народной баллады / Л.А. Манерко, Г.И. Проконичев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 2(31). – С. 16-23.
149. Мезенин С.М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира) / С.М. Мезенин. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 99 с.
150. Мерешкова Х.Р. Статус и функции английского предлога и его ингушских эквивалентов в тексте: дис. ... кандидата филологических наук. – Пятигорск, 2006. – 142 с.
151. Михайлова Е.М. Понятие "дом" - "home"/ "house" в русской и английской картинах мира / Е.М. Михайлова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 151-163.
152. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – Б. м.: Лань, 2018. – 296 с.
153. Москвин В.П. О подходах к определению понятия 'троп' / В.П. Москвин // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2013. – Т. 72, № 2. – С. 20-31.
154. Назарова И.П., Схалыхова С.Ш., Хачемизова М.А. Языковые средства, выражающие психоэмоциональное состояние человека // ИСОМ. – 2016.– N 22. – С. 177-181.
155. Никитина М.Ю. Акциональные глаголы движения как основное средство передачи пространственных отношений во французском языке / М.Ю. Никитина, С.А. Моисеева // Вестник Новгородского государственного университета. – 2008. – № 47. – С. 83-86.

156. Николаева Т.В. Категоризация пространства в индивидуальном стиле Роберта Браунинга / Т.В. Николаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-2 (90). – С. 349-354.
157. Николаенко А.В. Когнитивный подход в изучении семантики пространственных и временных предлогов (французский язык) / А.В. Николаенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 10(670). – С. 128-146.
158. Ноздрачев А.Д. Сеченов и некоторые вопросы диалектики чувственного познания / А.Д. Ноздрачев, Н.И. Губанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 3. Биология. – 2005. – № 2. – С. 142-147.
159. Нуждина О.В. Культурный код в рождественских рассказах Ч. Диккенса и О. Генри / О.В. Нуждина // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, 20–21 апреля 2018 года / Составитель Е.А. Федорова, под редакцией М.В. Шамановой, Л.Г. Антоновой, Н.Ю. Ивойловой, Е.Ю. Колтышевой; Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. – С. 349-354.
160. Огдонова Ц.Ц. Научная картина мира: статус, содержание, типология / Ц.Ц. Огдонова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 141-144.
161. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография / М.Ю. Олешков; Нижнетагильская гос. соц.-пед. академия [и др.]. – Нижний Тагил, 2006. – 336 с.
162. Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современ. логико-филос. анализ яз. / Р.И. Павиленис. – Москва: Мысль, 1983. – 286 с.
163. Панкина М.Ф. Формирование семантических структур в лексической системе языка: на материале русского и немецкого лексико-семантических полей «кинетическое состояние агенса» / М.Ф. Панкина. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – 192с.

164. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических фигур русского языка: дис. ... на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Абакан, 2001. – 483 с.
165. Пищальникова В.А. Введение в психопэтику / В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 1993. – 209 с.
166. Планк М. Единство физической картины мира: Сборник статей: / [Сост. и авт. коммент. У.И. Франкфурт]; АН СССР. – Москва: Наука, 1966. – 287 с.
167. Планк М. Смысл и границы точной науки // Вопросы философии. – 1958. – № 5. – С. 102–116.
168. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
169. Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии / А.В. Подосинов; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. Ин-т рос. истории. – Москва: Яз.рус. культуры, 1999. – 718 с.
170. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Воронеж: Издательство Истоки, 2007. – 250 с.
171. Поречная В.И. Пространственный код культуры как лингвокультурное понятие / В.И. Поречная // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 4 (37). – С. 307-311.
172. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Человеческий фактор в языке: Язык и картина мира / Отв. ред.: Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
173. Потебня А.А. Мысль и язык // А.А. Потебня: собр. тр. – М.: Б. и., 1999. – 292 с.
174. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня; [Сост., вступ. статья, примеч. И.В. Иванько, А.И. Колодной]. – Москва: Искусство, 1976. – 614 с.
175. Прохорова О.Н., Лихачева В.В. Особенности репрезентации концепта заполнения пространства во фразеологии современного английского языка / О.Н.

- Прохорова, В.В. Лихачева // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 2. – С. 72-76.
176. Работкин Ю.В. Прилагательное в грамматике и речи / Ю.В. Работкин // Stephanos. – 2015. – № 3(11). – С. 211-222.
177. Ракитина О.Н. Национально-культурная коннотация как семантическая категория: На материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах: дис. ... кандидата филологических наук. – Воронеж, 2005. – 229 с.
178. Ракитина С.В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: монография / С.В. Ракитина; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО "Волгоградский гос. пед. ун-т". – Волгоград: Перемен, 2006. – 277 с.
179. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
180. Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: стоять, лежать, сидеть и висеть / Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 69-80.
181. Рашидова А.Г. Выражения пространственных отношений в лакском, английском и русском языках посредством лексических единиц / А.Г. Рашидова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2-1 (56). – С. 142-145.
182. Рашидова А.Г. Наречия с пространственным значением в английском языке в сопоставлении с лакским и русским языками / А.Г. Рашидова, М.П. Бижитуева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – № 2 (217). – С. 94-97.
183. Ревина Я.С. Психологические аспекты метафоризации: взаимосвязи с коннотацией и креативностью / Я.С. Ревина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2007. – Т. 1, № 2. – С. 54-58.
184. Регнацкий В.В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения / В.В. Регнацкий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 1 (37). – С. 39-46.

185. Рождественский Ю.В. Теория риторики / Рождественский Ю.В. – Москва: Добросвет, 1997. – 597 с.
186. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Москва: Питер, 2012. – 713 с.
187. Рубцова О.В. Языковая концептуализация категории пространства // Известия ВГПУ. – 2019. – №5. – С. 115-119.
188. Рудакова А.В., Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание. – Lambert, 2011. – С. 32.
189. Рудакова И.В. Пространственная метафора на материале английских глаголов sit, stand, lie / И.В. Рудакова // Языки и литература в поликультурном пространстве. – 2016. – № 2. – С. 112-118.
190. Сазонова Т.Ю. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания / Т.Ю. Сазонова, И.С. Бороздина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2 (23). – С. 27–33.
191. Саковец С.А. Номинативная функция глаголов пространственной семантики (на материале немецкого языка) / С.А. Саковец // Colloquium-Journal. – 2018. – № 8-4 (19). – С. 52-54.
192. Самигуллина А.С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции / А.С. Самигуллина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 1. – С. 82-87.
193. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: опыт описания / О.Н. Селиверстова; под ред. В.Н. Ярцева. – Изд. 2-е, стер. – Москва: УРСС, 2004. – 150 с.
194. Селиверстова О.Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия / Труды по семантике. – М.: языки славянской культуры, 2004. – С. 719-941.
195. Семина И.А. Динамический характер концептов / И.А. Семина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 566. – С. 9-21.

196. Серебренников Б.А и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
197. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка / Ю.М. Скребнев. – 2-е изд., испр. – ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 221с.
198. Солганик Г.Я. Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции. – Воронеж, 1987. – С. 6-15.
199. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов. – 2. изд., испр. и доп. – Москва: Акад. проект, 2001. – 989 с.
200. Степанова З.М. Роль предлогов в формировании лингвокультурологических особенностей пространственных концептов: На материале русского и французского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Ульяновск, 2006. – 21 с.
201. Степин В.С. Философия науки и техники / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов; Ин-т "Открытое о-во". – Москва: Фирма "Гардарика", 1996. – 399 с.
202. Стернин И.А. Слово и образ: научное издание / И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд; И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд. – Воронеж: Истоки, 2008. – 242 с.
203. Столярова В.В. Пространственные предлоги и наречия в русском языке: семантические различия / В.В. Столярова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 1. – С. 208-218.
204. Сударь Г.С. Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования: дис. ... кандидата филологических наук. – Москва, 2004. – 212 с.
205. Сырма Н.А. Тропы и фигуры речи и их текстообразующая функция (на материале русского и английского языков): автореферат дис. ... на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 18 с.
206. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173-203.

207. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии / В.Н. Телия // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: тезисы докладов Международной научной конференции: в 2ч. — Минск: Універсітэцкае, 1994. — ч. I. — С. 14-15.
208. Титова М.П. Концепт "пространство" и его отражение во фразеологии национальных языков / М.П. Титова // Вестник Читинского государственного университета. — 2010. — № 10 (67). — С. 45-51.
209. Тихонова В.В. О некоторых особенностях участия глагола в выражении пространственных отношений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2007.— №1. — С. 132-136.
210. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. — Москва: Аспект пресс, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). — 333 с.
211. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное / В.Н. Топоров. — Москва: Издательская группа "Прогресс" - "Культура", 1995. — 624 с.
212. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура / АН СССР, Институт славяноведения и балканистики; ответственный редактор Т.В. Цивьян. — Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический центр РАН "Издательство "Наука", 1983. — С. 227-284.
213. Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка: На материале русского и немецкого языков: автореферат дис. ... доктора филологических наук. — Воронеж, 2000. — 38 с.
214. Тошович Б. Структура глагольной метафоры // Stylistika. — Вып. VII. — Opole, 1998. — С. 221-251.
215. Узнадзе Д.Н. Общая психология / Д.Н. Узнадзе; [пер. с груз. Е.Ш. Чомахидзе]; отв. ред. И.В. Имедадзе. — Москва: Смысл; СПб. [и др.]: Питер, 2004. — 412 с.
216. Федосеева Л.Н. К вопросу о синтаксических квалификациях лексики: синкретичный членопредложенческий статус словоформ с локативным значением

- // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – №3. – С. 14-19.
217. Федосеева Л.Н. Пространственные отношения в современном русском языке: Семантика и средства выражения: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Елец, 2004. – 22 с.
218. Филоненко Т.М. Фразеологизмы, образно выражающие пространство и время в современном русском языке. – СПб.: Нестор, 2002. – 166 с.
219. Фрейденберг О.М. Античные теории языка и стиля / О.М. Фрейденберг. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 342 с.
220. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты / Л.А. Фурс. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2004. – 166 с.
221. Халитова С.Е. К вопросу о соотношении понятий концепт и образ // Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая. – 2010. – № 6 (130). – С. 130-134.
222. Хахалова С.А., Третьякова Е.В. Случаи конвергенции метафоры и метонимии и функционирование метафтонимии в рекламном туристском дискурсе Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – №1. – С. 122-126.
223. Хлыстова А.В. Психолингвистический анализ суггестивной образности художественного текста / А.В. Хлыстова // Филология и человек. – 2014. – № 3. – С. 15-24.
224. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян; отв. ред. В.Н. Топоров; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва: Наука, 1990. – 203 с.
225. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – 4-е издание. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 280 с.

226. Чернобров А.А. Научная и «Наивная» картины мира: культурологический, лексический и текстологический аспекты // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – №7. – С. 230-236.
227. Чернова С.А. Научная картина мира как форма развития знания о реальности / С.А. Чернова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 4-4. – С. 27-30.
228. Чернова С.В. Художественный образ: к определению понятия / С.В. Чернова // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 109-116.
229. Чигирева Е.С. Выразительность нехудожественной речи // Преподаватель XXI век. 2016. – № 2. – С. 371-376.
230. Шадриков В.Д. Введение в психологию: эмоции и чувства: Монография / В.Д. Шадриков. – Москва: ООО "Издательская группа "Логос", 2002. – 156 с.
231. Шайхисламова З.Г. История изучения глаголов движения в разносистемных языках // Вестник Башкирск. ун-та. – 2012. – №3 (I). – С. 1610-1614.
232. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 4-16.
233. Шенделева Е.А. Категория образности: проблемы лексикологической интерпретации и перспективы исследования // Вестник ТГПУ. – 2000. – № 3 (19). – С. 73-79.
234. Шоков Н.Н. Образная речь: специфика и семантический механизм / Н.Н. Шоков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4-1(70). – С. 188-191.
235. Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // Собрание науч. трудов: В 4 томах / под ред. И.Е. Тамма, Я.А. Смородинского, В.Г. Кузнецова. – М.: Наука, 1967. – Т. 2. – 880 с.
236. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4-х томах. – Том 2. – М.: Наука, 1966. – 879 с.

237. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: дис. ... на соискание ученой степени доктора филологических наук – Томск, 2005. – 436 с.
238. Юсупова Л.Г. Образность в когнитивистике // XVII Международная научно-практическая конференция «Языки и культура». – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2015. – С. 150-154.
239. Ябжанова Л.Б. Пространственная метафора в формировании фразеологических единиц английского языка // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017.– № 3. – С.64-68.
240. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р.О. Якобсон; пер. с англ. Н.В. Перцова // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой; пер. под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 110-132.
241. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. В. Шеворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. – М.:Гнозис, 1996. – 248с.
242. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: Модели пространства, времени и восприятия: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Москва, 1992. – 52 с.
243. Ястребова Н.Е. Национальные особенности понятий "пространство" и "время" / Н.Е. Ястребова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8-1 (14). – С. 218-221.
244. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. – KG, 2006. – P. 303-371.
245. Jackendoff R. Semantic Structures. – Cambridge, MA: MIT Press, 1990. – 322 p.
246. Lacroff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago: University of Chicago Press. 1980. – 256 p.

247. Lausberg H. Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study. – Leiden, 1998. – 921 p.
248. Newton I. The Principia: Mathematical Principles of Natural Philosophy. – L., 2010. – 466 p.
249. Pottier B. Sémantique du fini et sémantique du non-fini // Actes du X-ème Congrès International des Linguistes. – Bucarest, 1970. – P. 385-389.
250. Schofer P., Rice D. Metaphor, metonymy and synecdoche – «Semiotica», 1977, v. 21. – 241 p.
251. Simplicius In Aristotelis categories commentarium. – [Симпликий, «Комментарии к категориям Аристотеля»] – (ed. by C. Kalbfleish), Berlin, 1907. – 842 p.

Словари

1. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. – 1534 с.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Норинт, 2004. – 1456 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2: И–О.– С. – Петербург, Москва, 1881.– 807 с.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – 5-е издание, исправленное и дополненное. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.– 488 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва “Сов. энцикл.”, Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В.Н. Ярцева.– М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – Москва: Интелвак, 2001.
7. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В.П. Москвин. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Ростов-на-Дону: Издательство Феникс, 2007. – 940 с.

8. Новая философская энциклопедия: В 4 т./Ин-т философии РАН, Нац. общ. - научн. фонд; Научно-ред. совет: преде. В.С. Степин, заместители преде: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. Т. III. – 2010. – 692 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2015. – 944 с.
10. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – Москва: Просвещение, 1974. – 509 с.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева, В.И. Аннушкин, Е.А. Баженова [и др.]; под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2006. – 696 с.
12. Философский энциклопедический словарь. – Москва: ИНФРАМ, 2009. – 568 с.
13. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов: Принципы сост. и избр. слов. ст. / С.Е. Никитина, Н.В. Васильева; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Б. и., 1996. – 171 с.
14. Macmillan English Dictionary: For advanced Learners. International Student Edition. – Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 p.

Электронные ресурсы

1. НКРЯ - Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.ruscorpora.ru](https://www.ruscorpora.ru)
2. British National Corpus [Electronic source]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/>